

Сборникъ „Нивы“ за 1903 г.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛЪСКОВА.

Изданіе третье

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Н. С. Лъскова, гравиров. на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

О подпискѣ на «Ниву» и «Исторію Русской Словесности» см. слѣд. стр. обложки.

Изданія А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

ПОЛНЫЙ
ТОМЪ „НИВЫ“
за 1902 г.

Въ номерахъ „Нивы“ 1902 г. собранъ обширный литературный матеріалъ (до 2.000 столбцовъ текста), состоящій изъ беллетристическихъ произведеній, популярно-научныхъ статей, біографій выдающихся дѣятелей и проч. Искусство нашло себѣ отраженіе на страницахъ „Нивы“ въ видѣ множества оригинальныхъ рисунковъ и художественно-исполненныхъ гравюръ — копій съ картинъ извѣстнѣйшихъ художниковъ; кромѣ того, помѣщено множество снимковъ, иллюстрирующихъ текущія событія.

Къ тому „Нивы“ 1902 г. приложены:

- 1) ПЕРВЫЕ
12 ТОМОВЪ Н. С. ЛѢСКОВА,
полнаго собран. сочин. отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ,
- 2) ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ въ
12 ТОМАХЪ В. А. ЖУКОВСКАГО,
- 3) 12 книгъ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“,

въ которыхъ помѣщены произведенія выдающихся современныхъ авторовъ: романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя, историч. и критич. статьи и пр.

Цѣна тому „НИВЫ“ за 1902 г. со всѣми приложениями безъ перес. 5 руб. За упаковку взимается 75 к. Желаніе имѣть изданіе въ коленкор. переплетахъ благоволить сверхъ того прилагать: за переплетъ тома „НИВЫ“—1 р. 50 к., за 4 перепл. на 12 книгъ соч. Лѣскова—1 р. 60 к., за 3 перепл. на 12 книгъ соч. Жуковского—1 р. 20 к. и за 3 перепл. на 12 вып. „Литерат. Приложеній“—1 руб. Въсѣ 30 фунт.

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ КЛАССИКОВЪ,

изданныя подъ редакцію А. И. Введенскаго, съ біографіями и портретами авторовъ, гравирован. на стали Бронгаузомъ въ Лейпцигѣ и Дейнинггеромъ въ Мюнхенѣ.

Наши изданія составлены по лучшимъ прежнимъ изданіямъ, причѣмъ текстъ тщательно проверенъ по источникамъ, а въ нѣкоторыхъ „собраніяхъ“ дополненъ помѣщеніемъ произведеній, отскананныхъ А. И. Введенскимъ въ журналахъ и альманахахъ и пропущенныхъ въ прежнихъ изданіяхъ или до сего вовсе не опубликованныхъ. — Изданія отпечатаны весьма изящно, на хорошей бумагѣ, красивымъ шрифтомъ.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю.* Полное собраніе сочиненій. 2-е изданіе въ 2-хъ томахъ. 1262 стр. въ 8-ю д. л. СПб. 1901 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; въ 2-хъ переплетахъ 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Цѣна роскошн. изданія на лучшей голландской слобовой бумагѣ, въ 4-хъ томахъ,—5 р., съ пересылкой 5 р. 75 к.; въ 4-хъ переплетахъ—7 р., съ пересылкой—7 р. 75 к.

ГРИБОѢДОВЪ, А. С.* Полное собраніе сочиненій. 392 стр. въ 8-ю д. л. СПб. 1892 г.

ПОЛЕЖАЕВЪ, А. И.* Полное собраніе сочиненій. 328 стр. въ 8-ю д. л. СПб. 1892 г.

ЕКАТЕРИНА II.* Сочиненія. 448 стр. въ 8-ю д. л. СПб. 1893 г.

КОЗЛОВЪ, И. И.* Полное собраніе сочиненій. 344 стр. СПб. 1892 г.

КОЛЬЦОВЪ, А. В.* Стихотворенія и письма. Полное собраніе, вновь исправленное и значительно дополненное. 348 стр. въ 8-ю д. л. СПб. 1901 г.

ЛОМОНОСОВЪ, М. В. Сочиненія. Второе изданіе. 352 стр. въ 8-ю д. л. СПб. 1897 г.

ФОНВИЗИНЪ, Д. И.* Полное собраніе сочиненій. 400 стр. въ 8-ю д. л. СПб. 1901 г.

* Изданія, отмѣченные звѣздочкой, рассмотрѣны Военно-Ученымъ Комитетомъ, и о выходѣ ихъ въ свѣтъ объявлено въ циркулярѣ Главнаго Штаба отъ 17 декабря 1896 г., за № 254. Сочиненія Лермонтова, кромѣ того, допущены Ученымъ Комит. М. Н. П. въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ.

Цѣна за одинъ экземпляръ каждаго изъ означенныхъ семи собраній сочиненій 1 р., съ перес. 1 р. 30 к. Въ роскошномъ коленкор. переплетѣ, тисненномъ золотомъ и красками,—1 р. 40 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Кромѣ того, для любителей изящныхъ изданій, сочиненія эти (за исключеніемъ соч. Кольцова и Ломоносова) отпечатаны въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ на лучшей веленовой бумагѣ. Цѣна каждому изъ пяти означ. собр. соч. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р., а въ роскошн. коленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Требованія и деньги просятъ адресовать въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, ул. Гоголя (бывш. М. Морская), № 22. Изданія эти имѣются также въ продажѣ въ конторѣ Н. Н. Печковой въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“ въ Одессѣ (Ришельевская, № 12) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

INSTITUT
BADAŃ LITERACYJNYCH PAN
BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77

Tel. 26-68-83

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1903.

Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

24.124/15

СМѢХЪ и ГОРЕ.

CMXP N LOPE

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Свѣжій мартовскій вѣтеръ гулко шумѣлъ деревьями большого Таврическаго сада въ Петербургѣ и быстро гналъ по погожему небу ярко-красныя облака. На дворѣ было около восьми часовъ вечера; сумерки съ каждою минутою надвигались все гуще и гуще, и въ небольшой гостиной опрятнаго домика, выходявшаго окнами къ одной изъ оранжерей опустѣлаго Таврическаго дворца, ярко засвѣтилась бѣлая фарфоровая лампа, разливавшая тихій и ровный свѣтъ по уютному покою. Это было въ одномъ дружескомъ семействѣ, куда я, дядя мой Орестъ Марковичъ Ватажковъ и еще двое нашихъ общихъ знакомыхъ только-что вернулись съ вербнаго базара, что стоитъ о Лазаревой субботѣ у Гостиного двора. Мы всѣ пришли сюда прямо съ этого базара и разговорились о значеніи праздничныхъ сюрпризовъ.

Семейный домъ, въ которомъ мы собрались, былъ изъ числа тѣхъ домовъ, гдѣ не спѣшать отставать отъ завѣтныхъ обычаевъ. Здѣсь извѣстные праздничные дни отличаются отъ простыхъ дней года всеми мелочами, какими отличались эти дни у отцовъ и дѣдовъ. Тутъ непременно поздній обѣдъ при звѣздѣ наканунѣ Рождества; кутья по Предтечѣ въ Крещенскій сочельникъ; жаворонки дѣтямъ 9-го марта, а въ воскресенье предъ Страстною недѣлей вербные подарки. Последніе обыкновенно состояли изъ разныхъ игрушекъ и сюрпризовъ, которые наканунѣ съ вечера закупались на вербномъ базарѣ у Гостиного двора и рано утромъ подвѣшивались на лентахъ подъ пологами дѣтскихъ кроватокъ. Каждый подарокъ украшался вѣткою вербы и

крылатымъ херувимомъ... Дѣти были увѣрены, что вербные подарки имъ приносить самъ этотъ вербный херувимъ или, какъ они его называли, «вербный купидонъ».

Объ этихъ подаркахъ и зашла теперь рѣчь: всѣ находили, что подарки—прекрасный обычай, который оставляетъ въ дѣтскихъ умахъ самыя теплыя и поэтическія воспоминанія; но дядя мой, Орестъ Марковичъ Ватажковъ, чловѣкъ необыкновенно выдержанный и благовоспитанный, вдругъ горячо запротиворѣчилъ и сталъ настаивать, что всѣ сюрпризы вредны и не должны имѣть мѣста при воспитаніи нигдѣ, а тѣмъ паче въ Россіи.

— Потому,—продолжалъ дядя:—что здѣсь и безъ того что ни шагъ, то сюрпризъ, и притомъ самыя скверный; такъ зачѣмъ же вводить дѣтей въ заблужденіе и пріучать ихъ ждать отъ внезапности чего-нибудь пріятнаго? Я допускаю, въ видѣ сюрприза, только одно—сѣчь ребенка.

Всѣ переглянулись; кое-кто улыбулся.

— Это и понятно, что Оресту Марковичу неприятно говорить о дѣтяхъ и о дѣтствѣ,—сказала хозяйка. — Старые холостяки не любятъ дѣтей.

— Опять долженъ вамъ возражать, — отвѣчалъ дядя. — Хотя я уже и дѣйствительно въ такихъ лѣтахъ, что не могу обижаться именемъ стараго холостяка, но, тѣмъ не менѣе, дѣтей я люблю, а сюрпризы для нихъ считаю вредными, потому что это вселяетъ въ нихъ ложныя надежды и мечтанія. Надо готовить дѣтей къ жизни сообразно ожидающимъ ихъ условіямъ, а такъ какъ жизнь на Руси чаще всего самыхъ лучшихъ людей ни за что ни про что бьетъ, то въ видѣ сюрприза можно только развѣ бить и наилучшихъ дѣтей и то преимущественно въ тѣ дни, когда они заслуживаютъ особой похвалы.

— Вы чудачествуете, Орестъ Марковичъ?

— Нимало: вербные купидоны для меня, какъ и для вашихъ дѣтей, еще не перешли въ область прошедшаго, и я говорю о нихъ даже не безъ замиранія сердца.

— Это шутка?

— Нисколько. Что за шутка серьезными вещами.

— Такъ это исторія?

— Даже нѣсколько исторій, если вамъ угодно: лучше сказать, это такое же *potpourri* изъ сюрпризовъ, какъ бываетъ *potpourri* изъ пѣсень.

— И вы, можетъ-быть, будете такъ любезны, что расскажете намъ кое-что изъ вашего *potpourri*?

— Охотно,—отвѣчалъ мой дядя:—тѣмъ болѣе, что здѣсь и тепло, и свѣтло, и пріятно, и добрые снисходительные слушатели, а мое *potpourri* варьировано на интереснѣйшую тему.

— А именно?

— А именно вотъ на какую: всѣ полагаютъ, что на Руси жизнь скучна своимъ [однообразіемъ, и ѣздить отсюда за границу *развлекаться*, тогда какъ я утверждаю и буду имѣть честь вамъ доказать, что жизнь нигдѣ такъ не преизобилуетъ самыми внезапнѣйшими разнообразіями, какъ въ Россіи. По крайней мѣрѣ я уѣзжаю отсюда за границу именно *для успокоенія* отъ калейдоскопической пестроты русской жизни, и думаю, что я не единственный экземпляръ въ своемъ родѣ.

— Орестъ Марковичъ! Мы васъ слушаемъ.

— Милостивые государи! Я повинуюсь и начинаю.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— Большинству здѣсь присутствующихъ обстоятельно извѣстно, что я происхожу изъ довольно древняго русскаго дворянскаго рода. Я записанъ въ шестую часть родословной книги своей губерніи; получилъ въ наслѣдство по разнымъ прямымъ и боковымъ линиямъ около двухъ тысячъ душъ крестьянъ; учился когда-то и въ Россіи, и за границей; служилъ неволею въ военной службѣ; холостъ, корнетъ въ отставкѣ, имѣю преглонныя лѣта, живу постоянно за границей и проѣзжаю тамъ мои выкупныя свидѣтельства; очень люблю Россію, когда ея не вижу, и непомѣрно раздражаюсь противъ нея, когда живу въ ней, а потому наѣзжаю въ нее какъ можно рѣже, въ экстренныхъ случаяхъ, подобныхъ тому, отъ котораго сегодня только освободился. Я рассказываю вамъ все очень подробно и не утаиваю никакихъ мелочей моего характера, эгоистическаго и мелкаго, не дѣлающаго мнѣ ни малѣйшей чести. Я знаю, что вы меня за это не почтете вашимъ особеннымъ вниманіемъ, но я уже, во-первыхъ, старъ, чтобы зацкивать себѣ чье-нибудь расположеніе лестью и притворствомъ, а во-вторыхъ, строгая истина совершенно необходима въ моемъ полуфантастическомъ рассказѣ для того, чтобы вы ни на ми-

пугу не заподозрили меня во лжи, преувеличеніяхъ и утайкахъ.

Въ воспитаніи моемъ есть что-то необыкновенное. Я русскій, но родился и выросъ внѣ Россіи. Должность родныхъ лицъ, подъ которыми я впервые осмотрѣлся, исправляли для меня южные каштаны, я крещенъ въ водѣ итальянской рѣки и глаза мои увидали впервые солнце на итальянскомъ небѣ. Родители мой постоянно жили въ Италіи. Отецъ мой не былъ изгнанникъ, но, тѣмъ не менѣе, сѣверъ былъ для него вреденъ, и онъ предпочиталъ родинѣ чужіе края. Мать моя тосковала по Россіи и научила меня любить ее и стремиться къ ней. Когда мнѣ минуло шесть лѣтъ, стремленію этому суждено было осуществиться: отецъ мой, катаясь на лодкѣ въ Генуэзскомъ заливѣ, опрокинулся и пошелъ какъ ключъ ко дну въ море. Послѣ этой потери, югъ утратилъ для насъ съ матерью свое значеніе, и мы потянулись съ нею на сѣверъ. Мнѣ о ту пору было всего восемь лѣтъ. Тогда и по Европѣ еще сплошь ѣздили въ дилижансахъ, а у насъ плавали по грязи.

Я не помню уже сколько дней мы ѣхали до Петербурга, сколько потомъ отъ Петербурга до Москвы и далѣе отъ Москвы до далекаго уѣзднаго города, вблизи котораго, всего въ семи верстахъ, жилъ мой дядя. Эта продолжительная и утомительная поѣздка, или, вѣрнѣе сказать, это плаваніе въ тарантасахъ по грязи, по тридцати верстѣ въ сутки на почтовыхъ, останется вѣчно въ моей памяти. Я какъ будто вчера еще только отбылъ эти муки, и у меня даже еще ноютъ при всякомъ движеніи хрящи и ребра. Я поистинѣ могу сравнивать это странствованіе съ странствованіями Одиссея Лаэртида. Приключенія были чуть не на каждомъ шагу, и покойница матушка во всѣхъ этихъ приключеніяхъ играла роль добраго гения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Благія вмѣшательства моей матери въ судьбы странниковъ начались съ перваго же ночлега по петербургскому шоссе, которое существуетъ и по-днесь, но о которомъ всѣ вы, нынѣшніе легковѣсные путешественники, разумѣется, не имѣете никакого понятія. Желѣзныя дороги—большое препятствіе къ изученію Россіи, я въ этомъ положительно увѣренъ, но это à propos... Какъ сейчасъ помню: теплый осен-

ній вечеръ; полоска слабаго свѣта чуть брезжится на западѣ и на ней отъ времени до времени вырѣзываются силуэты ближайшихъ деревьевъ: они все казались мнѣ солдатиками, и я мысленно сравнивалъ ихъ съ огненными мужичками, которые пробѣгаютъ по сторѣвшей, но не истлѣвшей еще бумагѣ, брошенной въ печку. Я любилъ, бывало, засматриваться на такую бумагу, какъ засмотрѣлся ѣдучи и на полосу заката, и вовсе не замѣтилъ, какъ она утасла и какъ передъ остановившимся внезапно экипажемъ вытянулась черная полоска какихъ-то городулечъ, испещренныхъ огненными точками краснаго цвѣта, отражавшагося длинными и острыми стрѣлками на темныхъ лужахъ шоссе, по которымъ порывистый вѣтеръ гналъ безконечную рябь. Это былъ придорожный поселокъ, станція и ночлегъ. Борисъ Савельичъ, старый и высокій, съ сѣдымъ кокомъ лакей, опытный путешественникъ, отряженный дядею въ наши провозатые и высланный намъ навстрѣчу въ Петербургъ для сопровожденія насъ въ завѣтную глубь Россіи, соскочилъ съ козелъ и отправился на станцію. Я видѣлъ, какъ его грандіозная, внушающая фигура въ безпредѣльной, подпоясанной ремнемъ, волчьей шубѣ, поднялась на крыльцо; видѣлъ, какъ въ огнѣ моталась тѣнь его высокаго кока и какъ потомъ онъ тотчасъ же вышелъ назадъ къ экипажу, крикнувъ ямщику: «не смѣй отпрягать», и объявилъ матушкѣ, что на почтовой станціи остановиться ночевать невозможно, потому что тамъ проѣзжіе ремонтеры играютъ въ карты и пьютъ вино, а «ночью,—добавлялъ нашъ провозатый,—хотя они и благородные, но у нихъ навѣрное случится драка». Матушка страшно перепугалась этого доклада и тотчасъ же сдалась на предложеніе Бориса Савельича отѣхать на постоянный дворъ къ какому-то Петру Ивановичу Гусеву, который, по словамъ Бориса, былъ «отличнѣйшій человекъ и имѣлъ у себя для проѣзжающихъ претличные покои».

Дворъ этого отличнѣйшаго человека былъ всего въ двухъ шагахъ отъ станціи, и не успѣлъ Борисъ скомандовать: «къ Петру Ивановичу», какъ экипажъ нашъ свернулъ съ шоссе налѣво, прокатилъ по небольшому мостику чрезъ придорожную канаву и, проползя нѣсколько шаговъ по жидкой грязи, застучалъ по бревенчатому помосту подъ темными сараями крытаго двора. Посрединѣ этого двора, подъ высокими стропилами, висѣлъ на перекинутой чрезъ блокъ веревкѣ боль-

шой фонарь, ничего не освѣщавшій, но глядѣвшій на все точно красный глазъ кикиморы. Въ непроглядной тьмѣ подъ сараями кое-гдѣ слышались человѣческіе голоса и то тихій стукъ конскихъ зубовъ, жевавшихъ овесъ, то усталое лошадиное отпырхиванье.

Матушка и моя старая няня, возвращавшаяся съ нами изъ-за границы, высвободившись изъ-подъ вороха шубъ и мѣховыхъ одѣялъ, укутывавшихъ наши ноги отъ пронзительнаго вѣтра, шли въ «упокои» пѣшкомъ, а меня Борисъ Савельичъ несъ на рукахъ, покинувъ предварительно свой кушакъ и шапку въ тарантасѣ. Держась за воротникъ его волчьей шубы, я мечталъ, что я сказочный царевичъ и ѣду на сказочномъ же сѣромъ волкѣ.

«Упокоевъ», которыми соблазнилъ насъ Борисъ, къ нашимъ услугамъ, впрочемъ, не оказалось. Встрѣтившая насъ въ верхнихъ снѣгахъ баба, а затѣмъ и самъ Петръ Ивановичъ Гусевъ,—атлетическаго роста мужчина съ окладистою бородой, — ласковымъ голосомъ и съ честнѣйшимъ видомъ, объявилъ намъ, что въ «упокояхъ» передѣлываются печи и ночевать тамъ невозможно, но что въ залѣ престолично и чай кушать, и опочивать можно на диванахъ.

— А барчуку,—добавилъ онъ, указывая на меня: — мы смостимъ два креслица и пуховичокъ подкинемъ.

Мать рѣшила, что это прекрасно и, взявъ съ хозяина слово, что онъ въ залу уже никого, кромѣ насъ, не пустить, велѣла подать самоваръ. Послѣднее распоряженіе матушки тотчасъ же вызвало со стороны Бориса осторожное, шопотомъ выраженное замѣчаніе, что, молъ, этакъ, не спросивши напередъ цѣны, на постоянныхъ дворахъ ничего спрашивать невозможно.

— Хотя это точно,—говорилъ Борисъ:—что мы съ вашимъ братцемъ всегда останавливаемся у Петра Ивановича и онъ обижать насъ по-настоящему не долженъ, ну, а все же правило того требуетъ, чтобы спросить.

Борисъ Савельичъ былъ изъ числа тѣхъ крѣпостныхъ людей, выросшихъ въ передней господскаго дома, для которыхъ поѣздки, особенно далекія поѣздки въ столицу, въ Москву или Петербургъ, составляли высшее удовольствіе. Въ этихъ поѣздкахъ онъ могъ щеголять своею опытностью, знаніемъ свѣта, тонкимъ пониманіемъ людей и вообще такими свѣдѣніями, какихъ при обыкновенномъ теченіи жизни

ему показать было некому, да которыхъ отъ него въ обыкновенное время никто и не спрашивалъ. Все, что онъ ни дѣлалъ въ дорогѣ,—все это онъ дѣлалъ какъ бы нѣкое священнодѣйствіе, торжественно, величественно и притомъ съ нѣкоторымъ жреческимъ лукавствомъ.

Въ большой комнатѣ, которую мы для себя заняли, Борисъ Савельичъ тотчасъ же оріентировалъ насъ къ углу, гдѣ была тепло, даже жарко натопленная печка. Онъ усадилъ меня на лежанку, матушку на диванъ и безпрестанно прибѣгалъ и убѣгалъ съ разными узлами, дѣлая въ это время отрывочныя замѣчанія то самому дворнику, то его кухаркѣ, — замѣчанія, состоявшія въ томъ, что не во-время они взялись передѣлывать печки въ упокояхъ, что темно у нихъ въ сѣняхъ, что вообще онъ усматриваетъ у нихъ въ хозяйствѣ большія нестроенія.

Затѣмъ Борисъ убѣгалъ снова и снова возвращался съ корзинками, въ которыхъ были припасенные въ дорогу пашушники и пирожки. Все это было разложено на печкѣ, на чистой бумагѣ, и Борисъ Савельичъ, разбирая эту провизию, внушалъ матушкѣ, что все это надо кушать, а у дворника ничего не брать, потому-де, что у него все очень дорого.

— Я про ужинъ для себя полюбопытствовалъ,—говорилъ Борисъ: — да полтину просить, такъ я ему въ глаза и плюнулъ.

Матушку такая рѣзкость смутила, и она поставила это Борису на видъ; но тотъ только махнулъ рукой и отвѣчалъ, что съ торговымъ человѣкомъ на Руси иначе обходиться невозможно.

— Ихъ, матушка,—увѣрялъ онъ:—и попъ когда крестить, такъ въ самое темя имъ три раза плюеть.

Это меня очень заинтересовало, и я снова замечтался, какъ это производится указанная Борисомъ процедура, а между тѣмъ былъ поданъ самоваръ; я выпилъ одну чашку, почувствовалъ влеченіе ко сну и меня уложили на той же теплой лежанкѣ. Матушка расхаживала по комнатѣ, чтобы размять ноги, а Борисъ съ нянькою сѣли за чай; они пили очень долго и въ совершенномъ молчаніи. Я, потягиваясь на лежанкѣ, все наблюдалъ, какъ моя нянька краснѣла и, какъ мнѣ казалось, распухала. Она мнѣ тогда представлялась бѣлой пивкой, какихъ я, впрочемъ, никогда не ви-

далъ; я думалъ: вотъ еще, вотъ еще, раздуется моя няня и хлопнетъ. И точно, старуха покраснѣла, раздулась, разстегнула даже платокъ на груди и отпала. Но Борисъ Савельичъ упорно оставался одинъ за столомъ. Онъ сидѣлъ прямо, какъ будто проглотилъ аршинъ, и наливалъ себѣ мѣрно стаканъ за стаканомъ, съ очевиднымъ непреложнымъ намѣреніемъ выпить весь самоваръ до послѣдней капли. Онъ не раздувался и не краснѣлъ, какъ няня, но у него зато со всякимъ хлебкомъ престрашно выворачивались вѣки глазъ и изъ сѣдого его чуба вылеталъ и возносился легкій паръ. Мнѣ очень хотѣлось спать, но я не могъ уснуть, потому что все мною наблюдаемое чрезвычайно меня занимало. Это была *она*, моя завѣтная, моя долгожданная Россія, которую я жаждалъ видѣть ежесекундно. Она была въ этой безпріютной комнатѣ, въ этомъ пузатомъ самоварѣ, въ этомъ дымящемся чубѣ Бориса. .

Но наблюденіямъ моимъ готовъ былъ и иной матеріалъ.

Среди такихъ занятій нашей компаніи, о которыхъ я рассказываю, подъ окнами послышался шумъ отъ подъѣхавшаго экипажа, и вслѣдъ затѣмъ стукъ въ ворота и говоръ. Няня взглянула въ окно и сказала:

— Шестерная карета!

— Ну, какъ пріѣхали, такъ и уѣдутъ,—отвѣчалъ ей Борисъ:—останавливаться негдѣ;—но въ эту минуту на порогѣ явился умильный Петръ Ивановичъ и съ заискивающею подобострастною улыбкою началъ упрашивать мать во что бы то ни стало дозволить напитокъ чаю въ нашей комнатѣ прѣзжей генеральшѣ. Борисъ Савельичъ окрысился-было за это на дворника, какъ песь Дагобера, но, услышавъ со стороны матери предупредительное согласіе, тотчасъ же присѣлъ и продолжалъ допивать свой чай и дымиться. Я имѣлъ чортъ знаетъ какое возвышенное понятіе о русскихъ генералахъ, про которыхъ няня мнѣ говорила дива и чудеса, и потому я торжествовалъ, что увижу генеральшу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ комнату нашу вошла большая, полная, даже почти толстая дама съ косымъ проборомъ и съ мушкой на лѣвой щекѣ. За ней четыре барышни въ ватныхъ шелковыхъ капотахъ, за ними горничная дѣвушка съ красивымъ дорожнымъ ларцемъ изъ краснаго сафьяна, за дѣвушкой лакей

съ ковромъ и нѣсколькими подушками, за лакеемъ ливрейнымъ лакей не-ливрейный съ маленькою собачкой. Генеральша, очевидно, была недовольна, что мы заняли комнату, прежде чѣмъ она накушалась здѣсь своего чаю.

Она извинялась передъ матушкой, что побезпокоила ее, но извинялась такимъ страннымъ тономъ, какъ будто мы были предъ нею въ чемъ-то виноваты и она насъ прощала. Матушка по своей добротѣ ничего этого не замѣчала и даже радовалась, что она можетъ чѣмъ-нибудь услужить проѣзжимъ, вызывалась заварить для нихъ новый чай и предложила дочерямъ генеральши нашихъ отогрѣтыхъ пирожковъ и папушниковъ. Но генеральша отклонила матушкино хлѣбосольство, объяснивъ, все въ томъ же неприступномъ тонѣ, что она разогрѣтаго не кушаетъ и чаю не пьетъ, что для нея сейчасъ сварятъ кофе въ ея кофейникѣ, а пока... она въ это время обратилась къ Петру Ивановичу и сказала:

— Послушай, мужикъ, у тебя есть что-нибудь завтракать?

— Матушка,—отвѣчала, выгибаясь, Петръ Иванычъ:—у меня сію минуту индюкъ въ печи сидитъ, на станцію для ремонтеровъ жарилъ, да если твоей милости угодно, мы тебѣ его подадимъ, а они подождутъ.

— Давай,—приказала генеральша.

Нашъ Борисъ тряхнулъ чубомъ и еще съ большимъ ожесточеніемъ сталъ глотать остывающій чай. И мнѣ, и Борису показалось, что генеральша приказала подать индюка единственно затѣмъ, чтобъ унижить этимъ насъ, занимавшихъ въ комнатѣ лучшее мѣсто, но скромно подгрѣплявшихся чаемъ и разогрѣтыми пирожками. Всѣ мы были не мало переконфужены этимъ начинавшимъ подавлять насъ великосвѣтскимъ сосѣдствомъ и нетерпѣливо ждали появленія индюка, въ надеждѣ, что вслѣдъ затѣмъ гости наши покушаютъ и уѣдутъ.

Наконецъ, явился и онъ. Какъ теперь его помню: это былъ огромный, хорошо поджаренный, подрумяненный индюкъ, на большомъ деревянномъ блюдѣ и въ его папоротку былъ артистически воткнуть сверкающій клинокъ большого ножа съ бѣлой костяною ручкой. Петръ Ивановичъ подалъ индюка и, остановясь, сказалъ:

— Прикажете раскроить?

— Нѣтъ, пожалуйста, пожалуйста... твоихъ услугъ не надо,—отвѣчала генеральша.

Петръ Ивановичъ, не конфузясь, отошелъ въ сторону.

На столѣ запылалъ кофейникъ, и генеральша обратилась къ дочерямъ съ вопросомъ, чего кому хочется. Ни одной не хотѣлось ничего. Надо помнить, что это были тѣ времена, когда наши барышни считали обязанностью держаться неземными созданьями и кушали очень мало, а потому генеральша только и могла отрѣзать отъ индюка одно крылышко. Это крылышко какая-то изъ дѣвицъ подержала въ рукахъ, покусала и бросила на тарелку. Затѣмъ лакей доложилъ, что карета готова, и чопорные гости стали собираться. Но тутъ произошла престранная исторія, впервые поколебавшая мое высокое понятіе о генеральшахъ.

Петръ Ивановъ явился съ огромными счетами, началъ выкладывать за теплоту и за свѣтлоту, и вдругъ потребовалъ за жаренаго индюка семнадцать съ полтиной (конечно на ассигнаціи).

Генеральша такъ и вскипѣла.

— Чтò ты, чтò ты! Да гдѣ же это за индюка семнадцать съ полтиной? Этакъ и за границей не деруть.

— Намъ, сударыня, заграница не указъ; мы свой расчеъ держимъ.

— Да мы твоей индюшки и не сѣли: ты самъ видишь, я одно крылышко отъ нея отломил.

— Какъ вамъ угодно,—отвѣчалъ Петръ Ивановъ:—только я ее теперь никому подать не могу. Какъ у насъ русскій дворъ, то мы, сударыня, только цѣлое подаемъ, особенно ремонтерамъ, потому какъ это господа завсегда строгіе.

— Ахъ, какой же ты мошенникъ!—закричала генеральша.

Петръ Ивановъ просилъ его не порочить.

— Нѣтъ, скажите Бога ради, мошенникъ онъ или нѣтъ?—обратилась генеральша заискивающимъ тономъ къ моей матери.

Мать промолчала, а Петръ Ивановъ положилъ на столъ счеты и вышелъ.

— Я не заплачѹ,—рѣшила генеральша:—ни за что не заплачѹ,—но тутъ же и спасовала, потому что вошедшій лакей объявилъ, что Петръ Ивановъ не выпускаетъ его съ вещами къ каретѣ.

— Ахъ, Боже мой, развѣ это же можно? — засуетилася генеральша.

— Торговаться впередъ надо, — отвѣчалъ ей поучительно Борисъ.

— Но, мой другъ, поиди, уговори его. — Вы позволите?

Мать позволила, Борисъ пошелъ, долго кричалъ и вернулся съ тѣмъ, что менѣе пятнадцати рублей не беретъ.

— Скажите, что же мнѣ дѣлать? — засуетилась снова генеральша.

Мать моя, зѣвая и закрывая ротъ рукою, отвѣчала генеральшѣ по-французски, что надо заплатить, и добавила, что съ одного ея кузена на Кавказѣ какіе-то казаки на постояломъ дворѣ потребовали пять рублей за пять яиць, и когда тотъ не хотѣлъ платить, заперли его на дворѣ.

— Неужели это можетъ быть и со мною? — воскликнула генеральша и, заливаясь слезами, начала упрашивать Петра Иванова объ уступкѣ, но Петръ Ивановъ изъ пятнадцати рублей не уступилъ ни одной копейки, и деньги эти ему были заплачены; генеральша, негодующая и заплаканная, стала прощаться, проклиная Русь, о которой я слышалъ за границей одни нѣжные вздохи.

— Возьмите же, по крайней мѣрѣ, съ собою этого индюка: онъ вамъ пригодится, — сказала моя мать генеральшѣ.

Растерянная генеральша съ радостію согласилась.

— Да, да, — заговорила она: — конечно, жаркое пригодится.

И съ этимъ ея превосходительство, остановивъ за руку Петра Иванова, который хотѣлъ унести индюка, сказала ему:

— Позволь, позволь, батюшка: ты деньги получилъ, а индюкъ мой. Дай мнѣ сахарной бумаги, чтобы завернуть.

Петръ Ивановъ отказалъ, но мать встала съ своего мѣста, пересыпала рубленый сахаръ изъ бумажнаго картуза въ холщевый мѣшочекъ и передала его Борису, который тутъ же мастерски увернулъ индюка и вручилъ его непосредственно самой генеральшѣ. Встрѣча съ этою гордою дамой, ея надутый видъ и метаморфозы, которыя происходили съ нею въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, были для меня предметомъ не малаго удивленія.

Съ этихъ поръ я, при видѣ всякаго земного величія, постоянно не могъ отучиться задавать себѣ вопросъ: а какъ бы держало себя это величіе предъ индюкомъ и запертыми воротами?

Это невинное событіе преисполнило юную душу мою неулегающимися волнами сомнѣнія и потомъ во многихъ случаяхъ моей жизни служило мнѣ соблазномъ и камнемъ преткновенія, о который я спотыкался и довольно больно разбилъ себѣ носъ.

Тотчасъ по отъѣздѣ генеральши въ нашей компаніи начались на ея счетъ самыя злыя насмѣшки, изъ чего я тогда же вывелъ для себя, сколь невыгодно выходить изъ собранія первымъ, а не послѣднимъ. Изъ этой же бесѣды мнѣ впервые выяснилось, что такое называется чванствомъ, фанфаронствомъ и другими именами. Но въ концѣ этого разговора матушка, однако, обратила Борисово вниманіе на то, что хорошъ же, молъ, однако, и твой Петръ Ивановъ,—какой онъ мошенникъ!—Борисъ по этому поводу пустился въ безконечные рассказы о томъ, что придорожному человѣку, а тѣмъ больше дворнику, никогда вѣрить нельзя, будь онъ хоть самый честнѣйшій человѣкъ, ибо на большихъ дорогахъ... Тутъ онъ началъ рассказывать разныя страсти, слушающая которыхъ я заснулъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вслѣдъ за этимъ, я какъ сейчасъ помню небольшую почтовую станційку въ нижегородской губерніи, гдѣ мы натолкнулись на другую престранную исторію. Это было во второй половинѣ нашего путешествія, которое мы уже два дня совершали гораздо лучше, потому что на землю выпалъ густой снѣгъ и стала первопутокъ. Мы бросили въ какомъ-то городишкѣ нашъ тарантасъ и ѣхали теперь въ кибиткѣ на полозьяхъ. Рассказы Бориса о дорожныхъ странахъ возымѣли на всѣхъ насъ свое устрашающее дѣйствіе, вслѣдствіе чего матушка по ночамъ аккуратно пересаживала Бориса съ козелъ въ возокъ. Помню, какъ онъ, бывало, влѣзалъ къ намъ въ волчьей шубѣ, внося съ собою цѣлое облако холоднаго пара, и обыкновенно сейчасъ же опять заводилъ страшные рассказы. Такъ мы проѣхали огромныя лѣсныя пространства, и однажды вечеромъ, остановясь передъ маленькою станційкой, увидѣли у крыльца кибитку съ тройкой дрожащихъ и дымящихся лошадей. На станціи была замѣтна какая-то суетня и бѣготня съ крыльца во дворъ и со двора на крыльцо. Всѣхъ, очевидно, занимало что-то и необыкновенное, и смѣшное, потому что всѣ

бѣгали, и не то охали, не то смѣялись. Одинъ верховой выскочилъ изъ воротъ и, скаля зубы, понесся въ одну сторону лѣса; другой, совсѣмъ помирая со смѣха и нещадно настигивая по бокамъ коня, поскакалъ въ другую. Мы рассчитывали здѣсь пить чай и вошли въ сѣни. Нянька вела подъ руку матушку; Борисъ, по обыкновенію, несъ меня на рукахъ. Въ маленькой слабо освѣщенной комнаткѣ, въ которую мы вступили прямо изъ сѣней, была куча самыхъ странныхъ людей, съ самыми невѣроятными, длинными и горбатыми носами, какихъ я никогда до тѣхъ поръ не видалъ. Миѣ даже показалось, что это вовсе не люди, а одни носы. Во всей этой смятенной сутолокѣ раздавался странный и непонятный говоръ и трепетный плачь съ какимъ-то гортаннымъ переливомъ. Три огромные носа въ огромныхъ бараньихъ шапкахъ держали надъ тазомъ четвертый носъ, изъ котораго въ двѣ противоположныя стороны били фонтаны крови. Эти носы были армяне, возвращавшіеся куда-то къ себѣ изъ Москвы. Ихъ было счетомъ четверо, и они ѣхали всего за полчаса предъ нами черезъ лѣсъ, который мы благополучно минули. Трое изъ армянъ сидѣли въ самой кибиткѣ, а четвертый, ихъ молодой приказчикъ, съ самымъ большимъ восточнымъ носомъ, помѣщался у нихъ на колѣняхъ, такъ что огромный носъ его высовывался изъ кибитки наружу. Вдругъ изъ лѣсной чащи раздался выстрѣлъ, и несчастный носъ этого злополучнаго армянина какъ разъ предъ самымъ кончикомъ прострѣленъ крупной леткой... Нужно же было случиться такой странности!

Мы застали армянина истекающаго кровью надъ тазомъ; около него всѣ кричали, суетились и никто ничего не предпринималъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, моя мать быстро разорвала свой носовой платокъ и устроила изъ него для раненаго бинтъ и компрессы, а Борисъ, выдернувъ изъ стоявшей на столѣ сальной свѣчки фитиль, протернулъ его армянину сквозь носъ, и перевязка была готова. Теперь всѣ только смѣялись, что, конечно, было очень неприятно раненному, но удержаться было невозможно. Этотъ жалкій армянинъ съ прострѣленнымъ носомъ и протернутымъ сквозь него фитилемъ изъ свѣчки былъ, дѣйствительно, до такой степени смѣшонъ, что, несмотря на его печальное положеніе, сама матушка моя постоянно отворачивалась, чтобы скрыть свой смѣхъ. Мы обогрѣлись и уѣхали съ этой стан-

ціи, оставивъ на ней армянь ожидать пристава, а сами съ этихъ поръ всю дорогу только и толковали про то, какъ и почему разбойникъ прострѣлил армянину не щеку, не ухо, а именно одинъ носъ? Признаюсь вамъ, я до сихъ поръ считаю это событіе совершенно чрезвычайнымъ, и когда заходитъ гдѣ-либо рѣчь о Промыслѣ или о фатализмѣ, я всегда невольно припоминаю себѣ этого армянина, получившаго въ носъ первое предостереженіе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Третье путевое происшествіе, которое живыми чертами вѣзалось въ моей памяти, было уже всего за полтора года верстѣ отъ дядина имѣнія. На дворѣ стояла сухая морозная ночь. Снѣгъ скрипѣлъ подъ полозьями и искрился какъ рафинадъ. На лошадяхъ и на людяхъ сверкали морозныя иглы. Мы подѣхали къ большому непривѣтливому дому, похожему на заброшенные боярскія хоромы. Это тоже была станція, на которой намъ категорически отказали въ лошадяхъ и не обѣщали даже дать ихъ въ скорости. Дѣлать было нечего, мы выбрались изъ кибитки и пошли на станцію. Въ единственной большой комнатѣ, назначенной и для прѣзжающихъ, и для смотрительскаго стола, мы нашли сердитаго, пресердитаго вида человѣка въ старой, поношенной бекешѣ. Это былъ станціонный смотритель. Онъ сидѣлъ, подперши голову обѣими руками, и смотрѣлъ въ огромную, тускло освѣщаемую сальнымъ огаркомъ книгу. При нашемъ появленіи онъ не тронулся и не ворохнулся, но, тѣмъ не менѣе, видно было, что чтеніе не сильно его занимало, потому что онъ часто зѣвалъ, вскидывалъ глазами на пламя свѣчи, очищалъ пальцами нагаръ и, поплевавъ на пальцы, опять лѣнливо переводилъ глаза къ книгѣ. Въ комнатѣ было мертвое молчаніе, прерываемое лишь то тихимъ и робкимъ, то громкимъ и азартнымъ чириканьемъ сверчка гдѣ-то за старую панелью теплой печки. И вотъ опять на столѣ чай, — это единственное универсальное лѣкарство отъ почтовой скуки; опять няня краснѣетъ, опять дымится Борисовъ чубъ, а смотритель все сидитъ и не удостоиваетъ насъ ни взгляда, ни звука. Богъ знаетъ, до чего бы додержалъ насъ здѣсь этотъ невозмутимый человѣкъ, если бы на выручку намъ не подоспѣло самое неожиданное обстоятельство.

Среди мертвой тишины, под окнами, послышался скрипъ полозьевъ, и въ комнату вошелъ бойкою и щеголеватою походкой молодой путешественникъ. Это былъ высокій и стройный молодой человѣкъ, въ хорошей енотовой шубѣ, подпоясанной краснымъ гаруснымъ шарфомъ, и въ франтовской круглой мѣховой шапочкѣ изъ боброваго котика. Онъ подошелъ прямо къ смотрителю и, вѣжливо положивъ ему на столъ свернутую дорожную, проговорилъ очень мягкимъ и, какъ мнѣ казалось, симпатическимъ голосомъ:

— Прошу васъ нарядить пять лошадей.

Смотритель, кажется, очень обрадовался, что судьба послала ему новаго человѣка, котораго онъ могъ помучить. Онъ даже искося не взглянуть на незнакомца и, отодвинувъ локтемъ его дорожную, сказалъ:

— Нѣтъ лошадей.

Дорожная упала на полъ. Молодой человѣкъ въ енотовой шубѣ поднялъ бумагу безъ гнѣва и вышелъ съ нею вонъ. Борисъ, няня и матушка только переглянулись между собою, а Борисъ даже прошепталъ вдогонку проѣзжему:

— Вотъ тебѣ и еноть!

Смотритель, очевидно, ликовалъ. Я впоследствии имѣлъ случай сдѣлать выводъ, что смотрительская должность имѣетъ свойство пріуготовлять въ людяхъ особенное расположение къ злорадству.

Но въ то время, какъ мы переглядывались, а смотритель радовался, въ сѣняхъ раздались тяжелые шаги, шухтѣнье и сапъ, и затѣмъ дверь грозно распахнулась настежь.

Мы всѣ встрепенулись и насторожили и слухъ, и зрѣніе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ комнату впыло цѣлое облако холоднаго воздуха и въ этомъ воздухѣ заколебалась страшная черная масса, предъ которою за минуту вошедшій человѣкъ казался какою-то фитилькой. Масса эта, въ огромной черной медвѣжьей шубѣ съ широкимъ воротникомъ, спускавшимся до самаго пояса, съ аршинными отворотами на доходившихъ до пола рукавахъ, въ медвѣжьихъ сапогахъ и большой собольей шапкѣ,—вошла, рыкнула: «гдѣ?» и, по безмолвному манію слѣдовавшаго за нимъ енота, прямо надвинулась на смотрителя; одно мгновеніе,—что-то хлопнуло, и на полу, у ногъ

медвѣжьей массы, закопошился смотритель. Еще хлопъ— и новый полетъ кувыркомъ, и снова безмолвіе.

— Ты читаль, мерзавецъ, подорожную? — заревѣлъ въ медвѣдь.

Смотритель стоялъ вытянувшись, дрожа и пятясь.

— Читаль?—грозно переспросилъ медвѣдь.

— Нѣ... нѣ... нѣтъ-съ.

Но еще прежде чѣмъ смотритель кончилъ это «нѣтъ-съ», въ комнатѣ опять рѣздалась оглушительнѣйшая пощечина и смотритель снова кувыркомъ полетѣлъ подъ столъ.

— Такъ ты даже не читаль? Ты даже не знаешь, кто я? А небось ты четырнадцатымъ классомъ, каналья, пользуешься?

— Пользуюсь, ваше высокопревосходительство.

Оплеуха.

— Чинъ: «не бей меня въ рыло», имѣешь?

— Имѣю-съ.

— Избавленъ по закону отъ тѣлеснаго наказанія?

— Избавленъ-съ.

— Такъ вотъ же, не уповай на законъ! Не уповай!

И посыпались пощечина за пощечиной; летѣли онѣ градомъ, дождемъ, потокомъ; несчастный смотритель только что поднимался, какъ падалъ снова на полъ. Мы всѣ привстали въ страхъ и ужасъ и рѣшительно не знали, что это за Наполеонъ такой набѣжалъ, и какъ намъ себя при немъ держать, а смотритель все падалъ и снова поднимался для того, чтобы снова падать, между тѣмъ какъ шуба все косила и косила. Я и теперь не могу понять, какъ непостижимо-ловко наносила удары эта медвѣжья шуба. Она дѣйствовала какъ мельница: то однимъ крыломъ справа, то другимъ слѣва, такъ что это была какъ бы машина, ниспосланная сюда затѣмъ, чтобы наказать невозмутимаго чиновника. Вслѣдъ за послѣднимъ ударомъ шуба толкнула избитаго смотрителя сапогомъ подъ столъ и, не говоря ему болѣе ни слова, повернула къ дверямъ и исчезла въ морозномъ облакѣ; за медвѣдемъ ушелъ и енотъ. Чуть только она вышла, смотритель тотчасъ же выкарабкался, встряхнулся какъ пудель и тоже исчезъ. Черезъ секунду на дворѣ зазвенѣлъ его распорядительный голосъ, а еще черезъ минуту экипажъ ускакалъ. Смотритель, проводивъ гостей, вошелъ въ комнату, повѣсилъ на колышекъ шапку и сѣлъ къ своей

книгѣ, но прочиталъ немного. Онъ видимо нуждался въ бесѣдѣ: хотѣлъ облегчить свою душу разговоромъ, и потому, обратясь къ матушкѣ, сказалъ довольно спокойнымъ для его положенія тономъ:

— Вотъ, изволили видѣть, какія у насъ въ Россіи бываютъ по службѣ неприятности.

— Да, это ужасная неприятность,—отвѣчала моя сердобольная матушка и добавила:—Я удивляюсь, неужто вы все это такъ и оставите?

— Нѣтъ-съ: да что же... тутъ если все взыскивать, такъ и служить бы невозможно,—отвѣчалъ смотритель.—Это большая особа: тайный совѣтникъ и сенаторъ (смотритель называлъ одну изъ важныхъ въ тогдашнее время фамилій). Отъ такого, по правдѣ сказать, оно даже и не обидно; а вотъ какъ другой разъ прапорщикъ какой набѣжить, или корнетъ, да тоже къ рылу лѣзетъ, такъ вотъ это ужъ очень противно.

Сказавъ это, смотритель вздохнулъ, вышелъ и велѣлъ запрягать намъ лошадей.

Такимъ образомъ, если вамъ угодно, я, проѣзжая по Россіи до мѣста моего пріюта, получилъ уже довольно своеобразные уроки и составилъ себѣ довольно самостоятельное понятіе о томъ, что можетъ ждать меня въ предстоящемъ. Все, что я ни видалъ, все для меня было сюрпризомъ, и я получилъ склонность ждать, что впередъ пойдетъ все чуднѣе и чуднѣе.

Такъ оно и вышло.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Въ имѣніи дяди меня на первыхъ же порахъ ожидали еще новыя, гораздо болѣе удивительныя вещи. Братъ моей матери, князь Семень Одолѣнскій, безпардонный либеральнаго времени, былъ человѣкъ, преисполненный всяческихъ противорѣчій и чудачествъ.

Онъ когда-то много учился, сражался въ отечественную войну, былъ масономъ, писалъ либеральнѣйшіе проекты и за то, что ихъ нигдѣ не принимали, сердился на всѣхъ,—на государя, на Сперанскаго, на г-жу Крюденеръ, на Филарета, уѣхалъ въ деревню и мстилъ всѣмъ имъ оттуда разными чудачествами, вѣроятно оставшимися для тѣхъ никогда неизвѣстными. Онъ жилъ въ домѣ странномъ, страш-

номъ, желтомъ и такомъ длинномъ, что въ немъ, кажется, можно было уставить двѣ цѣлыя державы—Липпе и Кнингаузенъ. Въ этомъ домѣ братъ моей матери никогда не принималъ ни одного человѣка, равнаго ему по общественному положенію и образованію; а если кто къ нему по незнанію заѣзжалъ, то онъ отбояривалъ гостей такъ, что они впередъ сюда уже не заглядывали. Назадъ тому лѣтъ двадцать, верстахъ въ сорока отъ него жила его родная тетка, старая княжна Авдотья Одолѣнская, которая лѣтъ пять сряду ждала къ себѣ племянника и, не дождавшись, потеряла, наконецъ, терпѣніе и рѣшила сама навѣстить его. Для этого визита она выбрала день его рожденія и прикатила. Дядя, узнавъ о такомъ неожиданномъ родственномъ набѣгѣ, выслалъ дворецкаго объявить теткѣ, что онъ не знаетъ, по какому бы такому дѣлу имъ надобно было свидѣться. Однимъ словомъ, онъ ее выпроваживалъ; но тетка тоже была не изъ уступчивыхъ, и дворецкій, побесѣдовавъ съ ней, возвратился къ дядѣ съ докладомъ, что старая княжна пріѣхала къ нему, какъ къ новорожденному. Дядя нимало этимъ не смутился и опять выслалъ въ залъ къ теткѣ того же самаго дворецкаго съ такимъ отвѣтомъ, что князь, молъ, рожденію своему не радуются и поздравленія съ онымъ принимать не желаютъ, такъ какъ новый годъ для нихъ не что иное, какъ шагъ къ смерти. Но княжна и этимъ не пронялась: она сѣла на диванъ и велѣла передать князю, что до тѣхъ поръ не встанетъ и не уѣдетъ, пока не увидитъ новорожденнаго. Тогда князь позвалъ въ кабинетъ камердинера, разоблачился до-нага и вышелъ къ гостѣ въ чемъ его мать родила.

— Вотъ, молъ, государыня тетушка, каковъ я рѣдился!

Княжна давай Богъ ноги, а онъ въ этомъ же райскомъ нарядѣ выпроводилъ ее на крыльцо до самаго экипажа.

Вообще присутствія всякаго ровни князь не сносилъ, а водился съ окрестными хлыстами, сочинялъ имъ для ихъ радѣній пѣсни и стихи, самъ мнилъ себя и хлыстомъ, и духоборцемъ, и участвовалъ въ радѣніяхъ, но въ Бога не вѣрилъ, а только юродствовалъ со скуки и досады, происшедшихъ отъ безсильнаго гнѣва на позабывшее о немъ правительство. Семьи законной у него не было: онъ былъ холостъ, но имѣлъ много дѣтей и не только не скрывалъ этого, но неумолчно требовалъ, чтобъ ему записали его дѣтей въ

формулярный списокъ. На бумагахъ же, гдѣ только была надобность спросить его «холость онъ или женатъ и имѣть ли дѣтей», онъ постоянно съ особеннымъ удовольствіемъ писалъ: «Холость, но дѣтей имѣю». Объ обществѣ онъ не заботился, потому что якобы пренебрегалъ всѣми «поклоняющимися злату и древу», и въ пріемномъ покоѣ, гдѣ некого было принимать, держалъ на высокой, обитой краснымъ сукномъ колоннѣ литого изъ золота тельца со страшными зелеными изумрудными глазами. Предъ этимъ тельцомъ будто бы когда-то кланялись и присягали по особой присягѣ попы и чиновники, и телець имъ выкидывалъ за каждый поклонъ по червонцу, но впоследствии все это дядѣ надоѣло, и комедія съ тельцомъ была брошена. Дѣловыми занятіями князя были безчисленные процессы, которые онъ велъ почти со всѣми губернскими властями, единственно съ цѣлью дразнить ихъ и оскорблять безнаказаннымъ образомъ. Въ этомъ искусствѣ онъ достигъ замѣчательнаго совершенства, и нерѣдко даже не однихъ чиновниковъ поражалъ неожиданностію и оригинальнію своихъ пріемовъ. Онъ сочинялъ самъ на себя извѣты и доносы, чтобы завести переписку съ властями, имѣя заранѣе обдуманые планы какъ злить и безнаказанно обижать чиновниковъ. Пропадалъ, напримѣръ, въ сосѣднемъ съ нимъ губернаторскомъ имѣніи скоть. Дядя тотчасъ призывалъ самаго ябедливаго дьячка, поднаивалъ его водкой, которой и самъ вышивалъ для примѣра, и вдругъ ни съ того, ни съ сего довѣрялъ дьячку, что губернаторскій скоть стоитъ у него на задворкѣ. Черезъ недѣлю губернаторъ получалъ доносъ на дядю, и тотъ ликовалъ: всѣ хлопоты и заботы о томъ только и шли, чтобы вступить въ переписку. На первый же запросъ дядя очень спѣшно отвѣчалъ, что «*я-де скота губернатора* съ его полей въ свои закуты загонять никогда не приказывалъ, да и имѣть *его скота* нигдѣ вблизи меня и моихъ четвероногихъ не желаю; но опасаясь, не загналъ ли *скота губернатора*, по глупости, мой бурмистръ изъ села *Поганецъ*». По этому показанію особый чиновникъ летѣлъ въ село Поганецъ, и тамъ тоже, разумѣется, никакого «скота губернатора» не находилъ; а дядя уже строчилъ новую бумагу, въ коей жаловался, что «*Поганецъ губернаторскій чиновникъ*, обыскивая, перепугалъ на скотномъ дворѣ всѣхъ племенныхъ телятъ». Если же дядѣ не

удавалось втравливать мѣстныхъ чиновниковъ въ переписку съ собою, то онъ строчилъ на нихъ жалобы въ томъ же тонѣ въ столицы. Такъ, въ одной жалобѣ, посланной имъ въ Петербургъ на мѣстнаго губернатора, онъ писалъ безъ запятыхъ и точекъ: «въ бытность мою въ губернскомъ городѣ на выборахъ я однажды встрѣтился съ господиномъ начальникомъ губерніи и былъ изруганъ *имъ подлецомъ и мошенникомъ*», а въ другой разъ, въ просьбѣ, поданной въ уголовную палату, устроилъ, конечно съ умысломъ, въ разныхъ мѣстахъ подчистки нѣкоторыхъ словъ въ такомъ порядкѣ, что получилъ возможность въ концѣ прошенія написать слѣдующую оговорку: «а что въ семъ прошеніи по почищенному написано, что судившіе, меня, члены, уголовной, палаты, всѣ, до, одного, взяточники, подлецы, и, дураки, то это все вѣрно и прошу въ томъ не сомнѣваться»...

Тогда, въ тѣ мрачныя времена безсудія и безмолвія на нашей землѣ, все это казалось не только верхомъ остроумія, но даже вмѣнялось безпокойному старику въ высочайшую гражданскую доблесть, и если бы онъ кого-нибудь принималъ, то къ нему всеконечно многіе бы ѣздили на поклоненіе и считали бы себя черезъ то въ опасномъ положеніи, но у дяди, какъ я сказала, дверь была затворена для всѣхъ и эта-то недоступность дѣлала его еще интереснѣе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

У матери были дѣла съ дядею: ей надлежала отъ него значительная сумма денегъ. Такихъ гостей обыкновенные люди принимаютъ вообще нерадостно, но дядя мой былъ не таковъ: онъ встрѣтилъ насъ съ матерью привѣтливо, но помѣстилъ не въ домѣ, а во флигелѣ. Въ обширномъ и почти пустомъ домѣ у него для насъ мѣста не достало. Это очень обидѣло покойную матушку. Она мнѣ не сказала ничего, но я при всей молодости моихъ тогдашнихъ лѣтъ видѣлъ, какъ ее передернуло.

Непосредственно за прибытіемъ нашимъ въ дядину усадьбу, у насъ такъ и потянулася полоса скучной жизни. Дяди я не видалъ, а грустная мать моя была плохимъ товарищемъ моему дѣтскому возрасту, жаждавшему игръ и забавъ. Зима уходила и снѣга стали сѣрѣть; кончался постъ. Однажды, пригорюнясь, сидѣлъ я у окна и смотрѣлъ на склонявшееся къ закату весеннее солнце, какъ вдругъ кто-то

большою, твердою, тяжелою походкой прошелъ мимо окна и ступилъ на крыльцо флигеля такъ, что ступени затрещали подъ его ногами. Черезъ минуту растворилась дверь и на порогъ показался мой дядя.

Это было первое посѣщеніе, которое онъ рѣшился сдѣлать моей матери послѣ нашего пріѣзда въ его имѣніе.

Не знаю почему, для чего и зачѣмъ, но при видѣ дяди я невыразимо его испугался и почти въ ужасѣ смотрѣлъ на его блѣдное лицо, на его пестрой термаламы халатъ, пунцовый гро-гро галстукъ и лисью высокую, остроконечную шапочку. Онъ мнѣ казался великимъ магомъ и волшебникомъ, о которыхъ я къ тому времени имѣлъ уже довольно обстоятельныя свѣдѣнія.

Прислонясь къ спинкѣ кресла, на которомъ засталъ меня дядя, я не сомнѣвался, что у него въ карманѣ непременно есть гдѣ-нибудь вѣтка омелы, что онъ коснется ею моей головы, и что я тотчасъ скинусь бѣлымъ зайчикомъ и поскачу въ это широкое поле съ темными перелогами, въ которыхъ растлѣвается флеромъ весны подернутой снѣгъ, а онъ скинется волкомъ и пойдетъ меня гнать... Чтò шагъ, то становится все страшнѣе и страшнѣе... И вотъ дядя подошелъ именно прямо ко мнѣ, взялъ меня за уши и сказалъ:

— Здравствуй, пумперлей! — и при этомъ онъ подавилъ мнѣ слегка книзу уши и добавилъ: — ишь чтò за гадость мальчишка! плечинки съ вершокъ, а внизу жирѣешь. Постное, небось, ѣлъ?

— Постное,—прошептала я едва слышно.

Дядя опять давнулъ меня за уши и проговорилъ:

— Точная дѣвочка; изгадила, братъ, тебя мать, изгадила.

— Братъ!—отозвалась ему изъ другой комнаты съ укоризною мать.

Дядя ушелъ къ ней, и она заговорила съ нимъ по-англійски, сначала просто шумно, а потомъ и сердито.

Я понялъ одно, что дядя надъ чѣмъ-то издѣвался, и мнѣ показалось, что насмѣшки его имѣютъ нѣкоторое соотношеніе къ восковому купидону, котораго въ большемъ отъ меня секретѣ золотила для меня моя мать.

— Это—растлѣніе,—говорилъ дядя:—въ жизни все причинно, послѣдовательно и условно. Сюрпризами только гадость дѣлается.

Мать умоляла дядю замолчать.

— Пусть, — говорила она: — пусть по-твоему. Пускай жизнь будетъ подносить ему однѣ неприятности, но пусть я... пусть мать поднесетъ ему удовольствіе.

Я тогда несвободно понималъ по-англійски и не понималъ, чѣмъ кончился ихъ разговоръ, да и вдобавокъ я уснулъ. Меня раздѣли и соннаго уложили въ кровать. Это со мною часто случалось.

Помнилось мнѣ только сквозь сонъ, что дядя, проходя мимо меня, будто сказалъ мнѣ:

— Мой милый другъ, тебя завтра ждетъ большой сюрпризъ.

На утро я проснулся очень рано, но боялся открыть глаза: я зналъ, что вербный купидонъ, вѣроятно, уже слетѣлъ къ моей постелькѣ и паритъ надъ нею съ какими-нибудь большими для меня радостями.

Я раскрылъ глаза сначала чуть на одинъ волосокъ, потому нѣсколько шире и, наконецъ, уже не самъ я, а невѣдомый ужасъ растворилъ ихъ, такъ что я почувствовалъ ихъ совсѣмъ круглыми, и при этомъ имѣлъ только одно желаніе: влипнуть въ мою подушку, уйти въ нее и провалиться...

Вербный купидонъ дѣлалъ мнѣ сюрпризъ, котораго я, дѣйствительно, ни за что не ожидалъ: онъ висѣлъ на широкой голубой лентѣ, а въ объятіяхъ несъ для міра печали и слезъ... розгу. Да-съ, не что иное, какъ большую березовую розгу!.. Увидавъ это, я долго не могъ придти въ себя и повѣрить, проснулся я или еще грежу спросонья; я приподнимался, всматривался и, къ удивленію своему, все болѣе и болѣе изумлялся: мой вербный купидонъ, дѣйствительно, держалъ у себя подъ крылышками огромный пучъ березовыхъ прутьевъ, связанныхъ такою же голубою лентой, на какой самъ онъ былъ повѣшенъ, и на этой же лентѣ я замѣтилъ и бѣлый билетикъ. Что это было на билетикѣ при такомъ странномъ приношеніи? размышлялъ я, и хотя самъ тщательно кутался въ одѣяло и дулся на прилетѣ купидона съ розгой, но... но не выдержалъ... вскочилъ, сорвалъ билетикъ и прочиталъ:

«Кто ждетъ себѣ ни за что ни про что радостей, тотъ дождется за то всякихъ гадостей».

— Это дядя! это непременно дядя! — рѣшилъ я себѣ и не ошибся, потому что въ эту минуту дядя распахнулъ за-

навѣски моей кровати и.. изрядно меня высѣкъ, ни за что и ни про что.

Матушка была въ церкви и защищать меня было некому; по зато она, узнавъ о моемъ сюрпризѣ, рѣшилась немедленно отвезти меня въ гимназическій пансіонъ, гдѣ и начался для меня новый родъ жизни.

Такимъ я припоминаю вербнаго купидона моего дѣтства. Онъ имѣлъ для меня свое серьезное значеніе. Съ тѣхъ поръ, при какихъ бы то ни было упованіяхъ на что бы то ни было свыше, у меня въ крови пробѣгаетъ трепеть и мнѣ представляется вѣчно онъ, вербный купидонъ, спускающійся ко мнѣ съ березовою розгой, и онъ меня сѣкъ, да-съ, онъ много и страшно сѣкъ меня и... я опасаясь какъ бы еще разъ не высѣкъ... Нечего, господа, улыбаться,—я рассказываю [вамъ исторію очень серьезную и вы только благоволите въ нее вникнуть.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ нынѣшнее время у школяровъ есть честность гражданская; у насъ была честность рыцарская. Жизнь была тоже рыцарская. Неустрашимость, храбрость и мужество въ разнообразнѣйшихъ ихъ приложеніяхъ и проявленіяхъ подвергались испытанію. Классныя комнаты назывались залами различныхъ орденовъ. Тутъ были круглоголовые, черноголовые рыцари, странствующіе рыцари и всякіе другіе, какихъ вамъ угодно орденовъ и званій. Огромный садъ пансіона служилъ необъятнымъ поприщемъ, на которомъ происходили бои и турниры, что бывало зимой, когда насъ пускали въ этотъ садъ, особенно удобно по причинѣ огромныхъ, наваленныхъ тутъ сугробовъ, изображавшихъ замки и крѣпости.

Я жилъ голодно и учился прекрасно. Такъ прошелъ годъ, въ теченіе котораго я не ѣздилъ домой ни разу. Я, впрочемъ, обвыкъся и не скучалъ. Затруднительною порой въ этой жизни было для насъ вдругъ объявленное намъ распоряженіе, чтобы мы никакъ не смѣли: «отвѣчать въ повелительномъ наклоненіи». Намъ было сказано, что это требуется изъ Петербурга, и мы были не мало уstraшены этимъ требованіемъ, но все-таки по привычкѣ отвѣчали: «подведи шаръ подъ меридіанъ», или «раздѣли частное и умножь дѣлителя». Отучить насъ отвѣчать иначе, какъ напечатано

въ книгахъ, долго не было никакой возможности, и бывали мы за то биты жестоко и много, даже и не постигая въ чемъ наша вина и преступленіе. Знакомства и исключительнаго дружества я ни съ кѣмъ въ школѣ не водилъ, хотя мнѣ немножко болѣе другихъ нравились два нѣмца-братья: Карлъ, который былъ со мною во второмъ классѣ, и Амагусъ, который былъ въ третьемъ. Помню, что оба они были очень краснощекіе, и аккуратно каждую перемѣну сходились другъ съ другомъ у притолоки двери, раздѣлявшей наши классы; и Карлъ, бывало, говорилъ Амагусу:

— Амагусъ, мнѣ кажется, что я себѣ нынче изъ русскаго нуля досталъ.

А на слѣдующую перемѣну Амагусъ являлся къ притолокѣ и возвѣщалъ:

— Нѣтъ, Карлюсъ, я о тебѣ справился, ты ошибаешься: это тебѣ не кажется, а ты себѣ настоящій нуль досталъ.

Эта пунктуальность и обстоятельность въ сихъ юныхъ характерахъ мнѣ чрезвычайно нравились, и я всегда съ жадностію прислушивался къ этому тихому совершенно серьезному разговору двухъ нѣмцевъ объ одномъ нулѣ.

Но сюрпризъ мнѣ былъ уже готовъ и ждалъ меня, а я къ нему мчался.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Приближалась Пасха. До Страстной недѣли оставалась всего одна недѣля, одна небольшая недѣля. Въ дортуарахъ вечеромъ разнесся слухъ, что насъ распустить не въ субботу, а въ четвергъ. Я уѣду и увижу мать!.. Сердце мое трепетало и билось. Тревожныя ощущенія эти еще болѣе усилились, когда въ среду, утромъ, одинъ изъ лакеевъ, утирая меня полотенцемъ, шепнулъ мнѣ:

— За вами прислали.

Когда я пришелъ въ столовую, сѣлъ за свой чай, то почувствовалъ, что вся кровь бросилась мнѣ въ лицо и у меня начали пылать уши. Все это произошло отъ одного магическаго слова, которое произнеслось шопотомъ, и въ сотнѣ различныхъ переливовъ разнеслось по столовой. Это магическое слово было: «за нимъ прислали».

Понятно, что ежели бы насъ пустили сегодня, или завтра, въ четвергъ, то я завтра же могъ бы и ѣхать.

— Если бы только пустили!

Но вотъ въ четвергъ начинаются и оканчиваются классы. Начальство не заводитъ ровно никакой рѣчи объ отпускѣ. Предъ обѣдомъ нѣсколько другихъ товарищей выбѣгаютъ по вызову лакея въ переднюю и возвращаются съ радостными лицами: и за ними прислали. Въ часы послѣобѣденнаго отдыха извѣстія о присылкѣ еще учащаются, вечеромъ они еще возрастаютъ и, наконецъ, оказывается, что чуть ли не прислали уже за всѣмъ пансіономъ. Нетерпѣніе разгорается съ каждою минутой. Каждая минута становится Богъ вѣсть какою тягостью. Мысль о томъ, что нужно идти спать въ тѣ же прохладные дортуары — становится несносна. Приготовлять уроки съ вечера нѣтъ уже никакой силы. Такъ и мерещатся, такъ и снятся наяву лошади, бричка, няня и теплая бѣличья шубка, которую прислала за мною мама и которую няня, неизвѣстно для чего, въ первыя минуты своего появленія въ пансіонъ, принесла мнѣ и оставила. Вечерніе уроки мы всѣ отси-дѣли какъ на иголкахъ. Четвергъ насъ уже обманулъ, но, можетъ быть, зато выручить пятница? Неужто же ждать до субботы? Неужто нельзя ускорить приближеніе счастливаго момента хотя на однѣ сутки?

Кто-то изъ дѣтей, — я очень долго помнилъ его имя, но теперь позабылъ, — вздохнулъ и съ дѣтскимъ равнодушіемъ воскликнулъ:

— Боже мой, неужто нѣтъ никакихъ средствъ, чтобы выдумать что-нибудь такое, чтобы насъ отпустили раньше!

— Нѣтъ такихъ средствъ, и если даже не ошибаюсь, то, мнѣ кажется, нѣтъ такихъ *физическихъ* средствъ, — сказалъ въ отвѣтъ ему, вздохнувши, другой маленький мальчикъ.

Замѣчательное дѣло, что тогда, когда въ людяхъ было менѣе всего всякой положительности, у насъ, когда говорили о средствахъ, всегда прибавлялось, что нѣтъ *физическихъ* средствъ, какъ будто въ другихъ средствахъ, нравственныхъ и моральныхъ, тогда никто даже не сомнѣвался.

— Да, такъ; нѣтъ никакихъ физическихъ средствъ, — отвѣчалъ первый маленький мальчикъ.

— А кто это сказалъ — тотъ дуракъ, — замѣтилъ возмужалымъ голосомъ нѣкто Калатузовъ, молодой юноша, лѣтъ восемнадцати, котораго нѣжные родители, Богъ вѣсть для

чего, продержали до этого возраста дома и потомъ привезли для того, чтобы посадить рядомъ съ нами во второй классъ.

Мы его звали «дядюшкой», а онъ насъ за это билъ. Калатузовъ держалъ себя на «офицерской ногѣ». Держать себя на офицерской ногѣ въ наше время значило: не водиться за панибрата съ маленькими, ходить въ разстегнутой курткѣ, носить неформенный галстукъ, приподниматься лѣниво, когда спросятъ, отвѣчать какъ бы нехоти и басомъ, ходить въ развалку. Все это строго запрещалось, но, не умѣю вамъ сказать какъ и почему, всегда въ каждомъ заведеніи тогдашняго времени, къ которому относится мое воспитаніе, были ученики, которые умѣли ставить себя «на офицерскую ногу», и имъ это не воспрещалось.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ нашемъ классѣ одинъ Калатузовъ былъ на офицерской ногѣ. Онъ могъ у насъ бить всю мелкоту, самъ онъ былъ большой дуракъ; аппетитъ имѣлъ огромный, а къ ученію способности никакой. Это знали всѣ учителя и потому никогда его не спрашивали, а если въ заведеніе пріѣзжало какое-нибудь начальствующее лицо, то Калатузова совсѣмъ убирали и клали въ больницу. Онъ этимъ гордился. Впрочемъ, разъ было съ нимъ несчастное происшествіе: его спросилъ одинъ новый учитель. Это былъ новоприбывшій преподаватель географіи. Производя первую переключку, онъ вызвалъ и Калатузова.

Калатузовъ тяжело приподнялся, перевалился сбоку-набокъ, облокотился косточками правой руки на столъ и легкимъ бархатнымъ баскомъ сказалъ:

— Я полагаю, что вы, вѣроятно, знаете, что я ничего не знаю.

Учитель разсмѣялся и отвѣчалъ:

— Ну, въ такомъ случаѣ я запишу вамъ нуль.

— Это какъ вы хотите, — отвѣчалъ спокойно Калатузовъ, но, замѣтивъ, что непривычный къ нашимъ порядкамъ учитель и въ самомъ дѣлѣ намѣревается безтрепетною рукой поставить ему «котелку» и, сообразивъ, что въ силу этой отмѣтки, онъ, несмотря на свое крупное значеніе въ классѣ, останется съ лѣнивыми безъ обѣда, Калатузовъ немножко

привалился на столъ и закончилъ: — Вы запишете мнѣ нуль, а я на слѣдующій классъ буду все знать.

Большой ростъ дурака, его пробивающіеся усы, мужественный голосъ и странная офицерская манера держаться, рѣзко выдѣлявшая его изъ окружавшей его мелюзги, все, повидимому, возбуждало къ нему большое вниманіе новаго учителя; разсмѣявшись, онъ положилъ перо и сказалъ шутливо:

— Хорошо, г. Калатузовъ, я вамъ въ такомъ случаѣ не напишу нуля, если вы общаетесь знать что-нибудь.

— Вы будьте въ этомъ увѣрены, — отвѣчалъ Калатузовъ.

И вотъ пришелъ слѣдующій классъ; прочитали молитву; учитель сѣлъ за столъ; сдѣлалась тишина. Многихъ изъ насъ занимало, спросить или не спросить нынѣшній разъ новый учитель Калатузова; а онъ его какъ разъ и зоветъ.

— Вы намъ, кажется, — говорить: — общали прошлый разъ что-то выучить?

Калатузовъ, нехотя, что называется, какъ воръ на ярмаркѣ, повернулся, наклонился въ одинъ бокъ плечомъ, потомъ перевалился въ другой, облокотился кистями обѣихъ рукъ о парту и медленно возгласилъ:

— Точно, я вамъ это общалъ.

— Что же вы знаете? — спросилъ учитель.

Для Калатузова это былъ вопросъ весьма затруднительный; ему было безразлично, о чемъ бы его ни спросили, потому что онъ ничего не зналъ, но онъ, нимало не смутившись, равнодушно посмотрѣлъ на свои ногти и сказалъ:

— Я все знаю.

— Все?

— Да, все, — еще спокойнѣе отвѣчалъ Калатузовъ.

Учителю стало необыкновенно весело, а мы съ удовольствіемъ и не безъ зависти замѣтили, что Калатузовъ овладѣвалъ и этимъ новымъ человѣкомъ и, конечно, и отъ него будетъ пользоваться всякими вольностями и льготами.

— Но есть же что-нибудь такое, — спросилъ его учитель: — что вы особенно хорошо знаете?

— Нѣтъ, мнѣ все равно; я все одинаково знаю, — отвѣчалъ, нимало не смущаясь, Калатузовъ.

— Но вѣрно есть что-нибудь такое, что вамъ особенно пріятно рассказать. Я хочу, чтобы вы сами выбрали.

— Извольте,—отвѣчалъ Калатузовъ, и, безцеремонно нагнувшись къ своему маленькому сосѣду, взявъ въ руки географію, развернулъ ее, взглянулъ на заголовокъ статьи и сказалъ:

— Пруссію.

— Вы лучше всего знаете Пруссію?

— Да, Пруссію,—отвѣчалъ Калатузовъ.

— Потрудитесь начинать.

— Извольте,—отвѣчалъ Калатузовъ и, глядя преспокойно въ книгу, началъ, какъ теперь помню, слѣдующее опредѣленіе: — «Бранденбургія была»: — но на этомъ расхохотавшійся учитель остановилъ его и сказалъ, что читать по книгѣ вовсе не значитъ знать. Калатузовъ бросилъ книгу на столъ, далъ въ обѣ стороны два кулака сидѣвшимъ около него малюткамъ и довольно громко сказалъ: «Подсказывай»... Молодой учитель смотрѣлъ на всю эту продѣлку съ видимымъ удовольствіемъ. Его это смѣшило и тѣшило. Два маленькіе мальчика, боявшіеся своего огромнаго сосѣда, оба зажужжали: «Бранденбургія была первоначальнымъ зерномъ Прусскаго королевства». Такъ излагались свѣдѣнія о Пруссіи въ нашей географіи.

Жужжавшіе непрерывно другъ предъ другомъ мальчики подсказывали, однако, неудовлетворительно. Калатузовъ пригнулся то къ одному изъ нихъ, то къ другому и, получая, вмѣсто опредѣлительныхъ словъ, какое-то жужжаніе, вышелъ, наконецъ, изъ терпѣнія и сказалъ:

— Одинъ подсказывай.

Сосѣдній мальчикъ справа внятно произнесъ ему:

— Бранденбургія была первоначальнымъ зерномъ Прусскаго королевства.

— Довольно,—сказалъ Калатузовъ; съ этимъ онъ откашлянулся, провелъ пальцемъ за галстукомъ, поправилъ рукой волосы, которые у него, по офицерскимъ же правиламъ, были немножко длиннѣе, чѣмъ у всѣхъ насъ, и спокойно возгласилъ:

— *Пруссія есть зерно.*

— Какъ зерно? — переспросилъ изумленный учитель.

— Такъ написано, — отвѣчалъ Калатузовъ.

— Но позвольте же узнать, какъ же это? Есть зерна ржаныя, овсяныя, пшеничныя. Какое же зерно Пруссія?

Калатузовъ подумалъ и, сдѣлавъ кислую гримасу, отвѣчалъ:

— Я вамъ не могу объяснить этого, какое это чортово зерно.

Вотъ этотъ-то умникъ Калатузовъ во время тайнаго разговора вечеромъ въ четвергъ Лазаревой недѣли и говоритъ:

— Пустилки, говорить,—есть физическая возможность, чтобы насъ отпустили завтра утромъ; мнѣ, говорить, нѣтъ ничего легче доказать вамъ эту физическую возможность.

Мы стали просить, чтобы онъ намъ ее доказалъ.

— Сегодня вечеромъ, — началъ внушать Калатузовъ: — за ужиномъ пусть каждый оставитъ мнѣ свой хлѣбъ съ масломъ, а черезъ полчаса я вамъ открою физическую возможность добиться того, чтобы насъ не только отпустили завтра, но даже по шеямъ выгнали.

— Выгонять по шеямъ!.. У насъ даже ушки отъ этого запрыгали.

— Только надо, чтобы кто-нибудь взялся сдѣлать одно дѣло, — продолжалъ Калатузовъ.

— Страшное? — спросило разомъ нѣсколько голосовъ.

— Ну, не очень страшное, — отвѣчалъ Калатузовъ: — но такъ рискованное.

— Рискованное? — крикнулъ тоненькимъ голоскомъ маленький, чистенькій и опрятный мальчикъ, который былъ необыкновенно красивъ и котораго всѣ въ классѣ дѣловали.

Онъ назывался Локотковъ.

— Рискованное? — воскликнулъ Локотковъ. — Я берусь за всякое рискованное дѣло.

Локотковъ былъ у насъ отчаянною головой; онъ употреблялся въ классѣ для того, чтобы передразнивать учителя-нѣмца или приводить въ ярость и неистовство учителя-француза. Характера онъ былъ живого, предприимчиваго и пылкаго.

Локоткову удавалось входить въ довѣріе къ учителю французскаго языка и коварно выводить его на посмѣшище, увѣряя его во время перевода, что сказать: «у рыбъ нѣтъ зубъ» невозможно, а надо говорить: или «у рыбей нѣтъ зубей», или «у рыбовъ нѣтъ зубовъ», и т. п.

Кончалось это обыкновенно тѣмъ, что Локоткову доставался нуль за поведеніе, но ему это, бывало, неймется и на слѣдующій урокъ Локотковъ снова, бывало, сму-

паетъ учителя. объясняя ему, что онъ не такъ перевелъ, будто «голодный мужикъ выпилъ кувшинъ воды однимъ духомъ».

— Однимъ духомъ невозможно пить, *monsieur Basel*, — внушать съ кротостію учителю Локотковъ.

— *Taisez-vous!* — сердито кричалъ французъ и, покусавъ въ задумчивости губы, лепеталъ: — «мужикъ, *le paysan*, выпилъ кувшинъ воды однимъ... шагомъ. Да, — выговаривалъ онъ тверже, вглядываясь во всѣ дѣтскія фізіономіи, — именно выпилъ кувшинъ воды *однимъ шагомъ... нѣтъ... однимъ духомъ... нѣтъ однимъ шагомъ*»...

И раздавался снова хохотъ, и *monsieur Basel* снова выписывалъ Локоткову *zéro*. И вотъ этотъ-то веселый, добродушный мальчикъ вызвался совершить рискованное предпріятіе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Рискованное предпріятіе, которое должно было спасти насъ и выпустить двумя днями раньше изъ заведенія, по плану Калатузова, заключалось въ томъ, чтобы ночью изъ всѣхъ подсвѣчниковъ, которые будутъ вынесены въ переднюю, накрасть огарковъ и побросать ихъ въ печки: сдѣлается-де угаръ и насъ отпустить съ утра.

Планъ былъ простъ и гениаленъ.

Что за тревожная ночь за симъ наступила! Тишина была замѣчательная: не спалъ никто, но всѣ притворялись спящими. Маленькій Локотковъ, въ шерстяныхъ чулкахъ, которые были доставлены мнѣ нянею для путешествія, надѣлъ на себя мнѣ же доставленную шубку мѣхомъ навыворотъ, чтобъ испугать, если невзначай кого встрѣтитъ, и съ перочиннымъ ножикомъ и съ двумя пустыми жестяными пиналями отправился на очистку оставленныхъ подсвѣчниковъ. Походъ совершился благополучно. Локотковъ возвратился, сало украдено, но самъ воръ какъ будто занемогъ; онъ легъ въ постель и не разговаривалъ. Это было вслѣдствіе тревоги и волненія. Мы это понимали.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

На небѣ засѣрѣло туманное, тяжелое апрѣльское утро. Намъ все не спится. Еще минута, и вотъ начинается перепархиваніе съ одной кровати на другую, начинаются

нервная горячка и страхъ. На нѣкоторыхъ кроватяхъ мальчишки помѣщаются по-двое, и здѣсь и тамъ повсемѣстно идетъ тихій шопотъ и подсмѣиванье надъ тѣмъ, что будетъ и какъ будетъ. Кое-кто сообщаетъ идиллическія описанія своей деревушки, своего домика, но и между идилліями и между хохотомъ всѣ безпрестанно оборачиваются на кроватку, на которой лежитъ Локотковъ. Онъ, кажется, спитъ; его никто не беспокоитъ. Всѣ чувствуютъ къ нему невольное почтеніе и хотѣли бы пробудить его, но считаютъ это святотатствомъ. Кто-то тихо подкрался къ нему, посмотрѣлъ въ глаза, прислушался къ дыханію и покачалъ головой. Что значить это неопредѣлительное покачиванье головой — никому неизвѣстно, но по дортуару тихо разносится «спитъ». И вотъ еще минута. Всѣмъ кажется, что Локоткова пора бы, наконецъ, будить, но ни у кого недостаетъ рѣшимости. Наконецъ гдѣ-то далеко внизу, на крыльцѣ, завизжалъ и хлопнула дверной блокъ.

Это истопники несутъ дрова... роковая минута приближается: сейчасъ начнутъ топить. Духъ занимается. У всѣхъ на умѣ одно и у всѣхъ одно движеніе будить Локоткова.

Длинный, сухой ученикъ, съ совершенно бѣлыми волосами и бѣлесоватыми зрачками глазъ, прозванный въ классѣ «бѣлымъ тараканомъ», тихо крадется къ Локоткову и только что хотѣлъ произнести: «Локотковъ, пора!» какъ тотъ, вдругъ расхохотавшись беззвучнымъ смѣхомъ, сѣлъ на кровать и прошепталъ: — «Ахъ, какіе же вы трусы! Я тоже не спалъ всю ночь, но я не спалъ отъ смѣха, а вы... трусишки!» и съ этимъ онъ началъ обуваться.

— Вотъ-то Локотковъ, молодчина! — думали мы, съ завистью глядя на своего благороднаго, самоотверженнаго товарища.

— Вотъ-то характеръ, такъ характеръ!

За ширмами потянулся гувернеръ, всталъ, вышелъ съ заспаннымъ лицомъ и удивился, что мы уже всѣ на ногахъ.

Въ нижнемъ этажѣ и со всѣхъ сторонъ начинается хлопанье дверей и слышится веселое трещанье затопившихся печекъ. Роковая минута все ближе и ближе. Проходя въ умывальную попарно, мы всѣ бросали значительные взгляды на топившуюся печку и держались серьезно, какъ заговорщики, у которыхъ есть общая тайна.

Кровь нашу слегка леденить и останавливать мучительный вопросъ, какъ это начнется, какъ это разыграется и какъ это кончится?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Локотковъ казался серьезнѣе прочихъ и даже былъ немножко блѣденъ. Какъ только мы стали собираться въ классы, онъ вдругъ началъ корчить болѣзненные мины и улизнулъ изъ чайной подъ предлогомъ нетерпящихъ отлагательства обстоятельствъ, извѣстныхъ подъ именемъ «надобности царя Саула». Мы смекнули, что онъ отправился на опасное дѣло, и хлебали свою теплую воду съ усугубленнымъ аппетитомъ, не нарушая ни однимъ словомъ мертваго молчанія. Локотковъ, запыхавшійся, немного блѣдный, со вспотѣвшимъ носомъ и взмокшими на лбу волосами, явился въ комнату снова не болѣе какъ минутъ черезъ пять. Было большое сомнѣнiе, сдѣлалъ ли онъ что-нибудь, какъ нынче говорить, *для общаго дѣла*, или только попытался, но струсилъ и возвратился безъ успѣха. Обѣдать въ такое короткое время цѣлое заведенiе и зарядить саломъ всѣ печи казалось рѣшительно невозможнымъ. Устремленные со вниманiемъ глаза наши на Локоткова не могли прочесть на его лицѣ ничего. Онъ былъ видимо взволнованъ, но пилъ свой остывшiй чай, не обращая ни на кого ни малѣйшаго вниманiя. Но прежде чѣмъ мы могли добиться чего-нибудь на его лицѣ, загадка уже разъяснилась. Дверь въ нашу комнату съ шумомъ распахнулась, и нѣмецъ-инспекторъ быстро пробѣжалъ въ сопровожденiи двухъ сторожей. Густой, удушливый чадъ полѣзъ вслѣдъ за ними по всѣмъ комнатамъ. Локотковъ быстро отворилъ печную дверку этого единственнаго покоя, гдѣ еще не было угара, и въ непотухшiе угли бросилъ горсть сальныхъ крошекъ вмѣстѣ съ кускомъ синей сахарной бумаги, въ которую онъ были завернуты. Мы поблѣднѣли. Одинъ Калатузозъ спокойно жевалъ, какъ воль, свою жвачку, и послѣ небольшой паузы, допивъ послѣднiй глотокъ чайной бурды, произнесъ спокойно:

— А вотъ теперь за это можетъ быть кому-нибудь славная порка.

При этихъ словахъ у меня вдругъ перехватило въ горлѣ. Я взглянулъ на Локоткова. Онъ былъ блѣденъ, а рука его

неподвижно лежала на недопитомъ стаканѣ чаю, который онъ только хотѣлъ приподнять со стола.

— Да, славная будетъ порка, — продолжалъ Калатузовъ и, отойдя къ окну, не безъ аппетита сталъ утирать свой ротъ.

— Но кто же это можетъ открыть? — робко спросилъ въ это время весь покрывшійся пунцовымъ румянцемъ Локотковъ.

— Тотъ, кто домой хочетъ пораньше, — отвѣчалъ Калатузовъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Начальство сразу смекнуло, въ чемъ дѣло, да немудрено было это и смекнуть. Распахнулись двери и на порогъ, расчищая усь, явился сторожъ Кухтинъ, который у насъ былъ даже воспитъ въ стихахъ, гдѣ было представлено торжественное веденіе юношей-рыцарей на казнь, причемъ

Какъ грозный исполинъ,
Шагалъ тамъ съ розгами Кухтинъ.

При видѣ этого страшнаго человѣка, Локотковъ изобличилъ глубокой упадокъ духа. Стоя возлѣ него, я видѣлъ не только какъ онъ покачнулся, но даже чувствовалъ, какъ трепетала на его сюртучкѣ худо пришитая пуговка и какъ его маленькія пухленькія губки сердечкомъ выбивали дробь.

Начался допросъ. Дѣти сначала не признавались, но когда директоръ объявилъ, что всѣ три низшіе класса будутъ высѣчены черезъ четыре человѣка пятый, началось смятеніе.

— Отдѣляйтесь! — началъ директоръ. — Ты, первый, становись къ скамьѣ.

Одинъ робкій мальчикъ отошелъ и подвинулся къ скамьѣ. Онъ водилъ тревожными глазами по залѣ и ничего не говорилъ, но правая рука его постоянно то поднималась, то опускалась, — точно онъ хотѣлъ отдать кому-то честь. Слѣдующіе четыре мальчика были отставлены въ сторону; эти немедленно начали часто и быстро креститься. Пятый снова тихо подвигался къ скамьѣ. Это былъ тотъ блѣдный, запуганный мальчикъ, котораго звали «бѣлымъ гараканомъ». Совсѣмъ оробѣвъ, онъ не могъ идти: ноги у него

въ колѣняхъ подламывались, и онъ падалъ. Кухтинъ взялъ его подъ мышку, какъ скрипку, и посадилъ на полъ.

— Бросали сало? — отнесся къ нему директоръ.

— Да, да, — пролепеталъ ему мальчикъ.

— Кто бросалъ?

«Бѣлый тараканъ» пошатнулся, оперся ладонями въ полъ и, качнувъ головой, прошепталъ:

— Я не знаю... всѣ...

— Всѣ? стало-быть и ты?

— Я, нѣтъ, не я.

У него, видимо, развязался языкъ, и онъ готовъ былъ проговориться; но вдругъ онъ вспомнилъ законы нашей рыцарской чести, побагровѣлъ и сказалъ твердо:

— Я не знаю кто.

— Не знаешь? ну, — восписуемъ ти, раба, — отвѣчалъ директоръ, толкнувъ его къ скамейкѣ, и снова отдѣлилась четверка счастливыхъ.

Въ числѣ счастливыхъ четвертаго пятка выскочилъ Локотковъ. Я замѣтилъ, что онъ не раздѣлялъ общей радости другихъ товарищей, избѣгавшихъ наказанія; онъ не радовался и не крестился, но то поднималъ глаза къ небу, то опускалъ ихъ внизъ, дрожалъ и, кусая до крови ногти и губы, шепталъ: «Подъ Твою милость прибѣгаемъ, Богородица Дѣва».

У насъ было повѣрье, что для того, чтобы избѣжать наказанія или чтобы оно, по крайней мѣрѣ, было легче, надо было читать про себя эту молитву. Локотковъ и шепталъ ее, а между тѣмъ къ роковымъ скамейкамъ было отдѣлено человѣкъ двадцать. Калатузовъ былъ избавленъ отъ общей участи. Онъ стоялъ въ ряду съ большими, къ которымъ могли относиться однѣ ужаснѣйшя мѣры. Надъ маленькими началась экзекуція. Я былъ въ числѣ счастливыхъ и стоялъ зрителемъ ужаснаго для меня тогда зрѣлища. Стоны, вопли, слезы и верченья истязуемыхъ дѣтей поднимали во мнѣ всю душу. Я сперва началъ плакать слезами, но вдругъ разрыдался до истерики. Меня хотѣли выбросить вонъ, но я крѣпко держался за товарищей, стиснулъ зубы, и рѣшился ни за что не уходить. Мнѣ казалось, что происходитъ дѣло безчеловѣчное; за которое всѣ мы, какъ рыцари, должны были вступиться. Высѣчены уже были два мальчика и хотѣли наказывать третьяго. Въ это время Локот-

ковъ, бѣлье полотна, вдругъ началъ шевелиться, и чуть только раздался свистъ прутьевъ надъ третьимъ тѣломъ, онъ быстро выскочилъ впередъ и заговорилъ торопливымъ, безсвязнымъ голосомъ:

— Позвольте, позвольте... это я бросилъ сало.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Кухиня пересталъ сѣчь; тевтонскій клювъ директора вытянулся, и онъ сквозь очки остро воззрился на блѣднаго Локоткова; въ группѣ учениковъ пробѣжалъ тихій ропотъ, и на мгновеніе все затихло.

— Ты? — спросилъ директоръ. — Ты самъ сознаешься?..

— Я, — твердо отвѣчалъ Локотковъ. — Я самъ сознаюсь: сѣките меня одного.

— Онъ? — обратился директоръ къ ученикамъ.

Дѣти молчали. Нѣкоторые только, покашливая, слегка поталкивали другъ друга. На нѣсколькихъ лицахъ какъ бы мелькнула какая-то нехорошая рѣшимость, но никто не сказалъ ни слова.

— А, вы такъ! — сказала директоръ: — тогда я буду сѣчь васъ всѣхъ, всѣхъ, поголовно всѣхъ.

И, — представьте себѣ мою прелестнѣйшую минуту въ этомъ гадкомъ воспоминаніи! насъ всѣхъ, маленькихъ дѣтей, точно проникла одна электрическая искра, мы всѣ рванулись къ Локоткову и закричали:

— Да, да, сѣките насъ всѣхъ, всѣхъ сѣките, а не его!»

Директоръ закричалъ, затопалъ, далъ нѣсколькимъ ближе къ нему стоявшимъ звонкія пощечины, и тутъ вдругъ начальство перешло отъ угрозы къ самымъ лукавымъ соблазнамъ.

— Это не можетъ быть, — сказала директоръ: — чтобы вы всѣ были такъ безнравственны, низки, чтобы желать подвергнуть себя такому грубому наказанію. Я увѣренъ, что между вами есть благородные, возвышенные характеры, и начальство вполне полагается на ихъ благородство; я отношусь теперь съ моимъ вопросомъ именно только къ такимъ, и кто истинно благороденъ, кто мнѣ объяснитъ эту исторію, тотъ поѣдетъ домой сейчасъ же, сію же минуту!

Едва кончилась эта сладкая рѣчь, какъ изъ заднихъ рядовъ вышелъ Калатузовъ и началъ рассказывать все по порядку ровнымъ и тихимъ голосомъ. По мѣрѣ того, какъ онъ

разсказывалъ, я чувствовалъ, что по тѣлу моему рассыпается какъ будто горячій песокъ, уши мои пылали, верхнiе зубы совершенно сцѣплялись съ нижними; рука моя безотчетно опустилась въ карманъ панталонъ, достала оттуда небольшой перочинный ножикъ, который я тихо раскрылъ и, не взвидя вокругъ себя свѣта, бросился на Калатузова и вонзилъ въ него...

Это было дѣломъ одного мгновенiя, предъ которымъ другiя три или четыре мгновенiя я не давалъ себѣ никакого отчета. Я опомнился и пришелъ въ себя, спустя три недѣли въ незнакомой мнѣ комнатѣ, и увидѣлъ предъ собою доброе, благословенное лицо моей матери. У изголовья моего стоялъ маленькiй столикъ съ лѣкарственными бутылочками; окна комнаты были завѣшены; вездѣ царствовалъ полусвѣтъ. Въ углу моя няня тихо мочила въ полоскательной чашкѣ компрессы. Я хотѣлъ что-то сказать, но мать погрозила мнѣ пальцемъ и положила этотъ блѣдный палецъ на мои почернѣвшiя губы.

— Я знаю, что ты хочешь спросить, — сказала мнѣ мать. — Забудь все: мы теперь живемъ здѣсь въ гостиницѣ, а *туда* ты больше не поѣдешь.

Меня взяли изъ заведенiя и отвезли въ другое, въ Москву, гдѣ меня не били, не сѣкли, но гдѣ зато не было плѣнявшаго меня рыцарскаго духа. Отсюда, семнадцатилѣтъ, я выдержалъ экзаменъ въ московскiй университетъ. Я былъ смиренъ и тихъ; боялся угрозъ, боялся шутокъ, бѣжалъ отъ слезъ людскихъ, бѣжалъ отъ смѣха и складывался чудакомъ; но отъ сюрпризовъ и внезапностей все-таки не спасался; напротивъ, по мѣрѣ того, какъ я подрастала, сюрпризы и внезапности въ моей жизни все становились серьезнѣе и многозначительнѣе. Начинаю вамъ теперь мой университетскiй анекдотъ: отчего я хорошо учился, но не доучился.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Время моего студенчества было славное время московскаго университета, про которое нынче такъ кстати и некстати часто вспоминаетъ наша современная литература. Я съ самаго перваго дня былъ однимъ изъ прилежнѣйшихъ фуксовъ. Домой къ матушкѣ я ѣздилъ только однажды въ годъ. Одинъ разъ я уже гостилъ у нея, несказанно радуя

ее моимъ голубымъ воротникомъ; другая побывка домой предстояла мнѣ слѣдующимъ лѣтомъ. Переписывались мы съ матушкой часто; она была покойна и очень довольна своимъ положеніемъ у дяди: онъ былъ чудакъ, но человѣкъ предобрый, что, однако, не мѣшало ему порою сердить и раздражать мою мать. Такъ, онъ, напримѣръ, въ тотъ годъ, какъ я былъ въ университетѣ, въ Свѣтлый праздникъ прислалъ матери самый странный подарокъ: это былъ запечатанный конвертъ, въ которомъ оказался билетъ на могильное мѣсто на монастырскомъ кладбищѣ. Шутка съ этимъ подаркомъ необыкновенно встревожила мою немного мнительную мать; она мнѣ горько жаловалась на дядину шутковство и видѣла въ этомъ что-то пророческое. Я ее успокоивалъ, но безъ успѣха.

Между тѣмъ, въ ожиданіи лѣта, когда я снова надѣялся увидѣться съ матушкой, я долженъ былъ перемѣнить квартиру. Это обусловливалось случайностью. Въ семейство, въ которомъ я жилъ, пріѣхала одна родственница, и комната, которую я занималъ, понадобилась хозяйевамъ. Я пустился на поиски себѣ новаго жилища. Дѣло это, конечно, не трудное и не головоломное, но злая судьба меня подстерегла. Должно вамъ сказать, что въ первый разъ, когда я пустился на эти поиски, мнѣ мерещилось, какъ бы я не попалъ въ какое-нибудь дурное мѣсто. Я зналъ много разсказовъ о нехорошихъ людяхъ, нехорошихъ обществахъ и боялся попасть въ эти общества, частью потому, что не любилъ ихъ, чувствовалъ къ нимъ отвращеніе, частью же потому, что боялся быть обиженнымъ. Я всегда былъ характера кроткаго, и прошу васъ не судить обо мнѣ по моей гимназической исторіи. Ножъ и мечъ вообще рукъ моей не свойственны, хотя судьба въ насмѣшку надо мною влагала въ мои руки и тотъ, и другой. Я могъ вспыхивать только на мгновеніе, но вообще всегда былъ человѣкъ свойствъ самыхъ миролюбивыхъ, и обстоятельства моего дѣтства и отрочества сдѣлали меня даже меланхоликомъ и трусомъ до того, что я,—поистинѣ вамъ говорю,—боялся даже перемѣнить себѣ квартиру. Но это было необходимо: я крайне стѣснялъ увеличившуюся семью моего хозяина—до того, что онъ шутя сказалъ мнѣ:

— Ну, дружокъ, Орестъ Марковичъ, воля твоя, а если честью отъ насъ не выйдешь, я тебя съ полиціей вытравлю!

Удалиться было необходимо, и я на это рѣшился.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

И вотъ не успѣлъ я выйти на свои поиски, какъ вижу передо мною вдругъ стала какая-то старушка.

— Батюшка мой, говоритъ,—не квартиру ли ищешь?

«Господи, словно благодѣтельная волшебница, думаю,—узнала, въ чемъ я затрудняюсь, и стремится помочь мнѣ».

— Да, говорю,—вы отгадали: я ищу квартиру.

— А у насъ, голубчикъ, тутъ въ домѣ для тебя какъ разъ есть прекрасная комната.

И съ этимъ словомъ добродушная старушка взяла меня за руку и подвела меня къ обитой чистою зеленою клеенкой двери, на которой была мѣдная дощечка, въ тогдашнее время составлявшая еще въ Москвѣ довольно замѣчательную рѣдкость. На этой дощечкѣ французскими литерами было написано: «*Léonide Postelnikoff Capitaine*».

— Вотъ тутъ онъ, говоритъ,—родной мой, Леонидъ-то Григорьевичъ. Онъ ей, Марьѣ Григорьевнѣ, хозяйкѣ нашей, братъ доводится. Ты звякни, онъ и отопрется.

И съ этимъ словомъ старушка сама позвонила и добавила:

— Она теперь сама-то, Марья Григорьевна, потерявши мужа, въ разстройствѣ; а онъ ея дѣлами управляетъ; онъ и комнату сдаетъ; съ нимъ покалягай, и тебѣ здѣсь хорошо-прехорошо будетъ.

За стѣной послышались шаги, щелкнула задвижка и въ двери показался высокій человѣкъ, одѣтый въ сѣрый нанковый казакинъ. По усамъ, по полудвоенному казакину и по всей манерѣ въ этомъ человѣкѣ не трудно было узнать солдата.

— Къ барину они, Климы Степановичъ,—заговорила къ нему моя старушка.—Квартиру у Марьи Григорьевны снять желаютъ.

И, толкнувъ меня въ спину, старушка зашлепала внизъ по лѣстницѣ, а я очутился въ небольшой свѣтлой передней, въ которой меня прежде всего поразила необыкновенно изящная чистота и, такъ сказать, своеобразная женственность убранства. Такъ, въ этой передней стоялъ мигкій диванчикъ, обитый свѣтленькимъ ситцемъ; вѣшалки не было, но вмѣсто нея громоздился высокій платяной

шкафъ, какъ бываетъ въ небольшихъ квартирахъ, гдѣ живутъ одинокія женщины. Возлѣ шкафа, на столикѣ, стоялъ подносъ съ графиномъ свѣжей воды и двумя стаканами. На окнѣ были два горшка гортензій и чистенькая проволочная клѣтка, съ громко трещавшею калужской канарейкой, а въ углу—пальцы.

Изъ дверей открылась другая комната, болѣе обширная и окрашенная розовою краской самаго пріятнаго цвѣта. Чистота этой комнаты еще болѣе бросалась въ глаза. Крашеные полы были наложены, мебель вся свѣтилась, диванъ былъ весь уложенъ гарусными подушками, а на большомъ столѣ, подъ лампой, красовалась большая гарусная салфетка; такія же меньшія вышитыя салфетки лежали на другихъ меньшихъ столикахъ. Всѣ окна уставлены цвѣтами и у двухъ оконъ стояли два очень красивые, самой затѣйливой, по тогдашнему времени, работы дамскіе рабочіе столика: одинъ темнаго эбеноваго дерева, съ перламутровыми инкрустациями; другой—изъ мелкаго узорнаго паркета.

Человѣкъ въ сѣромъ казакинѣ ввелъ меня въ эту комнату и, попросивъ подождать, ушелъ въ другую дверь, далѣе. Дверь эта была полуотворена и открывала покой еще болѣе веселый и свѣтлый: свѣтло-голубыя, небеснаго цвѣта, стѣны его такъ и выдвигались. Всего убранства этого новаго покоя я не могъ разсмотрѣть, потому что видѣлъ только одинъ уголокъ, но замѣтилъ тамъ и горки, и этажерки, и статуэткі. Судя по обстановкѣ квартиры, я рѣшительно не могъ объяснить себѣ, куда это я попалъ. Но прежде чѣмъ пришелъ на этотъ счетъ къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ заключеніямъ, человѣкъ въ сѣромъ казакинѣ попросилъ меня въ кабинетъ.

«Такъ это кабинетъ», подумалъ я,—и, направясь по указанію, очутился въ этой небесной комнатѣ, пріюту и убранству которой, въ самомъ дѣлѣ, можно было позавидовать. Та же несказанная, невыразимая чистота, свѣтлая, веселенькая мебель, какая уже теперь рѣдко встрѣчается, или какую можно только встрѣтить у охотниковъ работать калькомани; вся эта мебель обита свѣтлымъ голубымъ ситцемъ, голубые ситцевые занавѣсы, съ подзорами на окнахъ, и дорогой голубой шелковый пологъ надъ широкою двухспальною постелью. По угламъ были, какъ я сказалъ, вездѣ горки и этажерки, уставленные самыми затѣйливыми фигурками,

по преимуществу женскими и, разумѣется, обнаженными. Дорогой пологъ надъ кроватью былъ перетянутъ черезъ толстое золотое кольцо, которое держалъ въ лапахъ огромный вызолоченный орелъ. Въ углу былъ красивый трехъярусный образникъ и предъ нимъ темнаго дерева аналой, съ зелеными бархатными подушками. Словомъ, это было маленькое небо; не доставало только небожителя. Но и его собственно не доставало: онъ былъ тоже здѣсь, налицо, но только я его сразу не разсмотрѣлъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

— Ахъ, приношу вамъ сто извиненій!—услышалъ я почти изъ-за своего собственного плеча и, обернувшись, увидѣлъ предъ дамскимъ туалетомъ, какой привыкъ видѣть въ спальнѣ моей матери... какъ вамъ сказать, кого я увидѣлъ? Иначе не могу выразиться, какъ увидѣлъ уже самаго настоящаго купидона. Увидѣлъ и... растерялся, да и было отчего. Вы, конечно, помните, что я долженъ былъ встрѣтить здѣсь *капитана*; но представьте себѣ мое удивленіе, когда я увидѣлъ предъ туалетомъ какое-то голубое существо,—таки все, все сплошь голубое; голубой воротникъ, голубой сюртукъ, голубые рейтузы,—однимъ словомъ, все голубое, съ легкою бѣлокурою головкой, въ бѣломъ спальномъ дамскомъ чепцѣ, изъ-подъ котораго выбивались небольшія золотистыя гудерьки въ бумажныхъ папильоткахъ. Я просто никакъ не могъ себѣ уяснить, что это—мужчина или женщина. Но въ это время купидонъ обернулъ ко мнѣ свою усыпанную папильотками голову, и я увидѣлъ круглое, нѣжное, матовое личико, съ нѣжнымъ пушкомъ на верхней губѣ, зашипнутымъ у угловъ устъ вверхъ тоненькими колечками. За этою работой, за закрываніемъ усиковъ, я собственно и засталъ моего купидона.

— Приношу вамъ пятьсотъ извиненій, что я васъ принимаю за туалетомъ: я спѣшу сегодня въ нарядъ,—заговорилъ купидонъ:—и у меня едва есть нѣсколько минутъ на всѣ сборы; но эти минуты всѣ къ вашимъ услугамъ. Мнѣ сказали, что вы хотите занять комнату у сестры Маши? Это прекрасная комната, вы будете ею очень довольны.

— Да,—отвѣчала я:—мнѣ нужна комната, и мнѣ сказали..

— Кто вамъ сказалъ?

— Не знаю... какая-то старушка...

— Ахъ, это вѣрно Авдотьюшка; да, у сестры прекрасная комната; сестра моя—это не изъ барышей отдаетъ, она недавно овдовѣла, такъ только чтобы не въ пустой квартирѣ жить. Вамъ будетъ прекрасно: тамъ тишина невозмутимая. Скучно можетъ быть?

— Я, говорю,—этого не боюсь.

— А не боятесь, такъ и прекрасно; а соскучитесь—пожалуйте во всякое время ко мнѣ, я всегда радъ. Вы студентъ? Я страшно люблю студентовъ. Самъ въ университетѣ не былъ, но къ студентамъ всегда чувствую слабость. Да что! Какъ и иначе-то? Это наша надежда. Молодой народъ, а между тѣмъ у нихъ всѣ идеи и мысли... а притомъ же вы сестринъ постоялецъ, такъ, стало-быть, все равно что свой. Не правда ли?

Я очень затруднился отвѣчать на этотъ потокъ краснорѣчія, но лупидонъ и не ждалъ моего согласія.

— Эй, Климъ!—крикнулъ капитанъ.—Климъ!

Онъ при этомъ ударилъ два раза въ ладоши и крикнулъ:

— Трубочку поскорѣе, трубочку и шоколадъ... Двѣ чашки шоколаду... Вы выкушаете?—спросилъ онъ меня и, не дождавшись моего отвѣта, добавилъ:—Я чаю и кофе терпѣть не могу: чай дѣйствуетъ на сердце, а кофе—на голову; а шоколадъ живить... Приношу вамъ тысячу извиненій, что мы такъ мало знакомы, а я позволяю себѣ шутить.

Съ этимъ онъ схватилъ меня за колѣно, приподнялся, отодвинулъ немного табуретку и, придвинувшись къ зеркалу, началъ тщательно вывертывать изъ волосъ папильотки.

— Приношу вамъ двѣ тысячи извиненій, что задерживаю васъ, но все это сейчасъ кончится... мнѣ и самому некогда... Климъ, шоколаду!..

Климъ подаль шоколадъ.

Я поблагодарилъ.

— Нѣтъ, пожалуйста! У насъ на Руси отъ хлѣба-соли не отказываются. Въ Англии сорокъ тысячъ даютъ, чтобъ было хлѣбосолецтво, да нѣтъ,—сами съ голоду умираютъ, а у насъ отечество кормить... Извольте кушать.

Дѣлать было нечего, я принялъ чашку.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

— Вонъ ваща комната-го, всего два шага отъ меня,— заговорилъ капитанъ.— Видите, на извозчика ко мнѣ ужъ немного истратите. Вонъ видите тотъ флигель, налѣво?

Я приподнялся, взглянулъ въ окно и отвѣчалъ, что вижу.

— Нѣтъ, вы подойдите, пожалуйста, къ окну.

— Да я и отсюда вижу.

— Нѣтъ, вы подойдите; тутъ есть маленькій фокусъ. Видите прекрасный флигелекъ. У насъ, впрочемъ, и вообще весь дворъ въ порядкѣ. Прежде этого не было. Хозяйка была страшная скареда. Я здѣсь не жилъ; сестра моя здѣсь прежде поселилась; я къ ней и хаживалъ. Хозяйка, вотъ точно такъ же какъ сестра теперь, лѣтъ пять тому назадъ овдовѣла. Купчиха ничего себѣ,—этакая, всегда довольно жантильная была, съ манерами, потому что она изъ актрисъ, но тяготилась и вдовствомъ, и управлять домомъ: а я, какъ видите, люблю жить чисто,—не правда ли? Что? Я вѣдь, кажется, чисто живу? Правда-съ?

— Да, отвѣчаю я,—правда.

— Кажется правда, и это съ самаго дѣтства. Познакомитесь съ сестрой, она вамъ все это расскажетъ; я всегда любилъ чистоту, и еще въ кадетскомъ корпусѣ ею отличался. Кто тамъ что ни говори, а военное воспитаніе... нельзя не похвалить его; разумѣется, не со всѣхъ сторонъ: съ другихъ сторонъ университетъ, можетъ-быть, лучше, но съ другой стороны... всегда щеточка, гребенка, маленькое зеркальце въ карманѣ, и я всегда этимъ отличался. Я, бывало, приду къ сестрѣ, да и говорю: какъ это у васъ все грязно на дворѣ! Пять тысячъ извиненій, говорю, приношу вамъ, но просто въ свинушникѣ живете. Хозяйка иногда хаживала къ сестрѣ... ну, и... сестра ей шутила: вотъ, говорить, вамъ бы какого мужа. Шутя, конечно, потому что моя сестра знаетъ мои правила, что я на купчихѣ не женюсь, но наши, знаете, всегда больше женятся на купчихахъ, такъ ужъ тѣ это такъ и рассчитываютъ. Однакоже, я совѣмъ не такой, потому что я къ этой службѣ даже и неспособенъ; но та развѣсила уши. Ну, куда же, скажите пожалуйста, мнѣ жениться—приношу вамъ двадцать тысячъ извиненій;—да еще жениться на купчихѣ?.. Нѣтъ, говорю, я жениться не могу; но порядокъ, дѣйствительно, моя пас-

сія, и домою управлять я согласенъ. Она мнѣ и предложила вотъ эту квартиру. Квартира, конечно, очень не велика. Передняя, что вы видѣли, залъ, да вотъ эта комната; но, вѣдь, съ одного довольно, а денщикъ мой въ кухнѣ; но кухню высправилъ, такъ что не стыдно; Климы у меня не такъ, какъ у другихъ. Вотъ вы его видѣли; спросите его потомъ когда-нибудь, пожалуется ли онъ на меня? Климы! — крикнулъ онъ громко:—Климы!

Въ дверяхъ показался сѣрый Климы.

— Доволенъ ты мной, или нѣтъ? Не бойся меня, отвѣчай мнѣ такъ, какъ бы меня здѣсь не было.

— Много доволенъ, ваше благородіе, — отвѣчалъ денщикъ.

— Ахъ, ты, скотина!

Постельниковъ самодовольно улыбнулся и, махнувъ денщику рукою, добавилъ:

— Ну, и только, и ступай теперь къ своему мѣсту, готовь шинель. На меня никто не жалуется, — продолжалъ капитанъ, обратясь ко мнѣ. — Я всею, кому я что могу сдѣлать—дѣлаю. Отчего же, скажите, и не дѣлать? Вѣдь эгоизмъ,—я приношу вамъ сто тысячъ извиненій,—я вашихъ правилъ не знаю, но я откровенно вамъ скажу, я терпѣть не могу эгоистовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Потокъ этихъ словъ былъ сплошной и неудержимый, и даже увлекательный, потому что голосъ у Леонида Григорьевича былъ необыкновенно мягкій, тихо вкрадчивый; слова, произносимыя имъ, выходили какія-то кругленькія и катились словно орѣшки по лубочному желобку. На меня отъ его говора самымъ непримичнымъ образомъ находилъ неодолимѣйшій магнетическій сонъ. Подъ обаяніемъ этого рокота, я даже съ удовольствіемъ сидѣлъ на мягкомъ креслѣ, съ удовольствіемъ созерцалъ моего кушидона и слушалъ его рѣчи, а онъ продолжалъ развивать передо мной и свои мысли, и свои пачильотки.

— Хозяйка, — продолжалъ онъ: — живетъ тутъ внизу, но до нея ничто не касается; всею управляю я. И сестра теперь тоже, и о ней надо позаботиться. У меня, по правдѣ сказать, не малая опека, но я этимъ не тягочусь, и вы будьте покойны. Вы сколько платили на прежней квартирѣ?

Я сказалъ, сколько я платилъ.

— О, мы устроимъ васъ у сестры даже гораздо дешевле и вѣрно гораздо лучше. Вы студентъ, а въ той комнатѣ, гдѣ вы будете жить, все даже располагаетъ къ занятіямъ. Я оттуда немножко отдаляюсь, потому что я жизнь люблю, а сестра теперь, послѣ мужниной смерти, совсѣмъ, какъ она говорить, «предалась Богу»; но не суди—не сужденъ будешь. Впрочемъ, опять говорю, тамъ бѣсовъ изгоняють ладаномъ, а вы, если когда захотите посмотрѣть бѣсовъ, ко мнѣ милости просимъ. Я, знаете, живу молодымъ человѣкомъ, потому что юность дважды не приходитъ, и я васъ познакомлю съ прекрасными дамочками... я не ревнивъ; нѣтъ, что ихъ ревновать!

Онъ, махнувъ рукой, развернулъ послѣднюю папильотку и, намочивъ лежавшее возлѣ него полотенце одеколономъ, обтеръ себѣ руки и заключилъ:

— А теперь, прошу покорно, въ вашу комнату. Времени уже совсѣмъ нѣтъ, а мнѣ еще надо завернуть въ одно мѣстечко. Климъ! — громко крикнулъ онъ, хлопнувъ въ ладоши, и, пристегнувъ аксельбанты, направился чрезъ гостиную.

Я шелъ за нимъ молча, не зная, на что и для чего я все это дѣлалъ. Въ передней стоялъ Климъ, держа въ рукахъ сѣрую шинель и фуражку. Хозяинъ мой взялъ у него эту шинель изъ рукъ и молча указалъ ему на мою студенческую шинель; я торопливо накинулъ ее на плечи, и мы вышли, прошли черезъ дворъ и остановились у двери, обитой уже не зеленою сияющею клеенкой, а темнымъ, толстымъ, сѣрымъ сукномъ. Звонокъ здѣсь висѣлъ на довольно широкомъ черномъ ремнѣ, и когда капитанъ потянулъ за этотъ ремень, намъ послышался не веселый, дребезжащій звукъ, а какъ бы ударъ маленькаго колокола, когда онъ ударяетъ отъ колеблемой вѣтромъ веревки. Прошла минута, намъ никто не отворилъ. Постельниковъ снова дернулъ за ремень. Снова раздался заунывный звукъ, и дверь неслышнымъ движеніемъ проползла по полу и распахнулась. Предъ нами стояла старушка, бодренькая, востроносенькая, покрытая темнымъ коричневымъ платочкомъ. Капитанъ освѣдомился, дома ли сестра и есть ли у нея кто-нибудь.

— Есть-съ,—отвѣчала старушка.

— Монахи?

— Отецъ Варлаамій и Евстигней съ Филаретушкой.

— Ну, вотъ и прекрасно! Пусть они себѣ тамъ и сидятъ. Скажи: постояльца рекомендую знакомаго. Это необходимо,—добавилъ онъ мнѣ шопотомъ и тотчасъ же снова началъ вслухъ:—Вотъ видите,halbvo, этотъ коридоръ? тамъ у сестры три комнаты; въ двухъ она живетъ, а третья—тамъ у нея образная; а это вотъ, прямо дверь,—тутъ кабинетъ зятевъ былъ; вотъ тамъ въ нее и ходъ; а это и есть ваша комната. Смотрите,—заключилъ онъ, распахивая передо мной довольно высокія бѣлыя двери въ комнату, которую, дѣйствительно, можно было назвать прекрасною.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Комната, предлагаемая мнѣ голубымъ кунидономъ, была большой наугольный покой въ два окна съ одной стороны, и въ два—съ другой. Весь онъ выходилъ въ большой густой садъ, деревья котораго обѣщали весной и лѣтомъ много прохлады и тѣни. Стѣны комнаты были оклеены дорогими коричневыми обоями, на которыхъ миллионъ разъ повторялась одна и та же буколическая сцена между пастухомъ и пастушкой. Въ углу стоялъ большой образъ, и предъ нимъ тихо мерцала лампада. Вокругъ стѣнъ выстроилась тяжелая мебель краснаго дерева съ бронзой, обитая темнокоричневымъ сафьяномъ. Два овальные стола были покрыты коричневымъ сукномъ; бюро краснаго дерева, съ бронзовыми украшениями; дальше письменный столъ и кровать въ альковѣ, задернутая большимъ визанымъ ковромъ; однимъ словомъ, такая комната, какой я никогда и не думалъ найти на мои скромныя деньги: Неудобствъ, казалось, никакихъ.

Несмотря на то, что мы только-что вступили въ эту комнату, тишина ея уже оказывала на меня свое пріятное дѣйствіе. Это, дѣйствительно, была глубокая и спокойная тишина, охватывающая собой человѣка съ первой же минуты. Вдобавокъ ко всему этому, въ комнатѣ слышался слегка запахъ роснаго ладану и смирны, что я очень люблю.

Капитанъ Постельниковъ замѣтилъ, что этотъ запахъ не ускользнулъ отъ меня, и сказалъ:

— Запахець, конечно, есть; но какъ на чей взглядъ, а на мой все-таки это не Богъ вѣсть какое неудобство. А зато, я вамъ говорю, эта Василиса, — старушка, которую вы

видѣли,—предобрая, и сестра предобрая. Богомольная только, ну, да что же вамъ до этого? Я, разумѣется, не знаю вашихъ правилъ, но я никогда открыто противъ религіи не возражаю. Къ чему? Всѣхъ вдругъ не просвѣтишь. Это все само собой имѣетъ свое теченіе и окончится. Я богомольнымъ не возражаю. Вы даже, можетъ-быть, замѣтили, у меня у самого есть лампады? Я ихъ самъ жгу. Что же такое? Это вѣдь въ существѣ ничему не мѣшаетъ, а есть люди, для которыхъ это очень важно... Вы можете этому не повѣрить, но это именно такъ: вотъ, недалеко ходить, хоть бы сестра моя, рекомендую: если вы съ ней хорошенько обойдетесь, да этакъ иногда кстати пустите при ней о чемъ-нибудь божественномъ, такъ случись потомъ и недостатокъ въ деньгахъ, она и денегъ подождетъ; а заговорите съ ней по-модному, что «моль Богъ—пустяки, я знать Его не хочу», или что-нибудь такое подобное, сейчасъ и провалъ, а... а особенно на нашей службѣ... этакую откровенностію даже все можно потерять сразу.

— Сестра! — крикнулъ капитанъ, стукнувъ въ стѣну: — вели Василісѣ чрезъ два часа здѣсь все освѣжить, къ тебѣ придетъ твой постоялецъ, мой хорошій знакомый. Это необходимо,—опять сказалъ онъ мнѣ шопотомъ.

— А какъ васъ зовутъ?

Я назвалъ мое имя.

— Его зовутъ Орестъ Марковичъ Ватажковъ; запиши у себя, а теперь мы съ нимъ ѣдемъ. И съ этимъ Постельниковъ надѣлъ посреди комнаты фуражку и повлекъ меня за собою.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Черезъ ту же лѣстницу мы снова спустились на дворъ, гдѣ я хотѣлъ раскланяться съ Постельниковымъ, не имѣя, впрочемъ, никакого опредѣленнаго плана ни переѣзжать на квартиру къ его сестрѣ, ни улизнуть отъ него; но Леонидъ Григорьевичъ предупредилъ меня и сказалъ:

— Нѣтъ, вы что же? развѣ вы куда-нибудь спѣшите?

— Да, немножко.

— Ну, немножко ничего... Вы въ какую сторону?

Я сказалъ.

— Ахъ, Боже мой, намъ почти по дорогѣ. Немножко въ сторону, да отчего же? Для друга семь верстъ не околица,

а я,—прошу у васъ шестьдесятъ тысячъ извиненій,—можетъ быть и не имѣю еще права вполнѣ называться вашимъ другомъ, но надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ небольшой услугѣ.

— Охотно, говорю,—если только могу.

— О, очень можете, а я вамъ сдѣлаю услугу за услугу.

Съ этими словами мы снова очутились у знакомой зеленой двери капитановой квартиры. Онъ нетерпѣливо дернулъ звонокъ и, вскочивъ на минуту, дѣйствительно, тотчасъ же выскочилъ назадъ. Въ рукахъ его была женская картонка, въ какихъ обыкновенно модистки носятъ дамскія шляпы, большой конвертъ и длинный тонкій свертокъ. Изъ этого свертка торчала зонтичная ручка.

— Вотъ,—обратился онъ ко мнѣ:—потрудитесь это поддерживать, только держите осторожиѣе, потому что тутъ цвѣты, а тутъ,—я, разумѣется, приношу вамъ сто тысячъ извиненій, но вѣдь вамъ ужъ все равно,—такъ тутъ зонтикъ. Но, Боже мой, что же это такое?—воскликнулъ капитанъ, взглянувъ на этотъ зонтикъ.

— Вотъ проклятая разсѣянность! Эта проволочка такъ и осталась не спиленною! Климъ, скорѣе напилокъ!—И капитанъ быстро однимъ движеніемъ сбросилъ съ себя шинель, присѣлъ верхомъ на стулъ, съ большимъ мастерствомъ укрѣпилъ къ столбику стула зонтикъ и началъ быстро отпиливать небольшую кусокъ проволоки.

— Я люблю эту работу,—говорилъ онъ мнѣ, между дѣломъ.—Я вамъ скажу: въ наши лѣта все въ магазинахъ для дамъ покупать,—это, чортъ возьми, накладно, да и что тамъ купишь? Все самое обыкновенное и втридорога; а я этакъ, все какъ-нибудь, у Сухаревой башни, да на Смоленскомъ... очень пріятно, въ родѣ прогулки и вещи подержанныя не дорого, а ихъ вотъ самъ почию, исправлю, и презентую... Вы увидите, какъ мы заживемъ,—жаловаться не будете. Я вотъ васъ сейчасъ подвезу до Никитскихъ воротъ и попрошу о маленькомъ одолженіи, а самъ поскорѣе на службу; а вы зато заведете первое знакомство, и въ то же время вамъ будетъ оказана услуга за услугу.

Я совсѣмъ не зналъ, что со мною дѣлаютъ. У подъѣзда стояла гнѣдая лошадка, запряженная въ небольшія дрожечки. Мы сѣли и понеслись. Во всю дорогу до Никитскихъ воротъ капитанъ говорилъ мнѣ о своемъ житьѣ, о службѣ,

о бывающих у него хорошеньких женщинахъ, о томъ, какъ онъ весело живетъ, и вдругъ остановилъ кучера, указавъ мнѣ на одни ворота и сказалъ:

— Вотъ тутъ я васъ усердно прошу спросить прямо по лѣстницѣ, въ третьемъ этажѣ, перчаточницу Марью Матвѣевну; отдайте ей эти цвѣты и зонтикъ, а коробочку эту Лизѣ, блондинкѣ; приволокнитесь за нею смѣло: она самое безкорыстнѣйшее существо и очень влюблива, вздохните, глядя ей въ глаза, да руку къ сердцу, она и загорится, а пока au revoir.

И прежде, чѣмъ я нашелся что-нибудь отвѣтить, капитанъ Постельниковъ уже исчезъ изъ моихъ глазъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Должно вамъ сказать, что всѣ эти порученія, которыя надавалъ мнѣ капитанъ Постельниковъ, конечно, были мнѣ вовсе не по нутру, и я, несмотря на всю излишнюю мягкость моего характера и на апатію, или на полусонное состояніе, въ которомъ я находился во все время моихъ разговоровъ съ капитаномъ, все-таки хотѣлъ возвратитъ ему всѣ эти порученности; но, какъ я сказалъ, это было уже невозможно.

Слѣдующею мыслью, которая мнѣ пришла за этимъ, было возвратиться назадъ и отнести все это на его квартиру и отдать его Климу. Я находилъ, что это всего достойнѣе; но, къ крайнему моему удивленію, сколько я ни звонилъ у капитанской двери, мнѣ ея никто не отперъ. Я отправился-было въ квартиру его сестры, но здѣсь на двукратно повторенный мною звонокъ мнѣ отперъ двери полный, румяный монахъ и съ соболѣзующимъ взглядомъ въ очахъ проговорилъ:

— Великодушно извините: Марья Григорьевна позатрапезно опочили, услужающихъ ихъ дома нѣтъ, а мы, приходящіе, ничего принять не можемъ.

— Чортъ знаетъ, что такое. Э, думаю, была не была, пойду ужъ и сдамъ скорѣй по адресу.

И вотъ я снова взялъ извозчика и поѣхалъ къ Нигитскимъ воротамъ.

Нѣтъ никакой нужды рассказывать, что за особъ встрѣтилъ я въ тѣхъ дѣвицахъ, которымъ я передавалъ посланныя черезъ меня вещи. Довольно сказать, что все это было

свѣжо, молодо и, на тогдашней юной неразборчивый мой вкусъ, очень приглядно, а, главное, безцеремонно и просто-душно. Я попалъ на именины и хотѣлъ, разумѣется, сейчасъ же отсюда уйти; но меня схватили за руки и, буквально, силой усадили за пирогъ, а пока ѣли пирогъ, явился внезапно освободившійся отъ своихъ дѣлъ капитанъ Постельниковъ и съ нимъ мужчина съ страшными усищами: это былъ поэтъ Трубицынъ. Кончилось все это для меня тѣмъ, что я здѣсь впервые въ жизни ощутилъ вліяніе пиршества, въ питьѣ дошелъ до неблагопристойной потребности уснуть въ чужомъ домѣ и получилъ отъ Трубицына кличку «Филимонъ-простота», — обстоятельство ничтожное, но имѣвшее для меня, какъ увидите, самыя трагическія послѣдствія.

ГЛАВА. ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Проснувшись передъ вечеромъ на диванѣ, въ чужой квартирѣ, я быстро вскочилъ и съ жесточайшею головою болью бросился скорѣй бѣжать къ себѣ на квартиру; но представьте же себѣ мое удивленіе! только-что я прихожу домой, на свою прежнюю квартиру, какъ вижу, что комнату мою тщательно прибираютъ и моютъ и что въ ней не осталось уже ни одной моей вещи, положительно, что-называется, ни синя-пороха.

— Какъ же и куда все мое отсюда дѣлось?

— А ваше все, отвѣчаютъ,—перевезъ къ себѣ капитанъ Постельниковъ.

— Позвольте-съ, говорю, позвольте, чтò это за вздоръ! какъ капитанъ Постельниковъ перевезъ? Этого быть не можетъ.

— Нѣтъ-съ, говорятъ,—дѣйствительно перевезъ.

— Да по какому же праву, говорю, вы ему отпустили мои вещи?

Но вижу, что предстоящіе послѣ этого вопроса только рты разинули и стоятъ передо мною какъ удивленные галчата.

— По какому праву?—продолжаю я добиваться.

— Капитану-то Постельникову?—отвѣчаютъ мнѣ съ смущеніемъ.

— Да-съ.

— Капитану Постельникову по какому праву?

— Ну да: капитану Постельникову по какому праву?

Галчата и рты замкнули: дескать на тебя, братъ, даже и удивляться не стоить.

— Вотъ, говорятъ,—чубучокъ вашъ съ змѣиными головками капитана Постельникова денщикъ не захватилъ, такъ извольте его получить.

Я разсердился, послалъ всѣмъ мысленно тысячу проклятій, надѣлъ шинель и фуражку, захватилъ въ руки чубучокъ съ змѣиными головками и повернулся къ двери, но досадно же такъ уйти, не получа никакого объясненія. Я вернулся снова, взялъ въ сторонку мать моего хозяина, добрейшую старушку, которая, казалось, очень меня любила, и говорю ей:

— Матушка Арина Васильевна! Поставьте мнѣ голову на плечи: расскажите, зачѣмъ вы отдали незнакомому чело-вѣку мои вещи?

— Да мы, дитя, думали, говорить, что—сынокъ мой Митроша на тебя жалобу приносилъ, что ты квартиры не очищаешь, такъ что тебя по начальству отъ насъ сводятъ.

— Ахъ, Арина Васильевна, да развѣ, моль, это можно, чтобы вашъ сынъ на меня пошелъ жаловаться? Вѣдь мы же съ нимъ пріятели.

— Знаю, говорить,—ангелъ мой, что вы пріятели, да мы думали, что, можетъ-быть, онъ въ шутку это надъ тобой пошутилъ.

— Что это: жаловаться-то, говорю, онъ въ шутку ходилъ?

— Да.

— Арина Васильевна, да нѣшто этакъ бываетъ? Нѣшто это можно?

Арина Васильевна только растопырила руки и бормочетъ:

— Вотъ, говори же, баить, ты съ нами!—мы сами, дитя, не знаемъ, чтò у насъ было въ думкѣ.

Я махнулъ рукой, захватилъ опять чубучокъ, сухо протился и вышелъ на улицу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Не могу вамъ рассказать, въ какомъ я былъ гадкомъ состояніи духа. Разыгранная со мной штука просто сбила меня съ нахвѣй, потому что я, послѣ своего неловкаго поведенія у знакомыхъ дамъ капитана, ни за что не расположенъ былъ жить у его сестры и даже даль-было себѣ слово никогда не видать его. Комната мнѣ нравилась, и я

ничего не имѣлъ противъ нея, но я имѣлъ много противъ капитана; мнѣ его предупредительность была не по нутру, а, главное, мнѣ было чрезвычайно непріятно, что все это сдѣлалось безъ моей воли. Но я могъ сердиться сколько мнѣ угодно, а дѣло уже было сдѣлано.

Досада обьяла меня несказанная, и я, чтобы немножко поразвлечься и поразсѣяться и чтобы не идти на новую квартиру, отправился бродить по Москвѣ.

Я ходилъ очень долго, заходилъ въ нѣсколько церквей, гдѣ тупо и безсознательно слушалъ вечернюю службу, два или три раза пилъ чай въ разныхъ трактирахъ, но, наконецъ, дѣваться болѣе было некуда. На дворѣ уже совсѣмъ засумерчило и по улицамъ только изрѣдка кое-гдѣ пробѣгали запоздалыя чуйки; бродить по улицамъ стало совсѣмъ неловко. Я подошелъ къ одному фонарю, вынулъ мои карманные часы: было одиннадцать часовъ. Пора было на ночь-легъ; я взялъ извозчика и поѣхалъ на мою новую квартиру. Къ удивленію моему, у воротъ ждалъ меня дворникъ; онъ раскрылъ передо мною калитку и вызвался проводить меня по лѣстницѣ съ фонарикомъ, который онъ зажегъ внизу, въ своей дворницкой. Ремень, приснащенный къ звонку моей квартиры, былъ тоже необыкновенно чутокъ и послушенъ: едва я успѣлъ его потянуть, какъ дверь, шурша своимъ войлочнымъ подбоемъ, тихо отползла и приняла меня въ свои объятія. Въ передней, на полочкѣ, тихо горѣлъ чистенькій ночничокъ. Комната моя была чиста, свѣжа; предъ большимъ образомъ Спасителя ярко сіяла лампада; вещи мои были разложены съ такою аккуратностью и съ такимъ порядкомъ, съ какимъ я самъ разложить ихъ никогда не сумѣлъ бы. Платье мое было развѣшено въ шкафѣ; посреди стола, предъ чернильницей, лежалъ мой бумажникъ и на немъ записка, въ которой значилось: «Денегъ наличныхъ 47 руб. ассигнаціями, 4 цѣлковыхъ и серія», а внизу подъ этими строками выдавлена буква «П», по которой я узналъ, что всею этой аккуратностью въ моей комнатѣ я былъ обязанъ тому же благодатному Леониду Григорьевичу.

— И скажите пожалуйста, разсуждалъ я себѣ:—когда же онъ все это дѣлалъ? Я раскисъ и ошалѣлъ, да слоны слонялъ по Москвѣ, а онъ какъ ни въ чемъ не бывалъ и еще всѣ дѣла за меня попередѣлалъ!

Я отдернулъ альковъ моей кровати и увидѣлъ постель,

застланную ослѣпительно чистымъ бѣльемъ. Думать мнѣ ни о чемъ больше не хотѣлось; переѣхаль такъ переѣхаль, или перевезли такъ перевезли,—дѣлать ужъ нечего, благо тихо, покойно, кровать готова и спать хочется. Я раздѣлся, перекрестился, легъ и заснулъ въ ту же самую минуту, какъ только упалъ головой на подушки. Занавѣски, которою отдѣлялся мой альковъ, я не задернулъ, потому что, лежа, надѣялся помечтать при свѣтѣ лампы; но мечтанья, по поводу внезапнаго крѣпкаго сна, не случилось; зато около полуночи меня началъ осѣнять цѣлый рой самыхъ прихотливыхъ сновидѣній. Мы съ Постельниковымъ не то летѣли, не то валились на землю откуда-то, совсѣмъ изъ другого міра, не то въ дружественныхъ объятіяхъ, не то въ какомъ-то невольномъ сѣпленіи. Я былъ какой-то темный, неопредѣленный, онъ такой же голубой, какимъ я его видѣлъ и какимъ онъ мнѣ только и могъ представляться; но у него, кромѣ того, были большія влажныя крылышки; помахая ими, онъ меня словно всего склеивалъ, и свистъ отъ взмаховъ этихъ крыльевъ и сладостно и рѣзко раздавался въ моему слухѣ. Затѣмъ вдругъ мы очутились въ этой самой комнатѣ и ѣздили по ней долго и долго, пока вдругъ капитанъ далъ мнѣ въ носъ щелчокъ, и я проснулся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Пробужденіе мое было удивительно не менѣе самаго сна. Во-первыхъ, я увидѣлъ надъ собою—кого бы вы думали?—Точно такъ, какъ бывало въ моему дѣтствѣ, я увидѣлъ надъ моимъ изголовьемъ свѣжаго, воскового купидона, привѣшеннаго къ алькову моей кровати. У купидона подъ крылышками была бархатная ермолочка на розовой шелковой подкладкѣ, а на ней пришила бумажка, опять точно такъ же съ надписью, какъ бывало во время моего дѣтства. Это меня поразило. Я приподнялся съ кровати и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ устремилъ глаза мои на бумажку. На ней было написано: «Оресту Марковичу Ватажкову на новоселье, въ знакъ дружбы и пріязни, Постельниковъ».

— Чортъ знаетъ, чего этотъ человекъ такъ нахально лѣзетъ ко мнѣ въ дружбу? подумалъ я, и только-что хотѣлъ привстать съ кровати, какъ вдругъ двери моей комнаты распахнулись и въ нихъ предсталъ самъ капитанъ Постельниковъ. Онъ несъ большой крендель, а на кренделѣ

маленькую вербочку. Это было продолженіе подарковъ на мое навоселье, и съ этихъ поръ для меня началась новая жизнь и далеко не похвальная.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

По моему безволю и малохарактерности я, конечно, сблизился съ капитаномъ Постельниковымъ безмѣрно и зато сталъ заниматься науками гораздо менѣе и гораздо хуже, чѣмъ прежде. Все свое время я проводилъ у моего голубого купидона и перезнакомился у него съ массою самыхъ нестрогихъ лицъ женскаго пола, которыхъ въ квартирѣ Постельникова было всегда какъ мошекъ въ погожій вечеръ. Это преимущественно были дамы и дѣвицы не безъ пятенъ и не безъ упрековъ. Постельниковъ былъ женскій любимецъ и, какъ настоящій любимецъ женщины, онъ не привязывался рѣшительно ни къ одной изъ нихъ, и третировалъ ихъ en saпaille, но въ то же время лукаво угождалъ всѣмъ имъ всевозможными мелкими, нѣжными услугами. Онъ и меня втиралъ въ особенное ко многимъ изъ этихъ дамъ расположеніе, отказываться отъ котораго, при тогдашнихъ юныхъ моихъ лѣтахъ, я не всегда былъ въ состояніи. Сближеніе мое съ этою женскою плеядой, которую я едва въ силахъ возобновить въ своей памяти, началось со свадьбы той самой Тани или Лизы, которой я возилъ цѣвты. Она выходила замужъ за какого-то чиновника. Постельниковъ былъ у нея посаженнымъ отцомъ и поднесъ живую розу, на которой были его же живые стихи, которые я до сихъ поръ помню. Тамъ было написано:

Розу розѣ посвящаю,
Розѣ розу я дарю,
Розу розой украшаю,
Чтобы шла такъ къ алтарю.

На этой свадьбѣ, помню, произошелъ небольшой скандальчикъ, довольно страннаго свойства. Постельниковъ и его пріятель, поэтъ Трубицынъ, увезли невѣсту изъ-подъ вѣнца прямо въ Сокольники и возвратили ее ея супругу только на другой день... Жизнь моя вся шла среди подобныхъ исторій, въ которыхъ, впрочемъ, самъ я былъ очень неискусенъ и слылъ «Филимономъ».

Такъ прошелъ цѣлый годъ, въ теченіе котораго я все слылъ «Филимономъ», хотя, по правдѣ вамъ сказать, мнѣ,

какъ бы по какому-то предчувствію, кличка эта жестоко не нравилась, и я употреблялъ всяческія усилія, чтобъ ее съ себя сбросить. Я и пилъ вино, и дѣломъ своимъ не занимался, и въ дѣвичьемъ вертоградѣ ориентировался, а поэтъ Трубицынъ и другіе наши общіе друзья какъ зарядили меня звать «Филимономъ», такъ и зовутъ. Ну, думаю, врагъ васъ поberi; зовите себѣ какъ хотите! Пересталъ объ этомъ думать и даже началъ совершенно равнодушно отзываться на кличку, безправно замѣнившую мое крещеное имя.

Однако, я долженъ вамъ сказать, что совѣсть моя была неспокойна: она возмущалась моимъ образомъ жизни, и я рѣшилъ во чтѣ бы то ни стало выбраться изъ этой компаніи: дѣло стояло только затѣмъ, какъ къ этому приступить? Какъ сказать объ этомъ рѣшеніи голубому купидону и общимъ друзьямъ?... На это у меня не хватало силы и я все откладывалъ свое рѣшеніе день ото дня въ сладостной надеждѣ, что не подвернется ли какой счастливый случай и не выведетъ ли онъ меня отсюда, какъ привелъ?

Избравъ себѣ такой выжидательный способъ дѣйствій, я не ошибся въ моихъ надеждахъ на благодѣтельный случай: онъ не заставилъ себя долго ожидать и явился именно яко тать въ нощи. Этимъ распочинается самая скверная полоса, закончившая собою первую половину моей жизни.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Одинъ разъ, проводивъ отъ всенощной одну изъ своихъ знакомыхъ дамъ, я подъ мелкимъ, частымъ дождемъ возвратился домой и, отворивъ свою дверь, остолбенѣлъ. Въ передней у меня сидѣли рядомъ два здоровенные солдата въ голубыхъ шинеляхъ, а двери моей комнаты были связаны шнуркомъ, на которомъ болталась на бумажкѣ большая красная печать. Меня такъ и откинуло назадъ въ сѣни. Не забудьте, что въ тогдaшнее время увидѣть въ своей комнатѣ голубого солдата было совсѣмъ не то, что теперь, хотя и теперь, конечно, это визитъ не изъ особенно пріятныхъ, но тогда... это спаси Боже чтѣ значило! Мнѣ тотчасъ же представилась тройка, которая помчитъ меня Богъ вѣсть куда, гдѣ я пропаду безъ вѣсти и сгину невѣдомый ни матери, ни роднымъ, ни приснымъ... И вотъ во мнѣ вдругъ пробудилась вообще мало свойственная мнѣ жгучая энергія, твердая и непреклонная рѣшимость спастись: прежде чѣмъ

подстерегавшіе меня алгвазилы могли что-нибудь сообразить, я быстро скатился съ лѣстницы и явился къ Леониду Григорьевичу. Капитанъ Постельниковъ теперь въ моемъ отчаянномъ положеніи былъ единственный человѣкъ, у котораго я могъ просить какого-нибудь разъясненія и какой-нибудь защиты. Но его Климъ отворилъ мнѣ двери и объявилъ, что барина нѣтъ дома и что даже неизвѣстно, когда онъ и возвратится, потому что они, говорить, «порюютъ теперь горячку по службѣ».

— Лантрыганили, говорить, — лантрыганили, а вотъ теперь имъ генераль дають проборку; они и порюютъ горячку и на ночь наврядъ ли вернутся.

Положеніе мое дѣлалось еще безпомощнѣе, и я рѣшился во что бы то ни стало отсюда не выходить. Хотя, конечно, и квартира Леонида Григорьевича была не Богъ знаетъ какое надежное убѣжище, но я предпочиталъ оставаться здѣсь, во-первыхъ, потому, что все-таки рассчитывалъ на большую помощь со стороны Постельникова, а во-вторыхъ, какъ извѣстно, гораздо выгоднѣе держаться подъ самую стѣну, съ которой стрѣляютъ, чѣмъ отбѣгать отъ нея, когда вовсе убѣжать невозможно.

Тутъ, думалъ я, меня, по крайней мѣрѣ, никто не вздумаетъ искать, и выстрѣлы хотя на первое время, вѣроятно, пролетятъ надъ моей головой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Изнывая и томясь въ самыхъ тревожныхъ размышленіяхъ о томъ—откуда и за что рухнула на меня такая напасть, я довольно долго шагаль изъ угла въ уголь по безлюдной квартирѣ Постельникова и вдругъ почувствовалъ неодолимую слабость, прикурнулъ на диванчикѣ и задремалъ. Я спалъ такъ крѣпко, что не слышалъ какъ Постельниковъ возвратился домой и проснулся уже, по обыкновенію, въ восемь часовъ утра. Голубой купидонъ въ это время всталъ и умывался.

Разстроенный и взволнованный, я вбѣжалъ въ его комнату и въ опычахъ объяснилъ ему, какая со мною случилась исторія.

Постельниковъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня долгимъ пристальнымъ взглядомъ, и вдругъ что-то припомнивъ, быстро хватилъ себя по лбу ладонью и воскликнулъ:

— Ахъ, чортъ меня возьми, прости мнѣ, Бога ради, Филимоша, за мою дурацкую разсѣянность. Успокойся, — все это, дружокъ, пустяки!

— Позволь, говорю, — какъ же мнѣ успокоиться, когда меня сейчасъ могутъ сослать, и я даже не знаю за что?

— Пустяки это, Филимоша, все пустяки: арестъ—вздоръ и сослать тебя никуда не сошлютъ, я тебѣ въ томъ порука, что никуда тебя не сошлютъ.

— Такъ ты, говорю, — Расскажи мнѣ, пожалуйста, въ чемъ же меня подозрѣваютъ, въ чемъ моя вина и преступленіе, если ты это знаешь?

— «Если я знаю»? Чудакъ ты, Филимоша! Разумѣется, я знаю; прекрасно, мой другъ, знаю. Это все дѣло изъ пустяковъ: у тебя книжку нашли.

— Какую, какую нашли у меня книжку?

— Рыльева «Думы».

— Ну, такъ что же, говорю, такое? Вѣдь это я у тебя же эту книжку взялъ.

— Ну, разумѣется, говорить, у меня; я этого tête-à-tête съ тобою и не отвергаю...

— Такъ позволь же, пожалуйста, что же это такое?.. Откуда же кто-нибудь могъ узнать, что у меня есть эта книжка?

— А вотъ ты, говорить, не горячись, а сядь, да имѣй терпѣніе выслушать, такъ я тебѣ расскажу.

Зная обильные потоки словотеченія Леонида Постельникова и его неумѣніе ничего рассказывать коротко и просто, я повиновался и, скрѣпя сердце, съль и страдальчески сложилъ на груди руки.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

— Видишь ли, — неспѣшно началъ мой мучитель, основательно усаживаясь у туалета и приступая къ распусканію своихъ папилютокъ: — видишь ли, про это, наконецъ, дознались...

— Да я, говорю, я именно это-то и хочу знать, какимъ образомъ могли дознаться про то, что я всего позавчера съ глаза-на-глазъ взялъ у тебя книжку?

— Душа моя, да зачѣмъ же, говорить, — ты усиливаешься это постичь, когда это все именно такъ и устроено, что ты даже, можетъ-быть, чего-нибудь и самъ не знаешь, а тамъ о тебѣ все это извѣстно! Зачѣмъ же тебѣ въ это проникать?

— Нѣтъ я, говорю,—хочу знать, что же, гдѣ же я, съ кѣмъ я и кто за мною шпионить?

— Ну, вотъ ужъ и «шпионъ»! Какія у васъ, право, глупыя слова всегда наготовѣ... Вотъ отъ этого-то мнѣ и не удивительно, что вы часто за нихъ попадаетесь... языкъ мой—врагъ мой. Что такое «шпионство»? Это обидное слово и ничего болѣе. Шпионъ, соглядатай—это употребляется въ военное время противъ непріятели, а въ мирное время ничего этого нѣтъ.

— Да позволъ же, говорю,—пожалуйста: какъ же стало извѣстно, что у меня есть твоя книга?

— А это другое дѣло; это совсѣмъ другое дѣло: тутъ нѣтъ никакого шпионства, а я, видишь... я тебѣ откровенно признаюсь, я, чертъ меня побери, какъ на себя ни злюсь, но я совсѣмъ неспособенъ къ этой службѣ. Я въ нее и не хотѣлъ,—я хотѣлъ въ уланы, а это все маменька такъ устроила, что... въ этомъ войскѣ, говоритъ, хорошо, и обезпечено, и мундиръ, и шпоры, и это войско на войну не ходитъ,—а между тѣмъ она, моя почтенная матушка-то, того не сообразила, годенъ ли я, способенъ ли я къ этой службѣ. Тутъ, правда, не контузятъ и не ранятъ, а выслужиться можно скорѣй, чѣмъ въ битвахъ, но зато эта служба требуетъ, такъ сказать, высшихъ способностей, тутъ, такъ сказать... къ ученому даже нѣчто примыкаетъ, потому что требуется наблюдательность, а у меня ее никакѣйшей, а у насъ за это не хвалятъ... и основательно дѣлаютъ, что не хвалятъ, потому что у насъ безъ этого нельзя, потому что иначе на что же мы?

Нетерпѣніе беретъ меня страшное!

— Позволъ, говорю,—Христа ради, мнѣ тебя перебить.

— Да, хорошо, отвѣчаетъ,—перебей, братецъ,—перебей, но ты во всякомъ случаѣ долженъ со мной согласиться, что вѣдь мы же должны заботиться о томъ, чтобы мы оказывались на что-нибудь нужными?

— Прекрасно, говорю,—прекрасно, но позволъ...

— Нѣтъ, ты самъ позволъ: мы обязаны это доказать, или нѣтъ: что мы нужны? А почему? Потому, душа моя, что вѣдь мы во что-нибудь странѣ-то обходимся, потому что мы вѣдь рубля два съ полтиною въ годъ государству-то стѣдимъ?

Господи, мнѣ приходилось хотъ плакать.

— Бога ради, говорю, — Леонидъ Григорьевичъ, мнѣ не до разговоровъ; я тебя съ умилениемъ прошу, не носи ты мнѣ, Христа ради, всей этой ахины, а скажи мнѣ, за что меня берутъ?

— Да я къ этому и иду! что же ты самъ меня перебиваешь, а самъ говоришь, что я несу ахиною?

— Ну, ладно, говорю, — я молчу и не перебиваю, но только, ради Бога, скажи скорѣе, въ чемъ же дѣло?

— А въ чемъ, ты думаешь, дѣло? Все дѣло въ томъ, что у насъ до этихъ поръ нѣтъ еще настоящихъ наблюдательныхъ людей. Оттого мы чортъ знаетъ чѣмъ и занимаемся. Ты видалъ у меня нашего офицера Бекасинникова?

— Ну, видалъ, говорю, — видалъ.

— Прекрасный парень, товарищъ и добрейшая душа, — а вѣдь какъ, каналья, одинъ разъ меня срѣзалъ? Тоже вотъ какъ у меня: наблюдательности у него никакѣйшей, и не находчивъ, а вѣдь это въ извиненіе не берется; его и приструнили, и такъ приструнили, что хоть или въ отставку подавай, или переходи въ другую службу, но изъ нашего вѣдомства это уже считается... неловко. Что же ты думаешь онъ, свинья, сдѣлалъ? Встрѣтилъ меня на улицѣ и ну меня обнимать, да потихоньку снялъ у меня съ сабли темлякъ, и положилъ его мнѣ въ карманъ шинели, а самъ сообщилъ, что «Постельниковъ, говоритъ, манкируетъ формой и подаетъ вредный примѣръ другимъ». Меня вдругъ и зовутъ: я ничего не знаю, являюсь какъ былъ — и прямо поѣхалъ за это на гауптвахту. Тамъ и нашелъ я темлякъ въ шинели, да ужъ нечего дѣлать. Но я Бекасинникова въ томъ не виню: что же ты будешь дѣлать? Герои рѣдки, а службой своей долженъ каждый дорожить.

Меня вдругъ осянило.

— Остановись, говорю, — Леонидъ Григорьевичъ: — я боюсь, что я тебя, наконецъ, понимаю?

— Ну да, говоритъ, — Филимоша, да, ты правъ; между четырехъ глазъ я отъ тебя не скрою: это я сообщилъ, что у тебя есть запрещенная книжка. Привошу тебѣ, голубчикъ, въ этомъ пять милліоновъ извиненій, но такъ какъ иначе дѣлать было нечего... Ты, я думаю, вѣдь самъ замѣтилъ, что я послѣдніе дни повѣся носъ ходилъ... Я вѣдь службы могъ лишиться, а вчера мнѣ приходилось хоть вотъ какъ, —

и Постельниковъ выразительно черкнулъ себя рукой по горлу и бросился меня цѣловать.

Повѣрите или нѣтъ, я даже не могъ злиться. Я былъ такъ ошеломленъ откровенностью Постельникова, что не только не обругалъ его, но даже не нашелъ въ отвѣтъ ему ни одного слова! Да, немного времени осталось мнѣ и для разговоровъ, потому что въ то время, какъ я не мѣшалъ Постельникову покрывать поцѣлуями мои щеки, онъ махнулъ у меня за плечами своему денщику, и по этому мановенію въ комнату явились два солдата и отъ него же взяли меня подъ арестъ.

Я просидѣлъ около десяти дней въ какой-то дырѣ, а въ это время вышло распоряженіе исключить меня изъ университета съ тѣмъ, чтобы ни въ какой другой университетъ не принимать; затѣмъ меня посадили на тройку и отвезли на казенный счетъ въ нашъ губернской городъ подъ надзоръ полиціи, причемъ, конечно, утѣшили меня тѣмъ, что, во вниманіе къ молодости моихъ лѣтъ, *дѣло* мое не довели до вѣдома высшей власти. Симъ *родительскимъ* мѣропріятіемъ положенъ былъ предѣлъ учености моей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

У насъ въ деревнѣ уже знали о моемъ несчастіи. Извѣстіе объ этомъ дошло до дядина имѣнія черезъ чиновниковъ, которымъ былъ присланъ секретный наказъ, гдѣ мнѣ позволить жить и какъ наблюдать за мною. Дядя тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, но отъ матушки половину всего скрыли. Дядя возмутился за меня и, Богъ знаетъ сколько лѣтъ не выѣзжая изъ деревни, тронулся самъ въ губернской городъ, чтобы встрѣтить меня тамъ, разузнать все въ подробности и потомъ ѣхать въ Петербургъ и тряхнуть въ мою пользу своими старыми связями.

При первомъ нашемъ свиданіи старикъ былъ со мною, сверхъ ожиданія, тепелъ и нѣженъ; онъ держалъ меня во все время разговора за руку, и когда я окончилъ свой рассказъ, онъ пожалъ плечами и проговорилъ:

— Боже великій, чѣмъ люди занимаются! Ну, однако,—добавилъ онъ:—этого такъ имъ оставить невозможно. Я поѣду просить, чтобы тебѣ дозволили поступить въ другой университетъ, а теперь пока отдохни.

Онъ самъ наблюдалъ, какъ мнѣ сдѣлали ванну, самъ уложилъ меня въ постель, но черезъ два часа самъ сдѣлалъ мнѣ такое горе, нанесъ мнѣ такое несчастіе, передъ которымъ шутка Постельникова была невиннѣйшею идилліей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Я спалъ безмятежно сномъ совершенно мертвымъ, какимъ только можно спать послѣ тысячеверстнаго пути на перекладной телѣгѣ, и вдругъ сквозь этотъ невѣроятный сонъ я услышалъ заупокойное пѣніе «Святый Боже», затѣмъ ужасный, потрясающій крикъ, стонъ, вопль—не знаю какъ вамъ и назвать этотъ ужасный звукъ, отъ котораго еще сейчасъ ноетъ мозгъ костей моихъ... Раздался этотъ крикъ и вдругъ какая-то паника, какой-то смущающій шопотъ, хлопанье дверей и всеобъемлющій ужасъ... Изъ живыхъ людей меня никто не будилъ, но чья-то незримая рука толкнула меня въ ребра и надъ ухомъ прожужжала пчела. Я вскочилъ, выбѣжалъ въ залъ... и увидѣлъ на диванѣ мою мать... мертвою.

Възгнѣ сердце ея не выдержало: она чуяла, что со мной худо, и прилетѣла въ городъ вслѣдъ за дядей; дядѣ вдругъ вздумалось пошутить надъ ея *сентиментальностью*. Увидѣвъ, что матушка вѣхала на дворъ и выходитъ изъ экипажа, онъ заперъ на крючокъ дверь и заплѣлъ «Святый Боже». Онъ ей сплѣлъ эту отходную, и вопль ея, который я слышалъ во снѣ, былъ предсмертный крикъ ея ко мнѣ. Она грохнулась у двери на землю и... умерла отъ разрыва сердца.

Этого ужъ я не могъ вынести и заболѣлъ горячкой, въ которой отъ всѣхъ почитался въ положеніи безнадежномъ, но вдругъ въ двѣнадцатый день опомнился, сталъ быстро поправляться и толстѣть самымъ неопозволительнымъ образомъ.

Дядя избѣгалъ со мною всякихъ свиданій, но какими-то доселѣ мнѣ невѣдомыми путями исходатайствовалъ мнѣ позволеніе жить въ Петербургѣ и оканчивать тамъ свое образованіе.

Я, конечно, не заставилъ себѣ повторять этого разрѣшенія, и немедленно же собрался.

Дядя наблюдалъ за моимъ здоровьемъ, но самъ скры-

вался; онъ показался мнѣ только въ самую минуту моего отъѣзда, но это отнюдь не былъ уже тотъ мой дяди, какого я привыкъ видѣть: это былъ старецъ смиренный, тихій, убитый, въ сермяжномъ подрясникѣ, подпоясанномъ чернымъ ремнемъ, и съ сѣдою щетиной на бородѣ.

Старикъ встрѣтилъ меня въ сѣняхъ, когда я выходилъ, чтобы садиться въ телѣгу, и, упавъ предо мной на колѣна, горько зарыдалъ и прошепталъ:

— Орестъ! прости меня Христа ради.

Я бросился къ нему, поднялъ его, и мы поцѣловались и разстались съ тѣмъ, чтобы уже никогда больше на этомъ свѣтѣ не видаться.

Такимъ образомъ, *шутя* выгнанный изъ Москвы, я пріѣзжалъ въ свой городъ какъ будто только для того, чтобы тамъ быть свидѣтелемъ, какъ *шутя* убили при мнѣ страстно любимую мною мать и, къ стыду моему, растолстѣть отъ горячки и болѣзни.

— Что-то ждетъ меня еще въ Петербургѣ? — задавалъ я себѣ pytanie, и хотя совсѣмъ разучился вѣрить во что-нибудь хорошее, но съ озлобленіемъ не боялся ничего и худого.

— На же тебѣ меня, на! — говорилъ я мысленно своей судьбѣ. — На тебѣ меня, и подѣлай-ка со мной что-нибудь чуднѣе того, что ты дѣлала. Нѣтъ, молъ, голубка, ты меня ужъ ничѣмъ не удивинишь!

Но я въ этомъ наижесточайше ошибся: то, что судьба готовила мнѣ здѣсь, превзошло всякія неожиданности.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Я вамъ говорилъ, что въ моей рукѣ не только былъ перочинный ножъ, которымъ я ранилъ въ гимназіи великаго Калатузова, но я держалъ въ моихъ рукахъ и мечъ. Вотъ какъ это случилось.

Живу я въ Петербургѣ тихо и смиренно, и учусь. Новой бѣды надъ собой, разумѣется, ни откуда не жду, да и думаю, что и взяться ей не откуда. Вѣрно, думаю, злая судьба моя ужъ удовлетворилась.

Успокоивая себя такимъ образомъ, я самъ сталъ терять мое озлобленіе и началъ разсуждать обо всемъ въ духѣ сладчайшаго всепрощенія. Я даже нашелъ средство примириться съ поступкомъ дяди, стоившимъ жизни моей матери.

«Что же, — думаю я, — матушка умерла праведницей, а кончина ея обратила безпокойнаго и строитиваго дядю моего къ христіанскому смиренію. Благому духу моей матери это сладчайшая награда, и не обязанъ ли я смотрѣть на все совершившееся какъ на исполненіе предначертаній Промысла, ищущаго каждой заблудшей овцы?»

Я рѣшилъ себѣ, что это именно такъ, и написалъ объ этомъ моему дядѣ, отъ котораго чрезъ мѣсяць получаю большой пакетъ съ дарственной записью на всѣ его имѣнія и съ письмомъ, въ которомъ онъ кратко извѣщалъ меня, что онъ оставилъ домъ, живетъ въ кельѣ въ одной пустыни и постригся въ монахи, а потому, — добавляетъ, — «не только сіятельствомъ, но даже и благородіемъ меня впредь не титулуй, ибо монахъ благороднымъ быть не можетъ!» Эта двусмысленная, шутливая приниска мнѣ немножко не понравилась: и этого онъ не сумѣлъ сдѣлать серьезно!.. Но что его осуждать?.. Это кувшинъ, который уже сломилъ себѣ голову.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Стояло великопостное время; я былъ тогда, какъ говорю вамъ, юноша теплый и умиленный, а притомъ же потеря матушки была на-свѣжѣ, и я очень часто ходилъ въ одну домовую церковь и молился тамъ и пресладко, и прискренно. Начинаю говѣть и ужъ отгавливаюсь — совѣмъ собираюсь подходить къ исповѣди, какъ вдругъ, словно изъ театральнаго люка, вырастаетъ предо мною въ темномъ углѣ церкви господинъ Постельниковъ и просить у меня христіанскаго прощенія, если онъ чѣмъ-нибудь меня обидѣлъ.

«Ахъ, ты, ракаля этакая! — подумалъ я, — еще онъ сомнѣвается... «если онъ чѣмъ-нибудь меня обидѣлъ!» Да и зачѣмъ онъ очутился здѣсь, и говѣть какъ разъ въ той же церкви, гдѣ и я?.. А впрочемъ, думаю: по-христіански я его простилъ и довольно; больше ничего не хочу про него ни знать, ни вѣдать.» Но вотъ-съ причастился я, а Постельниковъ опять предо мною въ новомъ мундирѣ, съ жирными эпогетами и поздравляетъ меня съ принятіемъ Святыхъ Таинъ.

«Ну да ладно, думаю, ладно, и отъ меня прошу принять такое же поздравленіе.»

Вышли мы изъ церкви: онъ меня, гляжу, догоняетъ по дорогѣ и говоритъ:

— Ты вѣдь меня, Филимона, простить, и больше не сердись?

Я даже и слова не нашель, что отвѣтить ему на такой фамильярный приступъ.

— Не сердись, говоритъ, — пожалуйте, Филимона; я, ей-Богу, всегда тебя любилъ; но я совсѣмъ неспособенъ къ этой службѣ и оттого, чортъ меня знаетъ, какъ медленно и подвигаюсь.

— Однако, говорю, — чѣмъ же медленно? У васъ уже жирные эполеты. — А самъ, знаете, все поровлю отъ него въ сторону.

А онъ не отстаетъ и продолжаетъ:

— Ахъ, что, говоритъ, — въ этомъ, Филимона, что жирные эполеты? Развѣ другіе-то это одно до сихъ поръ имѣють? Нѣтъ, да я, впрочемъ, на начальство и не рошщу: я самъ знаю, что я къ этой службѣ неспособенъ. Стараюсь, да неспособенъ, и вотъ это меня сокрушаетъ. Я переведенъ сюда для пользы службы, а службѣ отъ меня никакой пользы нѣтъ, да и впередъ не будетъ, и я это чувствую и скорблю... Мнѣ худо потому, что я человѣкъ товарищественный. Вы вѣдь, я думаю, это помните?

— Какъ же, помню, — молъ, даже непремѣнно очень помню.

— Да вотъ, у меня здѣсь теперь есть новый пріятель, Станиславъ Пржикрживицкій, по-просту — Стаська... Представьте, какой только возможно, — чудеснѣйшій малый: товарищъ, весельчакъ и покутить не прочь, и въ картишки, со всѣми литературами знакомъ, и самъ веселые стихи на все сочиняетъ; но тоже совершенно, какъ у меня, нѣтъ никакой наблюдательности. Представьте себѣ, комизма много, а наблюдательности нѣтъ; вѣдь это даже удивительно! Генерала нашего представляетъ какъ нельзя лучше, да и вообще всѣхъ насъ пересмѣшитъ въ манежѣ. Придетъ и кричить: «Вовжонг, мой взводъ!» Тѣ орутъ: «Здравія желаемъ, ваше благородіе!» — «Какое, говоритъ, у насъ нынче мѣчу?» — «Шны, ваше благородіе». — «Вахмистръ, говоритъ, покажи мнѣ мое мѣсто!»... Однимъ словомъ, пересмѣшитъ до упаду, а служебной наблюдательности все-таки нѣтъ. Онъ мнѣ разъ и говоритъ: «Душка, Постельниковъ, ты онытнѣе, пособи мнѣ обратить на себя вниманіе. Иначе,

говорить, я васъ больше и тѣшить не хочу, потому что на меня начинаютъ находить прегорькія минуты». — «Да, другъ ты мой, отвѣчаю я ему, да мнѣ самому не легче тебя». — И я это не лгу. Вы не повѣрите, что я Богъ знаетъ какъ обрадовался, узнавъ, что вы въ Петербургѣ.

— А вы почему, говорю, — это узнали?

— Да какъ же, говорить, — не узнать? Вѣдь у насъ это по реестрамъ видно.

— Гмъ, да, молъ, вотъ что... по реестрамъ у васъ видно.

А онъ продолжаетъ, что хотѣлъ-было даже ко мнѣ поѣхать, «чтобы душу отвести», да все, говорить, ждалъ случая.

Ухъ, батюшки, такъ меня и кольнуло!

— Какъ, какого, говорю, — вы ждали случая?

— А какого-нибудь, отвѣчаетъ, — чтобы въ именины или въ рожденье... нагрнуть къ вамъ съ хлѣбомъ и солью... А кстати, вы когда именинникъ? — И тотчасъ же самъ и отгадываетъ. — Чего же, говорить, я, дуракъ, спрашиваю, будто я не знаю, что 14-го декабря?

Это вовсе неправда, но мнѣ, разумѣется, слѣдовало бы такъ и оставить его на этотъ счетъ въ заблужденіи; но я это не сообразилъ, и со страха, чтобы онъ на меня не нагрнулъ, говорю: я вовсе и не именинникъ 14-го декабря.

— Какъ, говорить, — не именинникъ? Развѣ святого Филимона не 14-го декабря?

— Я, отвѣчаю, — этого не знаю, когда святого Филимона, да и мнѣ можно это и не знать, потому что я вовсе не Филимонъ, а Орестъ.

— Ахъ, и вправду! — воскликнулъ Постельниковъ. — Представьте: сила привычки! Я даже и позабылъ: вѣдь это Трубицынъ поэтъ васъ Филимономъ прозвалъ... Правда, правда, это онъ прозвалъ... а у меня есть одинъ знакомый, онъ, дѣйствительно, именинникъ 14-го декабря, такъ онъ даже просилъ консисторію переименовать ему имя, потому... потому... что... четырнадцатаго декабря... Да!.. четырнадцатаго...

И вдругъ Постельниковъ воззрился на меня острымъ, пристальнымъ взглядомъ, еще разъ повторилъ слово «четырнадцатаго декабря», и съ этимъ тихо, въ разсѣянности, пожалъ мнѣ руку и медленно ушелъ отъ меня въ сторону.

Я былъ очень радъ, что отъ него освободился, пришелъ домой, пообѣдалъ и пресладостно уснулъ, но вдругъ увидѣлъ

во снѣ, что Постельниковъ подаль меня на блюдѣ въ видѣ поросенка подѣ хрѣномъ какому-то веселому господину, котораго назвалъ при этомъ Стаськой Пржикрживницкимъ.

— На, говорить, — Стася, кушай; совсѣмъ готовый: и онпарешъ, и сварешъ.

Дѣло пустое сонъ, но такъ какъ я ужасный сповидецъ, то это меня смутило. Впрочемъ, авось, думаю, пронесетъ Богъ этотъ сонъ мимо. Ахъ! не тутъ-то было; сонъ палъ въ руку.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Приходитъ день къ вечеру; «почною темнотою мрачатся небеса и люди для покоя смыкають ужъ глаза», — а ко мнѣ въ двери кто-то динь-динь-динь, а вслѣдъ затѣмъ сбруею брясь-дрясь-жись! «Здѣсь, говорить, — такой-то Ватажковъ?»

Ну, конечно, отвѣчаютъ, что здѣсь.

Вошли милые люди и вѣжливо попросили меня собраться и ѣхать.

Одѣлся я бѣдный и ѣду.

Бдемъ долго ли, коротко ли, прѣзжаемъ куда-то и идемъ по коридорамъ и переходамъ. Вотъ и комната большая, не то казенная, не то общежитейская... На окнахъ тяжелыя занавѣски, посерединѣ круглый столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, на столѣ лампа съ рѣзнымъ матовымъ шаромъ и нѣсколько кипсековъ; этажерка съ книгами законовъ, а въ глубинѣ диванъ.

— Дождитесь здѣсь, — велѣлъ мнѣ мой провожатый и скрылся за слѣдующею дверью.

Жду я часъ, жду два: ни звука ни откуда нѣтъ. Скука беретъ ужасная, скука, одолеваящая даже волненіе и тревогу. Вздумалъ-было хоть законъ какой-нибудь почитать, или посмотреть въ окно, чтобъ уяснить себѣ мало-мальски: гдѣ я и въ какихъ нахожусь палестинахъ, но боюсь! Просто тронуться боюсь, одну ногу поднимаю, а другая такъ мнѣ и кажется, что подѣ полъ уходитъ... Терпѣнья нѣтъ, какъ странно!

«Вотъ что, думаю себѣ, — проползу-ка я остороженько къ окну на четверенькахъ — это совсѣмъ не такъ рискованно: руки осунутся, я сейчасъ всѣмъ тѣломъ назадъ и не провалюсь».

Думалъ-думалъ, да вдругъ насмѣлился, какъ вдругъ въ то самое время, когда я пробирался медвѣдемъ, двери въ комнату растворились и на порогѣ показался лакей съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ стоялъ стаканъ чаю.

Появленіе этого свидѣтеля моего комическаго ползанія на четверенькахъ меня чрезвычайно сконфузило... Лакейка-каналья держался дипломатическимъ совѣтникомъ, а самъ едва не хохоталъ, подавая чай, но мнѣ было не до его сатирическихъ ко мнѣ отношеній. Я взялъ чашку и только внимательно смотрѣлъ на всѣ половицы, по которымъ пройдетъ лакей. Ясно, что это были половицы благонадежныя и что по нимъ ходить было безопасно.

«Да и Боже мой, сообразилъ я вдругъ, — что же я дуракъ такой, что я боюсь той или другой половицы? Вѣдь если мнѣ ужъ опредѣлено здѣсь провалиться, такъ все равно;—и весь диванъ, конечно, можетъ провалиться!»

Это меня чрезвычайно успокоило и осмѣлило, и я, послѣ долгаго сидѣнія, вдругъ вскочилъ и заходилъ черезъ всю комнату съ ярымъ азартомъ. Нестерпимѣйшая досада, негодованіе и гнѣвъ, — гнѣвъ дунацій, но безсильный, все это погояло и шпорило, и я шагалъ и шагалъ, и... вдругъ, милостивые мои государи, столкнулся лицомъ къ лицу съ сѣдымъ человѣкомъ, очень небольшого роста, съ огромными усами и въ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы. За его плечомъ стоялъ другой человѣкъ, ростомъ повыше и въ такомъ же точно мундирѣ, только съ оберъ-офицерскими эполетами.

Оба незнакомца, повидимому, вошли сюда уже нѣсколько минутъ и стояли, глядя на меня съ усиленнымъ вниманіемъ.

Я сконфузился и остановился.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Маленькій генералъ понялъ мое замѣшательство, улыбнулся и сказалъ:

— Ничего-съ.

Я поклонился. Генералъ мнѣ показался человѣкомъ очень добрымъ и мягкимъ.

— Васъ зовутъ *Филимонъ*? — спросилъ онъ меня тихо и безстрастно, но глубоко таинственно.

— Нѣтъ-съ, — отвѣчалъ я ему смѣло: — меня зовутъ не Филимонъ, а Орестъ

— Знаю-сь и не о томъ васъ спрашиваю.

— Я, говорю, — я отвѣчаю вашему превосходительству какъ разъ на вашъ вопросъ.

— Не правда-сь, — воскликнулъ, возвышая голосъ, генераль, причемъ добрые голубые глаза его хотѣли сдѣлаться злыми, но вышли только круглыми. — Не правда-сь: вы очень хорошо знаете, о чемъ я васъ спрашиваю, и отвѣчаете мнѣ вздоръ!

Теперь я, дѣйствительно, ужъ только и могъ отвѣчать одинъ вздоръ, потому что я ровно ничего не понималъ, чего отъ меня требуютъ.

— Васъ зовутъ *Филимонъ!* — воскликнулъ генераль, сдѣлавъ еще болѣе круглые глаза и упирая мнѣ въ грудь своимъ указательнымъ пальцемъ. — Ага! что-сь, — продолжалъ онъ, изловивъ меня за пуговицу, — что? Вы думаете, что намъ что-нибудь неизвѣстно? Намъ все извѣстно: прошу не запирайтесь, а то будетъ хуже! Васъ въ вашемъ кружкѣ зовутъ Филимономъ! Слышите: не запирайтесь, хуже будетъ!

Я спокойно отвѣчалъ, что не вижу вовсе и никакой нужды быть въ этомъ случаѣ не искреннимъ предъ его превосходительствомъ; дѣйствительно, говорю, пришла когда-то давно одному моему знакомому блажь назвать меня *Филимономъ*, а другіе это подхватили, находя, будто ими *Филимонъ* мнѣ почему-то идетъ.

— А вотъ въ томъ-то и дѣло, что это вамъ идетъ; вы, наконецъ, въ этомъ сознались, и я васъ очень благодарю.

Генераль пожалъ мнѣ съ признательностью руку и добавилъ:

— Я очень радъ, что послѣ вашего раскаянія могу все это представить въ самомъ мягкомъ свѣтѣ и, Богъ дастъ, не доушу до дурной развизки. Извольте за это сами выбирать себѣ полкъ; вы гдѣ хотите служить: въ пѣхотѣ или въ кавалеріи?

— Ваше превосходительство, говорю, — позвольте... я нигдѣ не хочу служить, ни въ пѣхотѣ, ни въ кавалеріи...

— Тсъ! молчать! молчать! тсъ! — закричалъ генераль. — Намъ все извѣстно! Вы человѣкъ съ состояніемъ, вы должны идти въ кавалерію.

— Но, ваше превосходительство, я никуда не хочу идти.

— Молчать! тсъ! не смѣть!.. молчать! Отправляйтесь сейчасъ съ моимъ адъютантомъ въ канцеларію. Вамъ тамъ

приготовить просьбу и завтра вы будете записаны юнкеромъ,—понимаете? юнкеромъ въ уланы, или въ гусары; я предоставляю это на вашъ выборъ, я не стѣсняю васъ: куда вы хотите?

— Да, ваше превосходительство, я—говорю—никуда не хочу.

Генераль опять затопталъ, закричалъ и кричалъ долго что-то такое, въ чемъ было не мало добрыхъ и жалкихъ словъ насчетъ спокойствія моихъ родителей и моего собственнаго будущаго, и затѣмъ вдругъ,—представьте вы себѣ мое вящее удивленіе,—вслѣдъ за сими словами непостижимый генераль вдругъ перекрестилъ меня крестомъ со лба на грудь, быстро повернулся на каблукахъ и направился къ двери.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Отчаяніе придало мнѣ неожиданную смѣлость: я бросился вслѣдъ за генераломъ, схватилъ его рѣшительно за руку и зычно воскликнулъ:

— Ваше превосходительство! воля ваша, а я не могу... Извольте же мнѣ, по крайней мѣрѣ, сказать, что же я такое сдѣлалъ? За что же я долженъ идти въ военную службу?

— Вы ничего не сдѣлали,—тихо и безгнѣвно отвѣчалъ мнѣ генераль. — Не думайте, что намъ что-нибудь неизвѣстно: намъ все извѣстно, мы на то поставлены, и мы знаемъ, что вы ничего не сдѣлали.

— Такъ за что же-съ, за что, говорю, — меня въ военную службу?

— А развѣ военная служба — это наказаніе? Военная служба это презервативъ.

— Но помилуйте, говорю,—ваше превосходительство; вы только извольте на меня взглянуть: вѣдь я совсѣмъ къ военной службѣ неспособенъ и я себя къ ней никогда не предназначалъ, притомъ же... я дворянинъ, и по волежности дворянства, дарованной Петромъ III и подтвержденной Великою Екатериной...

— Тсъ! тсъ! не смѣть! молчать! тсъ! ни слова больше! — замахалъ на меня обѣими руками генераль, какъ бы стараясь вогнать въ меня назадъ вылетѣвшія изъ моихъ устъ слова. — Я вамъ дамъ здѣсь разсуждать о вашей Великой

Екатеринѣ! Тсссъ! Чтò такая ваша Великая Екатерина? Мы лучше васъ знаемъ, чтò такое Великая Екатерина!.. черная женщина!.. не смѣть, не смѣть про нее говорить!..

И генераль снова повернулъ къ двери.

Отчаяніе мною овладѣло страшное.

— Но, Бога ради!—закричалъ я, снова догнавъ и схвативъ генерала дерзостно за руку.—Я вамъ повинуюсь, повинуюсь, потому что не могу не повиноваться!..

— Не можете, да, не можете и не должны!—проговорилъ мягче прежняго генераль.

По тону его голоса и по его глазамъ мнѣ показалось, что онъ не безучастливъ къ моему положенію.

Я этимъ воспользовался.

— Умоляю же, говорю,—ваше превосходительство, только объ одномъ: не оставьте для меня вѣчною тайной, въ чемъ моя вина, за которую я иду въ военную службу?

Генераль, не сердясь, сложилъ наполеоновски свои руки на груди и, отступивъ отъ меня шагъ назадъ, проговорилъ:

— Васъ прозвали *Филимонъ!*

— Знаю, говорю,—это несчастье;—это Трубицынъ.

— *Филимонъ!*—повторилъ, растягивая, генераль.—И какъ вы сами мнѣ здѣсь благородно сознались, это больше или меньше соотвѣтствуетъ вашимъ свойствамъ?

— Вѣѣшнимъ, ваше превосходительство, вѣѣшнимъ, наружнымъ,—торопливо лепеталъ я, чувствуя, что какъ будто въ имени «Филимонъ», дѣйствительно, есть что-то преступное.

— Прекрасно-съ!—и съ этимъ генераль неожиданно прискакнулъ ко мнѣ пѣтушкомъ, взялъ меня руками за плечи, подвинулъ свое лицо къ моему лицу, носъ къ носу и, глядя мнѣ инквизиторски въ глаза, заговорилъ:—А позвольте спросить васъ, когда празднуется день святого Филимона?

Я вспомнилъ свой утренній разговоръ съ Постельниковымъ о моемъ тезоименитствѣ и отвѣчалъ:

— Я сегодня случайно узналъ, что этотъ день празднуется четырнадцатаго декабря.

— *Четырнадцатаго декабря!*—произнесъ велѣдъ за мною въ нѣкоемъ ужасѣ генераль и, быстро отхвативъ съ моихъ плечъ свои руки, поднялъ ихъ съ трепетомъ вверхъ надъ своею головою и, возведя глаза къ небу, еще разъ прошепталъ придыханіемъ «*четырнадцатаго декабря!*» и, ка-

чал въ ужасѣ головою, исчезъ за дверью, оставивъ меня вдвоемъ съ его адъютантомъ.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

— Вы ничего этого не бойтесь, — весело заговорилъ со мною адъютантъ, чуть только дверь за генераломъ затворилась.—Повѣрьте, это все гораздо страшнѣе въ разказахъ. Онъ вѣдь только егозить и пѣтушится, а на дѣлѣ онъ Божья коровка и къ этой службѣ совершенно неспособенъ.

— Но, однако, говорю, — мнѣ, по его приказанію, все-таки надо идти въ полкъ.

— Да полноте, говорить, — я даже не понимаю, за что вы его такъ сильно раздражили? Не все ли вамъ равно, гдѣ ни служить?

— Да, такъ-съ; но я совершенно неспособенъ къ военной службѣ.

— Ахъ, полноте вы, Бога ради, толковать о способностяхъ! Развѣ у насъ это все по способностямъ расчисляютъ? Я и самъ къ моей службѣ не чувствую никакого призванія, и онъ (адъютантъ кивнулъ на дверь, за которую скрылся генералъ), и онъ самъ сознается, что онъ даже въ кормилицы больше годится, чѣмъ въ нашей службѣ, а всѣ мы между тѣмъ служимъ. Я вамъ посоветую: идите вы въ гусары; вы,—извините меня,—вы этакій кубастенькій бочечекъ, прикоренастый; вамъ лучше въ гусары, да тамъ и общество дружное и залихватское... Вы нѣдете?.. Нѣтъ!.. Ну, да все равно. А острить можете?

— Нѣтъ, отвѣчаю,—я и острить не могу.

— Ну, какъ-нибудь, изъ Грибоѣдова, что ли: «Ахъ, Боже мой, что станеть говорить княгиня Марья Алексѣвна», или что-нибудь другое, — вѣдь это не трудно... Неужто и этого не можете?

— Да, это, можетъ-быть, и могу,—отвѣчаю я:—да зачѣмъ же это?

— Ну, вотъ и довольно, что можете, а зачѣмъ — это послѣ сами поймете; а что это не трудно, такъ я вамъ за то головой отвѣчаю: у насъ одинъ гусаръ чортъ знаетъ какимъ острякомъ слыль оттого только, что за каждымъ словомъ прибавляль: «Ахъ, ексюзее, ма фамъ»; но все это пока въ сторону, а теперь къ дѣлу: бумага у меня для васъ уже заготовлена; что вамъ тамъ таскаться въ канце-

лирію? только выставить полкъ, въ какой бы хотите, — за-ключилъ онъ, вытаскивая изъ-за лацкана сложенный листъ бумаги, и тотчасъ же вписалъ тамъ въ пробѣлѣ имя ка-кого-то гусарскаго полка, далъ мнѣ подписать и, взявъ ее обратно, сказалъ мнѣ, что я совершенно свободенъ и дол-женъ только завтра же обратиться къ такому-то портному, соорудить себѣ юнкерскую форму, а послѣзавтра опять явиться сюда къ генералу, который самъ отвезетъ меня и отрекомендуетъ моему полковому командиру.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

Такъ все это и сдѣлалось. Портной одѣлъ меня, писари записали, а генераль осмотрѣлъ, ввелъ къ себѣ въ каби-нетъ, благословилъ маленькимъ образцомъ въ ризѣ, ска-залъ, что «все это вздоръ», и отвезъ меня въ каретѣ къ другому генералу, моему полковому командиру. Я сдѣлался гусаромъ недуманно-негаданно, противъ всякаго моего же-ланія и противъ всѣхъ моихъ дворянскихъ вольностей и природныхъ моихъ способностей. Жизнь моя казалась мнѣ погибшею, и я самовольно представлялъ себя себѣ самому не иначе какъ волчкомъ, который посукнула рука какого-то злого чародѣя, — и вотъ я кручусь и верчусь по его ка-призу: ѣзжу верхомъ въ манежѣ и слушаю Грибоѣдовскія остроты и, какъ Гамлетъ, сношу удары оскорбляющей судьбы кучно до сожалѣній Трубицына и извиненій Постель-никова, а все-таки не могу вооружиться противъ моря бѣдъ и покончить съ ними разомъ: съ мосту да въ воду... Что вы на меня такъ удивленно смотрите? Ей-Богу, я въ пору моей воинской дѣятельности часто и много помышлялъ о самоубійствѣ, да только все помышлялъ, но, по слабости воли, не рѣшался съ собою покончить. А въ это время меня произвели въ корнеты и вдругъ... въ одинъ прекрас-ный день, предъ весною тысяча восемьсотъ пятьдесятъ пя-таго года, въ скромномъ жилищѣ моемъ раздается бѣшеный звонокъ, затѣмъ шумъ въ передней, брицанье сабли, восклицанія безумной радости и въ комнату ко мнѣ влетаетъ весь сіяющій Постельниковъ...

ГЛАВА СОРОКЪ ВТОРАЯ.

Увидавъ Постельникова, да еще въ такіе мудреные дни, я даже обомлѣлъ, а онъ ну меня цѣловать, ну меня вер-тѣть и поздравлять.

«Что такое?» думаю себѣ,—и какъ я ни золь быть на Постельникова, а спрашиваю его, съ чѣмъ онъ меня поздравляетъ?

— Дружище мой, Филимона, говоритъ,—ты свободенъ!

— Что? что, говорю,—такое?

— Мы свободны!

«Э, думаю,—нѣтъ, братъ, не надуешь!»

— Да радуйся же! говоритъ,—скотъ ты этакій: радуйся и поздравляй ее!

— Кого-о?—пытаю съ удивленіемъ.

— Да ее, ее, нашу толстомясую мать Ѳедору Ивановну! Ну, Россію, что ли, Россію! будто ты не понимаешь: она свободна и всѣ должны радоваться.

— Нѣтъ, молъ,—не надуешь, не хочу радоваться.

— Да пойми же, пентюхъ, пойми, — с-в-о-б-о-д-с-н-ъ... Слово-то ты это одно пойми!

— И понимать, говорю,—ничего не хочу.

— Ну, такъ ты, говоритъ,—послѣ этого даже не скотъ, а рабъ... понимаешь ли ты, рабъ въ своей душѣ!

«Ладно, думаю,—отваливай, дружокъ, отваливай».

— Да ты, шутъ этакій,—пристаесть,—пойми только, куда мы теперь пойдемъ, какія мы антраша теперь станемъ выкидывать!

— Ничего, отвѣчаю,—и понимать не хочу.

— Такъ вотъ же тебѣ за то, и будутъ на твою долю одно: «яро съ гремушкою да бичъ».

— И чудесно, только оставьте меня въ покоѣ.

Такъ я и сбылъ его съ рукъ; но черезъ мѣсяць онъ вдругъ снова предсталъ моему изумленному взору и уже не съ веселою улыбкою, а въ самомъ строгомъ чинѣ и началъ на *вы*.

— Вы, говоритъ,—на меня когда-то роптали и сердились.

— Никогда, отвѣчаю,—я на васъ не ропталъ.

Думаю, чортъ съ тобой совсѣмъ: еще и за это достанется.

— Нѣтъ, ужъ это, говоритъ,—мнѣ обстоятельно извѣстно; вы даже обо мнѣ никогда ничего не говорите и тогда, когда я къ вамъ, какъ къ товарищу, съ общею радостною вѣстью пріѣхалъ, вы и тутъ меня приняли съ недовѣріемъ; но Богъ съ вами, я вамъ все это прощаю. Мы давно знакомы, но вы, вѣроятно, не знаете моихъ правилъ: мои правила таковы чтобы за всякое зло платить добромъ.

«Да, думаю себѣ,—знаю я: ты до дна маслигъ, только тобой подавишься», и говорю:—Вы очень добры.

— Совсѣмъ нѣтъ; по это, извините меня, самое злое и самое тонкое мнѣніе—платить добромъ за оскорбленія. Вотъ въ чемъ вопросъ: хотите ли вы ѣхать за границу?

Я даже привскочилъ.

— Какъ, говорю,—за какую за границу?

— За какую! Ужъ, конечно, за Западную: въ Парижъ, въ Лондонъ,—въ Лондонѣ теперь чудныя дѣла дѣлаются... Чтò тамъ только печатается!.. Тамъ восходитъ наша звѣзда, хотите почитать?

— Нѣтъ, говорю,—не хочу.

— Но отчего же?

— Да такъ, не хочу, да и только...

— И ѣхать не хотите?

— Нѣтъ, ѣхать хочу, но...

— Что за но...

— Но меня, говорю,—не пустять за границу.

— Отчего это не пустять? — и Постельниковъ захохоталъ.— Не оттого ли, что ты именинникъ-то четырнадцатаго декабря?.. Э, братъ, это уже все назади осталось; теперь на политику иной взглядъ, и нынче даже не такія вещи ничего не значать. Я, я,—понимаешь,—я тебѣ отвѣчаю, что тебя пустять. Ты въ отпускъ хочешь или въ отставку?

— Ахъ, зачѣмъ же, отвѣчаю,—въ отпускъ! Нѣтъ, ужъ и если только можно, въ чистую отставку хочу.

— Ступай, и въ отставку подавай по болѣзни рапортъ, и катай за границу.

— Да мнѣ никто и свидѣтельства, говорю,—не дастъ, что я боленъ.

Постельниковъ меня за это даже обругалъ.

— Дуракъ!—говоритъ,—ты извини меня: просто дуракъ! Да ты не хочешь ли, я тебѣ достану свидѣтельство, что ты во второй половинѣ беременности?

— Ну, ужъ это, говорю,—ты вздоръ несешь!

— Держишь пари?

— И пари не хочу.

— Нѣтъ, пари! держи пари.

И самъ руку протягиваетъ.

— Нечего, говорю,—и пари держать, потому что все это вздоръ

— Нѣтъ, ты держи со мною пари.

— Сдѣлай милость, говорю,—отстань, мнѣ это неприятно.

— Такъ что жъ ты споришь? Я ужъ знаю, что говорю. Съ моего брата на перевязочномъ пунктѣ въ Крыму сорокъ рублей взяли, чтобы контузію ему на полную пенсію приписать, когда его и комаръ не кусалъ; но мой братъ дуракъ: ему правую руку отѣтили, а онъ лѣвую подвязалъ, потомъ и вышелъ изъ этого только одинъ скандалъ, насилу-насилу кое-какъ поправили. А для умнаго человѣка ничего не побоятся сдѣлать. Возьмись за самое легкое, за такъ-называемое «казначейское средство»: притворись сумасшедшимъ, напусти на себя маленькую меланхолію, говори вздоръ: «я, молъ, дитя кормлю; жду писемъ изъ розоваго замка» и тому подобное... Согласенъ?

— Хорошо, отвѣчаю,—согласенъ.

— Ну, вотъ только всего и надо. И сто рублей дать тоже согласенъ?

— Я треста дамъ.

— На что же треста? Ты, милый другъ, этакъ Петербургу цѣны портишь,—за треста тебя здѣсь теперь вѣдь на родной матери перевѣнчаютъ и въ томъ тебѣ документъ дадутъ.

— Да мнѣ ужъ, говорю,—не до расчетовъ: лишь бы вырваться, не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми...

Постельниковъ вдругъ порскнулъ и потомъ такъ и покатился со смѣху.

— Прекрасно, говорить,—вотъ и это прекрасно! Извини меня, что я смѣюсь, но это для начала очень хорошо: «не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми»!.. Это чортъ знаетъ какъ хорошо, ты такъ и комиссія... какъ они къ тебѣ прїѣдутъ свидѣтельствовать... Это скоро сдѣлается. Я извѣщу, что ты не того...

Постельниковъ помоталъ пальцемъ у своего лба и добавилъ:

— Извѣщу, что у тебя меланхолія и что ты съ оружіемъ въ рукахъ небезопасенъ, а ты: «не съ деньгами, молъ, жить, а съ добрыми людьми», и вообще чѣмъ будешь глубше, тѣмъ лучше.

И съ этимъ Постельниковъ, сказавъ мою руку, исчезъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ТРЕТЬЯ.

Два-три дня я прожилъ такъ, на власть Божію, но въ большемъ разстройствѣ, и многимъ, кто видѣлъ меня въ

эти дни, казался чрезвычайно страннымъ. Совершенно не притворяется меланхоликомъ, какъ выходило у меня безъ всякаго притворства, было невозможно. На третій день ко мнѣ нагрянула комиссія, съ которой я, въ крайнемъ моемъ замышлительствѣ, рѣшительно не зналъ что говорить.

Разсказывалъ имъ за меня все Постельниковъ, до упада смѣявшійся надъ тѣмъ, какъ онъ будто бы на сихъ дняхъ приходитъ ко мнѣ, а я будто сижу на кровати и говорю, что «я дитя кормлю»; а черезъ недѣлю онъ привезъ мнѣ чистый отпускъ за границу, съ единственнымъ условіемъ взять отъ него какія-то бумаги и доставить ихъ въ Лондонъ для напечатанія въ «Колоколѣ».

— Конечно,—убѣждалъ меня Постельниковъ:—ты не подумай, Филимоша, что я съ тѣмъ только о тебѣ и хлопоталъ, чтобы ты эти бумажонки отвезъ; нѣтъ, на это у насъ теперь сколько угодно есть охотниковъ, но ты знаешь мои правила: я далъ тѣмъ нашимъ, лондонцамъ-то, слово съ каждымъ знакомымъ, кто ѣдетъ за границу, что-нибудь туда посылать, и потому не нарушаю этого порядка и съ тобой; свези и ты имъ кой-что. Да здѣсь, впрочемъ, все и довольно невинное: насчетъ нашего генерала и насчетъ двора. Въ Берлинѣ ты все это можешь даже смѣло въ почтовый ящикъ бросить,—оттуда ужъ оно дойдетъ.

Признаюсь вамъ, принимая вручасмый мнѣ Постельниковымъ конвертъ, я былъ твердо увѣренъ, что онъ, по своей «неспособности къ своей службѣ», непременно опять хочетъ сыграть на меня. Ошибался я или нѣтъ, но планъ его мнѣ казался ясенъ: только-что я выйду, меня царь-царапъ и схватятъ съ поличнымъ—съ бумагами про какую-то дворню и про генерала.

«Нѣтъ, чортъ возьми, думаю,—довольно: болѣе не поддамся», и сунулъ съ его письмомъ такую же штуку, какую онъ разсказывалъ про темлякъ, то-есть «хорошо, говорю,—мой другъ; благодарю тебя за довѣріе... Какъ же, отвезу, непременно отвезу и лично Герцену въ руки отдамъ»,—а самъ началъ его на прощанье обнимать и цѣловать ласковыми лобзаніями, да и сунулъ его конвертъ ему же самому въ задній карманъ. Что вы всѣ, господа, опять смотрите на меня такими удивленными глазами? Не кажется ли вамъ, что я неблагодарно поступилъ по отношенію къ господину Постельникову? Можетъ-быть и такъ, можетъ-

быть даже, что онъ отнюдь и не имѣлъ никакого намѣренія устраивать мнѣ на этихъ бумажонкахъ ловушку, но обожгшіеся на молокъ, дуютъ и на воду; въ этомъ самая дурная сторона предательства: оно рождаетъ подозрительность въ душахъ самыхъ довѣрчивыхъ.

И вотъ, наконецъ, я опять за границей, и опять на свободѣ, на свободѣ послѣ неустаннаго наденія на меня столькихъ внезапныхъ и несподеванныхъ бѣдъ и напастей! Я самъ не вѣрилъ своей свободѣ. Я не поѣхалъ ни въ Парижъ, ни въ Лондонъ, а остался въ маленькомъ германскомъ городкѣ, гдѣ хотѣлъ спокойно жить, мыслить и продолжать мое неожиданно и такъ оригинально прерванное занятіе науками. Все это мнѣ и удалось: при моей нетребовательности за границую, мнѣ постоянно все удается, и не удалось долго лишь стремленіе усвоить себѣ привычку знать, что свободенъ. Проходили мѣсяцы и годы, а я все, просыпаясь, каждое утро спрашивалъ себя: дѣйствительно ли я проснулся? на самомъ ли дѣлѣ я въ Германіи и имѣю право не только не ѣздить сегодня въ манежъ, но даже вытолкать отъ себя господина Постельникова, если бѣ онъ вздумалъ посѣтить мое убѣжище.

Наконецъ, всеисцѣляющее время уврачевало и этотъ недугъ сомнѣнія, и я совершенно освоился съ моимъ блаженнѣйшимъ состояніемъ въ тишинѣ и стройной послѣдовательности европейской жизни, и даже началъ совсѣмъ позабывать нашу російскую чехарду.

ГЛАВА СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

Такъ тихо и мирно провелъ я цѣлые годы, то сидѣ въ поемъ укромномъ уголкѣ, то посѣщая столицы Европы и изучая ихъ историческіе памятники, а въ это время здѣсь, на Руси, все выдвигались вопросы, реформы шли за реформами, люди будто бы покидали свои обычныя кривлянья и шутки, брались за что-то въ серьезъ; я, признаюсь, ничего отъ этого не ждалъ и ни во что не вѣрилъ, и такъ, къ стыду моему, не только не принялъ ни въ чемъ ни малѣйшаго участія, но даже былъ удивленъ, замѣтивъ, что это уже не одни либеральные разговоры, и что въ самомъ дѣлѣ сдѣлано много безповоротнаго, надъ чѣмъ пошутить никому шутнику неудобно. Въ это время старикъ, дядя мой, умеръ и мои домашнія обстоятельства потребовали моего

возвращенія въ Россію. Я этому даже обрадовался; я почувствовалъ влеченіе, родъ недуга, увидѣть Россію обновленную, мыслящую и серьезно устрояющую самоё себя въ долготу дней. Я приближался къ отечеству съ душевнымъ трепетомъ, какъ къ купинѣ, очищаемой божественнымъ огнемъ, и переѣхалъ границу крестясь и благословляясь... и что бы вы думали: надолго ли во мнѣ хватило этого торжественнаго заряда? Помогли ли мнѣ соотчичи укрѣпить мою вѣру въ то, что время шутовства, всякихъ уродствъ и кривляній здѣсь минуло навсегда, и что подъ вѣяніемъ духа той свободы, о которой у насъ не смѣли и мечтать въ мое время, теперь всѣ образованные русскіе люди взяли за умъ и серьезно тянутъ свою земскую тягу, поощряя робкихъ, защищая слабыхъ, исправляя и воодушевляя помраченныхъ и малодушныхъ, и вообще свивая и скручивая наше растрепанное волокно въ одну крѣпкую бечеву, чтобы сцѣпить ею воедино великую рознь нашу и дать ей окрѣпнуть въ сознаниіи силы и права?..

Какъ бы не такъ!

ГЛАВА СОРОКЪ ПЯТАЯ.

Прежде всего мнѣ пришлось, разумеется, поблагодарить предъ Петербургомъ; городъ узнать нельзя: похорошѣлъ, обстроился, провелъ рельсы по улицамъ, а либерализмъ такъ и ходить волнами, какъ море; страшно даже какъ бы онъ всего не захлестнулъ, какъ бы имъ люди не захлебнулись! «Государь въ столицѣ, а на дрожкахъ ѣздить писаря, въ фуражкахъ ходятъ офицеры»; у дверей ресторановъ столики выставили, кучера на козлахъ трубки курятъ... Ума помраченъ, что за вольности! Офицеры не колотятъ приказныхъ ни на улицахъ, ни въ трактирахъ, да и приказныхъ что-то не видно.

— Гдѣ бы это они всѣ подѣвались?—спрашиваю одного стараго знакомаго.

— А ихъ,—отвѣчаетъ,—сократили, теперь вѣдь у насъ на все благоразумная экономія. Служба—не богадѣльня.

— Что же, и прекрасно, говорю;—пусть себѣ за другой трудъ берется.

Посѣтилъ стараго товарища, гусара,—нынче директоромъ департамента служить. Живетъ такимъ бариномъ, что даже и незаистливый человѣкъ, пожалуй, позавидовалъ бы.

— Вѣрно, говорю, хорошее жалованье получаете?

— Нѣтъ, какое же, отвѣчаетъ, — жалованье! У насъ оклады небольшіе. Все экономію загоняють. Квартира, воть... да и то не изъ лучшихъ.

Я дальнѣе и разспрашивать не стала: вѣрно, думаю, братецъ ты мой, взятки берешь, и, встрѣтись съ другимъ знакомымъ, выразишь ему на этотъ счетъ подозрѣніе; но знакомый только яростно расхохотался.

— Этакъ ты, пожалуй, заподозришь, говоритъ, — что и я взятки беру?

— А ты сколько, спрашиваю, — получаешь жалованья?

— Да у насъ оклады, отвѣчаетъ, — небольшіе; я всего около двухъ тысячъ имѣю жалованья.

— А живешь, моль, — чудесно и лошадей держишь?

— Да вѣдь, другъ мой, на то, рассказываетъ, — у насъ есть суммы: къ двумъ тысячамъ жалованья я имѣю три добавочныхъ, да «къ нимъ» тысячу двѣсти, да двѣ тысячи прибавочныхъ, да «къ нимъ» тысяча четыреста, да награды, да на экипажъ.

— И онъ, стало-быть, говорю, — точно также?

— А конечно; онъ еще болѣе: ему, кромѣ добавочныхъ и прибавочныхъ, даютъ и на дачу, и на поѣздку за границу, и на воспитаніе дѣтей; да въ прошедшемъ году онъ дочь выдалъ замужъ, — выдали на дочь, и на похороны отца, и онъ и его братъ — оба выпросили: зачѣмъ же ему братъ взятки? Да ему ихъ и не дадутъ.

— Отчего же, любопытствую, — не дадутъ? Онъ мѣсто вліятельное занимаетъ.

— Такъ что же такое, что мѣсто занимаетъ; но онъ вѣдь службою не занимается.

— Вотъ тебѣ и разъ! Это же почему не занимается?

— Да некогда, милый другъ; у насъ нынче *своею* службой почти никто не занимается; мы все нынче завалены сторонними занятіями; каждый сидитъ въ двадцати комитетахъ по разнымъ вопросамъ, а тутъ благотворительствовать... Мы вѣдь нынче все благотворимъ... да: благотворимъ и сами, и жены наши все этимъ заняты, и ни намъ некогда служить, ни женамъ нашимъ некогда хозяйничать... Просто бѣда отъ благотворенія! А кто въ военныхъ чинахъ, такъ еще стараются быть на разводахъ, на парадахъ, на церемоніяхъ... вѣчный кипятокъ.

— Это, пытаю, — зачѣмъ же на церемоніи-то ѣздить? Развѣ этого требуютъ?

— Нѣтъ, не требуютъ, но ѣздѣ хочется же на виду быть... Это доходитъ нынче даже до цинизма, да и нельзя иначе... иначе ты закиснешь; а между тѣмъ за всѣмъ за этимъ *своею* службою заниматься некогда. Вотъ видишь, у меня шестнадцать разныхъ книгъ; все это казначейскія книги по разнымъ ученымъ и благотворительнымъ обществамъ... Выбираютъ въ казначей, и иду... и служу... Все дѣло-то ка грошъ, а его нужно вписывать, записывать, перечесть, вписать въ расходы, и все самъ веду.

— А ты зачѣмъ, говорю, — на это дѣло какого-нибудь писарька не приймаешь?

— Нельзя, голубчикъ, этого нельзя... у насъ по всѣмъ этимъ дѣламъ начальствуютъ барыни, — народъ, за самымъ небольшимъ исключеніемъ, самый пустой и безтолковый, по требовательный, а отъ нихъ, братъ, подчасъ много зависитъ при случаѣ... Вѣдь изъ того мы всѣ этихъ обществъ и держимся. У насъ нынче всѣ по обществамъ: даже и поны, и архіереи есть... Нынче это прежній протекціи очень съ успѣхомъ замѣняетъ, а инымъ даже не малыя и прямыя выгоды приносить.

— Какія же прямыя-то выгоды тутъ возможны?

— Возможны, другъ мой, возможны: знаешь пословицу — «и попь отъ алтаря пьтается», ну, и изъ благотворителей тоже есть такіе: вонъ недавно одна этакая на женскую гимназію собирала, да весь сборъ ошибкою въ карманѣ увезла.

— Зачѣмъ же вы не смотрите за этимъ?

— Смотримъ, да какъ ты усмотришь, — отъ школь съ отогналъ, она кинулась на колокола собирать, и колокола вынули тоже не звонки. Слѣдимъ, любезный другъ, зорко слѣдимъ, но дѣятельность-то стала ужъ очень обширна, — не услѣдишь.

— А на службѣ писарьки работаютъ?

— Ну, нѣтъ, и тамъ есть «этакія крысы» безкарьерныя... онѣ незамѣтны, но есть. А ты вотъ что, если хочешь быть по-старому, по-гусарски, пріятелемъ, — запиши, сдѣлай милость, что-нибудь.

— На чтѣ это записать?

— А вотъ на чтѣ хочешь; въ этой книгѣ на «Общество

снабжения книгами безграмотнаго народа», въ этой — на «Комитетъ для возбужденія вопросовъ», въ этой — на «Комитетъ по устройству комитетовъ», здѣсь — «Комитетъ для обсужденія бесполезности нѣкоторыхъ обществъ», а вотъ въ этой — на «Подачу религіознаго утѣшенія недостаточнымъ и бѣдствующимъ»... вообще все добрыя дѣла; запиши на что хочешь, хоть пять, десять рублей.

«Экъ деньги-то, подумалъ я про себя, какъ у васъ нынѣ при экономіи дешевы», а, однако, записать десять рублей на «Комитетъ для обсужденія бесполезности нѣкоторыхъ обществъ». Что же, и въ самомъ дѣлѣ это учрежденіе нужное.

— Благодарю, — говоритъ, вставая, мой пріятель: — мнѣ пора въ комитетъ, а если хочешь повидаться, въ четвергъ, въ два часа тридцать пять минутъ, я свободенъ, но и то, впрочемъ, въ это время мы должны поговорить, о чемъ мы будемъ разговаривать въ засѣданіи, а въ три четверти третьяго у меня собирается уже и самое засѣданіе.

«Ну, думаю себѣ, этакой кипучей дѣятельности нигдѣ, ни въ какой другой странѣ на обоихъ полушаріяхъ нѣтъ. Въ цѣлую недѣлю человекъ одинъ только разъ имѣетъ десять минутъ свободнаго времени, да выходитъ, что и тѣхъ нѣтъ!.. Ужъ этого пріятеля, Богъ съ нимъ, лучше не беспокоить».

— А когда же ты, — спрашиваю его совсѣмъ на порогѣ: — когда же ты что-нибудь читаешь?

— Когда намъ читать! мы ничего, отвѣчаетъ, — не читаемъ, да и зачѣмъ?

— Ну, чтобы хоть немножко освѣжить себя послѣ работы.

— Какое тамъ освѣженіе: въ литературѣ идетъ только одно бездарное науськиванье на нѣмцевъ, да на поляковъ. У насъ совсѣмъ теперь перевелись хорошіе писатели.

— Прощай же, говорю, — голубчикъ, и съ тѣмъ ушелъ. Экономія и недосуги этихъ господъ, признаюсь, меня жестоколько покоробили; но, думаю, можетъ-быть, это только въ чиновничествѣ загостилось старое кривлянье на новый ладъ. Дай-ка заверну въ другіе углы; поглазбю на литературу: за что такъ на нее жалуются?

ГЛАВА СОРОКЪ ШЕСТАЯ.

Пока недѣлю какую придется еще пробыть въ Петербургѣ — буду читать. Въ самомъ дѣлѣ, за границей всего

одну или двѣ газетки видѣлъ, а тутъ ихъ вонъ сколько!.. Вѣдь чтò же-нибудь въ нихъ написано. Накунилъ... Ухъ, Боже мой! дѣйствительно, вездѣ понаписано! Одинъ день почиталъ, другой почиталъ, нѣтъ,—вижу страшно; за человѣческой смыслъ свой надо понастаться. Другое бы дѣло, можетъ-быть, интересно съ кѣмъ-нибудь изъ пишущихъ лично познакомиться. Обращаюсь съ такою просьбою къ одному товарищу: «познакомьте, говорю, меня съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ». Но тотъ при первыхъ моихъ словахъ кислую гримасу соорилъ.

— Не стòитъ, говорить, — Боже васъ сохрани... не советую... Особенно, вы человекъ не здѣшній, такъ это даже и не безопасно.

— Какая, возражаю,—возможна опасность?

— Да денегъ попросить, — имъ вѣдь ни добавочныхъ, ни прибавочныхъ не даютъ, — они и кучатся.

— Ну?

— Ну, а даль—и пропало, потому это «абсолютной честности» не мѣшаетъ; а не дашь — въ какой-нибудь газеткѣ отхлестуть. Это тоже «абсолютной честности» не мѣшаетъ. Нѣтъ, лучше советую беречься.

— Было бы, говорю,—еще за чтò и отхлестать?

— Ну, у насъ на этотъ счетъ просто: вы вотъ сегодня при мнѣ нанимали себѣ въ деревню лакея, и онъ вамъ, по вашему выраженію, «не понравился», а завтра можно напечатать, что вы смотрите на насмѣ себѣ лакея съ другой точки зрѣнія, и добиваетесь, чтобъ онъ вамъ «нравился». Нѣтъ, оставьте ихъ лучше въ покоѣ; «съ ними» у насъ порядочные люди нынче не знакомятся.

Я задумался и говорю, что хоть только для курьеза желалъ бы кого-нибудь изъ нихъ видѣть, чтобы понять, что въ нихъ за закалъ.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста; да они всѣ давно сами другъ про друга все высказали; больше знать про нихъ не интересно.

— Однако, живутъ они: не топятся и не стрѣляются.

— Съ чего имъ топиться! Бранятъ ихъ, ругаютъ, да чтò такое брань? чтò это за тяжкая напасть? Про иного дѣло скажутъ, а онъ самъ на десятерыхъ навретъ еще худшаго, — вотъ и затушевался.

— Ну, напраслина-то вѣдь можетъ быть и опровергнута.

— Какъ разъ! Одинъ-то разъ, конечно, можно, пожалуй, и опровергнуть, а если на васъ, по всѣмъ правиламъ осады, разомъ цѣлые батальоны, цѣлые полки на васъ двинуть, ящикъ Пандоры со всякими скверностями на васъ опрокинуть, — такъ отъ всѣхъ ужъ и не отласнешься. Макиавелли не даромъ говорилъ: «лги, лги и лги, — что-нибудь прилипнетъ и останется».

— Но зато, говорю, — въ такихъ занятіяхъ самъ портишься.

— Небольшая въ томъ и потеря; уголь сажею не можетъ замараться.

— Уваженіе всѣхъ честныхъ людей этимъ теряется.

— Очень оно имъ нужно!

— Да и самъ теряешь возможность къ усовершенствованію себя и воспитанію.

— Да полноте, пожалуйста: кто въ Россіи о такихъ пустякахъ заботится. У насъ не тѣмъ концомъ носъ пришить, чтобы думать о самосовершенствованіи или о судѣ потомства.

И точно, сколько я потомъ ни приглядывался, дѣйствительно носъ у насъ не тѣмъ концомъ пришить и не туда его тянуть.

ГЛАВА СОРОКЪ СЕДЬМАЯ.

Ходилъ въ театр: давали пьесу, въ которой показано пародное недовѣріе къ тому, что новая правда воцаряется. Одно дѣйствующее лицо говорить, что пока въ лежанкахъ надъ Невою каменныхъ «свинтусахъ» (сфинксахъ) живое сердце не встрепенется, до тѣхъ поръ все будетъ только для одного вида. Автора жесточайше изругали за эту пьесу. Спрашивалъ свѣдущихъ людей: за что же онъ изруганъ? За то, чтобы правды не говорилъ, отвѣчаютъ... Какая дивная литература съ ложью въ идеалѣ!

Познакомился, наконецъ, случайно въ клубѣ художниковъ съ однимъ поэтомъ и, возмущенный тѣмъ, что слышалъ, поговорилъ съ нимъ о правдѣ и честности. Поэтъ того же мнѣнія, что правда не годится, и даже разъяснялъ мнѣ, почему правды въ литературѣ говорить не слѣдуетъ; это будто бы потому, что «правда есть мечъ обоюдо-острый» и ею подчасъ можетъ пользоваться и правительство; честность, говорить, можно признавать только одну «абсолютную», го-

торую можетъ имѣть и воръ, и фальшивый монетчикъ. Дальше я не хотѣлъ и рѣчи вести объ этомъ: взаправду «за чело-вѣка страшно!» Спрашиваю только ужь о самыхъ практи-ческихъ вещахъ: вотъ, говорю, къ удивленію моему, я вижу у васъ подъ однимъ изданіемъ подписывается редакторъ Калатuzовъ... скажите мнѣ, пожалуйста... меня это очень интересуетъ... я зналъ одного Калатuzова въ гимназіи.

— Этотъ здѣшній, очень онъ плохъ,—перевиваетъ меня поэтъ.

— Редакторъ-то?

— Да, ахъ, какъ безнадежно плохъ:—какъ котелка.

— Скажите, Бога ради, и тотъ, говорю, былъ небоекъ.

— Ну, все-таки это вѣрно не тотъ. Этотъ, напимѣрь, какъ забралъ себѣ въ голову, что въ Англіи была королева Елисавета, а нынче королева Викторія, такъ и твердитъ, что «въ Англіи женщинамъ лучше, потому что тамъ королевы царствуютъ». Сотрудники хотѣли его въ этомъ разуверить,—не дается: «вы, говоритъ, меня подводите на смѣхъ». А «абсолютная» честность есть.

— Какъ же, говорю,—его редакторомъ-то сдѣлали?

— А что же такое? Для утвержденія въ редакторствѣ у насъ вѣдь пока еще въ губернскомъ правленіи не свидѣтельствуяютъ. Да и что такое редакторъ? Редакторы есть всякіе. Беремъ, батюшка, въ этомъ примѣры съ нашихъ заглавныхъ братій. А впрочемъ, и прекрасно: весь вопросъ въ абсолютной честности: она литературу убиваетъ, но зато злобу-съ, злобу и затменіе въ умахъ раститъ и множитъ.

— Есть же, однако, полагаю, между ними люди, для ко-торыхъ дорога не одна абсолютная честность?

— Какъ же-съ, непременно есть, и вотъ недалеко ходитъ. Вонъ, видите, за тѣмъ столомъ сидитъ пентюхъ-то,—это извѣстный православиствъ, онъ меня на-дняхъ какъ-то тутъ встрѣчаетъ и говоритъ:—«Что жъ вы, батюшка, намъ-то ничего не даете?»—Удивляюсь, отвѣчаю,—что вы меня объ этомъ и спрашиваете.

— А что такое?

— Да вѣдь вы меня, говорю, — въ своемъ изданіи ру-гаете.—Удивляется: «когда?»—Да постоянно, моль.—«Ну, извините, пожалуйста». — Да вы что жъ, этого не читали, что ли?—«Ну, вотъ, стану, говоритъ, я этимъ павозомъ за-

ниматься... Я все съ бумагами... сильно-было поразстроился и теперь весь биржей поглощенъ... Богъ съ ними!»

— Это вы изволите говорить: «Богъ съ ними»?

— Нѣтъ, это не я, а онъ: я Бога не безпокою. Я хотѣлъ открыть изданіе въ среднемъ духѣ, но никакого содѣйствія нѣтъ.

— Отчего же?

— Да я по глупости шесть тысячъ попросилъ, и отказали, говорятъ: «Денегъ нѣтъ»... Послѣ узналъ, что теперь, чтобы получить что-нибудь, надо милліонъ просить: тогда дадутъ. Думаю опять скоро просить.

— Милліонъ?

— Нѣтъ, милліонъ восемьсотъ пятьдесятъ семь тысячъ, такъ смѣта выходитъ.

— На журналъ или на газету?

— Нѣтъ, на особое предпріятіе...

Поэтъ всталъ, зѣвнулъ и, протягивая миѣ руку, добавилъ:

— На одно предпріятіе, обѣщающее впереди милліардъ въ туманѣ.

— И что жъ, — спрашиваю, удерживая его за руку, — имѣете надежду, что дадутъ вамъ эти деньги?

— Да, непременно, говоритъ, — дадутъ; у насъ все это хорошо обставлено, въ національномъ духѣ: чухонскій графъ изъ Финляндіи, два остзейскіе барона и три жида во главѣ предпріятія, да полторы дюжины полячишекъ для сплетенъ. Непременно дадутъ.

Я заплатилъ за столомъ деньги за себя и за поэта, и ушелъ. Это кстати былъ послѣдній день моего пребыванія въ Петербургѣ.

ГЛАВА СОРОКЪ ВОСЬМАЯ.

Москву я проѣхалъ на-скоро: пробылъ только всего одинъ день и посѣтилъ двухъ знакомыхъ... Люди уже солидные, — у обоихъ дѣти въ университетѣ.

Здѣсь Петербургъ не чествуютъ; тамъ, говорятъ, всѣ искривлялись: «кто съ кѣмъ согласенъ и кто о чемъ спорить, — и того не разберешь. Они скоро всѣ провалятся въ свою финскую яму».

Давно, я помню, въ Москвѣ все ждуть этого петербургскаго провала и все еще не теряютъ надежды, что эта благая радость ихъ совершится.

— А васъ, любопытствую, — Богъ милуетъ, не боитесь провалиться?

— Ну, мы!.. Петербургъ, братъ, говорятъ, — строенъ миллионами, а Москва—вѣками. Подъ нами земля прочная. Тамъ, въ Петербургѣ-то, у васъ вонь ужъ, говорятъ, отцовъ рѣжутъ, да на матеряхъ женятся, а насъ этимъ не увлечешь: тутъ у насъ и храмы, и мощи — это наша святыня, да и въ учености наша молодежь своихъ свѣтильниковъ имѣеть... преданія.. Кудрявцева и Грановскаго чтить. Разумѣется, Кудрявцевъ и Грановскій ужъ того... немножко для нашего времени не годятся... а все жъ если бы нашъ университетъ еще того... немножко бы ему хорошей чемерицы въ носъ, и студенты чтобъ отъ профессоровъ не зависѣли, и университетъ бы нашъ даже еще кое-куда годился... а то ни одного уже профессора хорошаго не стало.

— Какъ ни одного?

— Да рѣшительно ни одного: въ петербургскихъ газетахъ ихъ славно за это отжариваютъ.

Вотъ тебѣ и «наши преданія» и «наша святыня»!

Экой вздоръ какой! Экая городьба!

Поѣлъ у Гурина пресловутой утки съ груздями, заболѣлъ и ѣду въ деревню; свой губернской городъ, въ которомъ меня такъ памятно сѣкли, проѣзжаю мимо; не останавливаюсь и въ уѣздномъ и являюсь къ себѣ въ Одолѣское — Ватажкова тожъ.

И вотъ они опять—знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, беспечна и пуста,
Текла среди пировъ, бессмысленнаго чванства,
Разврата мелкаго и мелкаго тиранства!..

Что-то здѣсь новаго, на этихъ сонныхъ нивахъ, на этой черноземной пажити?

ГЛАВА СОРОКЪ ДЕВЯТАЯ.

Просторъ и лѣнь, лѣнь и просторъ! Они опять предо мною во всей своей красѣ; но кровли крышь покрыты лучше и мужики въ сапогахъ. Это большая новость, въ которой я, впрочемъ, никогда не отчаивался, вѣруя, что и мужикъ знаетъ, что подъ крѣпкою крышей безопаснѣе жить и въ крѣпкихъ сапогахъ ходить удобнѣе, чѣмъ въ дырявыхъ лаптяхъ.

Спросилъ въ бесѣдѣ своего приказчика:

— Поправляются ли мужики?

— Какъ же, говорить, — теперь они живутъ гораздо прѣкшнго превосходнѣйше.

Хотѣлъ даже перекреститься на образъ, но, поопасавшись, не придерживается ли мой приказчикъ нигилистическаго образа мыслей, воздержался, чтобы сразу себя предъ нимъ не скомпрометировать, и только вздохнулъ: «буди, Госноди, благословенъ за сіе!»

Но какъ же остальное? Какъ она, наша интеллигенція?

— Много ли, спрашиваю, — здѣсь сосѣдей-помѣщиковъ теперь живетъ и какъ они хозяйничаютъ?

— Нѣтъ, докладываетъ, — какіе же здѣсь господа? Господь здѣсь нѣтъ; господа все уѣхали по земскимъ учрежденіямъ, мѣсто въ себѣ стараются въ губерніи.

— Неужто же все по учрежденіямъ? Этого быть не можетъ!

— Да живутъ-съ, говорить, — у насъ одни господа Локотковы, мелкопомѣстные.

— Ну, такъ какъ же, молъ, — ты мнѣ говоришь, что ничего нѣтъ? Я даже знаю этого Локоткова. (Это, если вы помните, тотъ самый мой старшій товарищъ, что въ гимназіи француза дразнилъ и въ почки сало кидалъ). Ты, приказываю, велика мнѣ завтра дрожки заложить: я къ нему съѣзжу.

— Это, отвѣчаетъ, — какъ вамъ будетъ угодно; но только они къ себѣ никакого благороднаго званія не принимаютъ, и у насъ ихъ, господина Локоткова, все почитаютъ ни за что.

— Это, молъ, — что за глупость?

— Точно такъ-съ, говорить, — какъ они сами своего званія рѣшившись и ходятъ въ зипунѣ, и званіе свое порочать и съ родительницей своей Аграфеной Ивановной поступаютъ очень неблагородно.

Заинтересовался я знать о Локотковѣ.

— Расскажи, говорю, — мнѣ, сдѣлай милость, толкомъ: какъ же это онъ такъ живетъ?

— Совсѣмъ, отвѣчаетъ, — въ родѣ мужика живутъ; въ одной избѣ съ работниками.

— И въ полѣ работаетъ?

— Нѣтъ-съ, въ полѣ они не работаютъ, а все подъ са-расемъ книжки сочиняютъ.

— О чемъ же, молъ, — тѣ книжки, не знаешь ли?

— Давали-съ они намъ, да не интересно: все по крестьянскому сословію, про мужиковъ... Ничего не вѣрно: крестьяне смѣются.

— Ну, а съ матерью-то у нихъ что же: нелады, что ли?

— Постоянные нелады: еще шесть дней въ недѣлю ничего, и туда и сюда, только промежь собою ничего не говорятъ, да отворачиваются; а ужъ въ воскресенье непременно и карамболь.

— Да почему же въ воскресенье-то карамболь?

— Потому, какъ у нихъ промежь собой все несогласіе выходитъ въ пирогахъ.

— Ничего, говорю, — братецъ мой, не понимаю: какъ такъ въ пирогахъ у нихъ несогласіе?

— Да баринъ Локотковъ, говоритъ, — велятъ матушкѣ, чтобъ и имъ, и людямъ одинаковые пироги печь, а госпожа Аграфена Ивановна говорятъ: «я этого понять не могу», и заставляютъ стряпуху, чтобъ людскіе пироги были хуже.

— Ну?

— Ну-съ, вотъ изъ-за этого изъ-за самаго они всегда и ссорятся: Аграфена Ивановна говорятъ, что пусть пироги хоть изъ одного тѣста, да съ отличкою: господскіе чтобъ съ гладкою коркой, а работничьи на щипокъ защипнуть; а баринъ сердятся и сами придутъ и переципываютъ у заготовки. Они переципываютъ, а Аграфена Ивановна послѣ приказываютъ стряпухѣ: «станешь сажать, говорятъ, — въ печку, такъ людскіе шесть пироговъ на полъ урони, чтобъ они въ сору обвалялись»; а баринъ за это взыскъ... Сейчасъ тутъ у припечка и ссора... Они и толкнуть старуху.

— Это мать-то?

— Точно такъ-съ; ну, а народъ ее, Аграфену Ивановну, жалѣеть, какъ они при прежнемъ крѣпостномъ званіи были для своихъ людей барыня добрая. Вечеру баринъ соберутъ къ избѣ мужиковъ и заставляютъ судить себя съ барыней; барыня заплачетъ: «Ребятунки, изволятъ говорить, я себя не жалѣвши его воспитывала, чтобъ онъ въ полковые пошелъ, да генераломъ быть». А баринъ говорятъ: «А я, ребята, говорятъ, этихъ глупостей не хочу; я хочу мужикомъ быть». Ну, мужики, извѣстно, всѣ сейчасъ на барынину сторону. «Съ чего, бають, съ какого мѣста ты такого за-

хотѣлъ? Нѣшь тебѣ мужикомъ-то лучше быть?» — Баринъ крикнуть: «Лучше, честнѣе, говорятъ, ребята, быть мужикомъ». Мужики плюнуть и разойдутся. «Врешь, бають, въ генералахъ честнѣй быть,—мы и сами, говорятъ, хоть сейчасъ всѣ согласны въ генералы идти». Только всего и суда у нихъ выходить; а стряпуха, просто ни одна стряпуха у нихъ больше недѣли изъ-за этого не живетъ, потому что никакъ угодить нельзя. Теперь съ полгода баринъ книги сочинять оставили и сами стали пироги печь, только ѣсть ихъ никакъ нельзя... невкусно... Баринъ и сами даже это чувствуютъ, что не умѣютъ, и говорятъ: «Вотъ, говорятъ, ребята, какое мнѣ классическое воспитаніе дали, что даже противъ матери я не могу потрафить». Дьячокъ Сергѣй на нихъ даже по этому случаю волостному правленію доносъ подавалъ.

— Въ чемъ же доносъ?

— Да насчетъ ихъ странности. Писалъ, что господникъ Локотковъ самъ, говоритъ, ночью къ Каракозову по телеграфу леталъ.

— Ну?

— Мужики было убить его за это хотѣли, а начальство этимъ пренебрегло; даже дьячка же Сергѣя самого за это и послали въ монастырь дрова пилить, да и то сказали, что это еще ему милость за то, что онъ глупъ и не знаетъ, что дѣлаетъ. Теперь вѣдь, сударь, у насъ не то, какъ прежде: ничего не разберешь, добавилъ, махнувъ съ неудовольствіемъ рукою, приказчикъ.

— Да дьячокъ-то вашъ, спрашиваю, — откуда же взять, что по телеграфу летать можно?

— Это, — отвѣчаетъ мой приказчикъ, — у нихъ, у духовенства, нынче больше все происходитъ съ отчаянности, такъ какъ на нихъ теперь законъ вышелъ, чтобъ ихъ сокращать; гдѣ два было, говорятъ, одинъ останется...

— Ну, такъ что же, молъ, изъ этого?

— Такъ вотъ они, выходить, теперь другъ передъ дружкой и хотятъ все себя одинъ противъ другого показать.

«Фу, думаю, какой вздоръ мнѣ этотъ челоѣкъ рассказываетъ!» Махнулъ рукою и отпустилъ его съ Богомъ.

Однако, не утерпѣлъ, переспросилъ еще кое-кого изъ людей насчетъ всего этого и оказалось, что приказчикъ мой не жетъ.

«Ну, думаю, чѣмъ узнавать черезъalebь, да черезъ десятиа руки, пуцусь-ка лучше я самъ въ самое море, окунусь въ самую интеллигенцію».

Начинаю съ того, что еще уцѣлѣло въ селахъ и что здѣсь репрезентуетъ мѣстную образованность.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ.

Отправился съ визитомъ къ своему попу. Добрѣйшій Михаилъ Сидоровичъ, или отецъ Михаилъ, — скромнѣйшій человекъ и заивушка, котораго дядя мой, князь Одолънскій, скончавшійся въ схимѣ, заставлялъ когда-то хоронить его борзыхъ собакъ и поклоняться золотому тельцу, — уже не живеть. Въмѣсто него священствуетъ сынъ его, отецъ Иванъ. Я зналъ его еще семинаристомъ, когда онъ, бывало, приходилъ во флигель къ покойной матушкѣ Христа славить, а теперь онъ ужъ лѣтъ десять на мѣстѣ и бородой по самые глаза заросъ, — настоящій Атта-Троль.

Засталъ его дома за писаніемъ. Увидавъ меня, онъ скорѣе спряталъ въ столъ тетрадку. Поздоровались. Спрашиваю его: «какъ, батюшка, поживаете?»

— Что, сударь, Орестъ Марковичъ! жизнь наша противъ прежняго стала, говорить, гораздо хуже.

«Вотъ-те и разъ, думаю, нашелся человекъ, которому даже хуже кажется».

— Чѣмъ же, пытаю, — вамъ теперь, отецъ Иванъ, хуже?

— Да какъ же, сударь, не хуже? въ прежнее время, при помѣщикахъ, сами изволите помнить, бывало и соломкой, и хлѣбцемъ, и всѣмъ дворяне не забывали, и крестьянъ на подмогу въ рабочую пору посылавали; а нынѣ нѣтъ того ничего, и народъ къ намъ совсѣмъ охладѣлъ.

— Народъ-то, говорю, — отчего же охладѣлъ? Это въ вашихъ рукахъ — возобновить его теплоту къ религіи.

— Нѣтъ, ужъ, какое же, сударь, возобновленіе! Прежде онъ въ крѣпостномъ званіи страдалъ и былъ постоянно въ нуждѣ и въ горести, и прибѣгалъ въ несчастіи своемъ къ Господу; а теперь, изволите видѣть... нынче мужичокъ идетъ въ церковь только когда захочеть...

«Ну, думаю, лучше это мимо».

— Между собою, любопытствую, — какъ вы теперь, батюшка, живете? — потому что я зналъ, что всегда бывало

здѣсь, какъ и вездѣ: гдѣ два причта, тамъ и страшная, безкровная война.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.

Только-что я коснулся въ разговорѣ съ отцомъ Иваномъ деликатной исторіи войны на поповкахъ, мой собесѣдникъ такъ и замахалъ руками.

— Ужасно, сударь, Орестъ Марковичъ, ужасно, говорить, — мы, духовные, къ этому смятенію подвержены, о мирѣ всего міра Господа умоляемъ, а самимъ намъ въ этомъ недугѣ вражды исцѣленія нѣтъ.

Добродушный священникъ съ сокрушеніемъ осѣнилъ себя крестомъ и, вздохнувъ, добавилъ: «думаю, говорить, что это не иначе какъ оттого, что гдѣ преизбыточествуетъ благодать, тамъ преобладаетъ и грѣхъ».

— А вѣдь и ссориться-то, говорю, — кажется, не за что бы?

— Да, совершенно, сударь, часто не за что.

— А все-таки ссоритесь?

— Да вѣдь какъ же быть: ссоримся-съ и даже люте отъ сего страждемъ и оскудѣваемъ.

Я посоветовалъ, что надо бы, молъ, стараться ужъ какъ-нибудь ладить.

— Знаете, это такъ, говорю, — надо дѣлать: бери всякъ въ руки метлу да мети *свою улицу* — весь городъ и очистится. Блюди каждый самъ себя, гони отъ себя смуту, вотъ она и повсюду исчезнетъ.

— Нельзя-съ, — улыбается отецъ Иванъ, — другіе товарищи не согласятся.

— Да чтò вамъ до товарищей?

— Нѣтъ-съ; да теперь и время не такое-съ. Это надо было какъ-нибудь прежде дѣлать, до сокращенія, а теперь ужъ хоть и грѣхъ воровать, но нельзя миновать.

Чтобы отойти отъ этого вопроса, я только и нашелся, что, молъ, хоть промежду себя-то съ отцомъ Маркеломъ старайтесь ладить — не давайте дурного примѣра и соблазна темнымъ людямъ!

— Да ничего, — отвѣчаетъ отецъ Иванъ: — мы между собой стараемся, чтобы ладно... только вотъ отецъ Маркель у насъ... коллега очень пекотисты...

— Что такое?

— Къ криминаціямъ они имѣють ужасное пристрастіе: все клаязничаютъ ужасно. Ввали въ нѣкую дружбу съ нашимъ дякономъ Викторычемъ, а тогда давно прекриминаціями обязанъ, и намѣреваются вдвоемъ, чтобы какъ-нибудь меня со второго штата въ заштатъ свести и вдвоемъ остаться по новому правилу.

— Это, говорю, — жаль: ничто добро, ничто красно, а зшти братіе вкушѣ.

— Какое ужъ, отвѣчаетъ, — «вкушѣ» жить, Орестъ Марковичъ, когда и на своемъ-то на особомъ дворѣ и то никакъ не бережешься! Вотъ, какъ изволите видѣть: я все дома сижу. Какъ только пошелъ разговоръ про новыя правила, что будутъ насъ сокращать, я, опасаясь злыхъ клеветъ и навѣтовъ, все сижу дома, — а по осени вдругъ меня и вызываютъ къ преосвященному. Знаете, дѣло это у насъ, по духовному состоянію, столь страшное, что только вспомнешь про всеобжирающую консисторію, такъ просто лытки трясутся. Изволите знать сами, великій государь Петръ Первый въ регламентѣ духовномъ ихъ наименовалъ: «онія архіерейскія несytyя собаки»... Говорить не остается, сударь!.. Семьдесятъ версть проѣхалъ, толкнулся къ секретарю, чтобы хоть узнать, зачѣмъ? «Ничего, говорить, не вѣдаемъ: тебя не консисторія звала, а самъ владыко по секрету вытребовали». Предстаю со страхомъ самому владыкѣ, — такъ и такъ, говорю, такой-то священникъ. Они какъ только услышали мою фамилію, такъ и говорятъ: «а, это ты, такой-сякой, плясунъ и игрунъ!»

Я даже, знаете, предъ владыкою опѣмѣлъ и устами словъ не могу выговорить.

— Никакъ нѣтъ, — говорю, ваше преосвященство: я лишь провождаю тихую въ домъ своемъ.

— Ты еще противурѣчишь! Слѣдуй, говорятъ, — за мной! Привели меня въ небольшой покойчикъ и изъ полбюра (не могу ужъ вамъ объяснить, что такое называлось полбюро) вынимаетъ бумагу.

— Читай, говорятъ, — гласно.

Я читаю въ предстаніи здѣсь секретаря и соборнаго протодьякона. Пишетъ, — это вижу по почерку, — коллега мой, отецъ Маркель, что: «такого-то, говорить, числа, осеннею порою, въ позднее сумерочное время, проходи мимо оконъ свинценника такого-то, — имя мое тутъ названо, — невзначай

заглянулъ я въ узкій створъ между двумя нарочито притворенными ставнями его ярко освѣщеннаго окна и замѣтилъ сего священника безумно скачущимъ и пляшущимъ съ неприличными удареніями пятами ногъ по подрысену».

— Остановись, — говорятъ его преосвященство, — на семь пунктовъ и объясни, что ты можешь противъ этого въ оправданіе свое отвѣтствовать?

— Что же, говорю, — владыко святой, все сіе истинно.

— Зачѣмъ же это, — изволятъ спрашивать, — ты столь нагло плясалъ, ударяя пятами?

— Съ горя, говорю, — ваше преосвященство.

— Объяснись! — изволили приказать.

— Какъ по недостаточности моего званія, говорю, — владыко святой, жена моя каждый вечеръ, по неизмѣнно работницы, отправляется для доенія коровы въ хлѣвъ, гдѣ хранится навозъ, то я, держа на рукахъ свое малое грудное дитя, плачущее по матери и просящее груди, — какъ груди дать ему не имѣю и чѣмъ его разсѣять не знаю, — то я, не умѣя настоящихъ французскихъ танцевъ, такъ съ симъ младенцемъ плавно по-жидовски прискакую по комнатамъ и пою ему: «тра-та-та, тра-та-та, вышла кошка за кота», или что другое въ семъ родѣ невиннаго содержанія, дабы оно было утѣшно отъ сего, и въ томъ вся вина моя.

Владыка задумались и говорятъ:

— Хорошо, сіе непредосудительно, въ сихъ цѣляхъ, какъ отецъ, невозбранно танцовать можешь, но читай дальше!

«Другажды», читаю, пишутъ отецъ Маркель, «проходи съ дьякономъ случайно вечернею порою мимо дома того же священника отца Иоанна, опять видѣли, какъ онъ со всѣмъ своимъ семействомъ, съ женою, племянникомъ и съ купно пріѣхавшею къ нему на каникулярное время изъ женской гимназіи племянницею, азартно игралъ въ карты, яростно ударяя по столу то кралею, то хлапомъ, и при семъ непозволительно восклицалъ: «никто больше меня, никто!» Прочитавъ сіе, взглянулъ я на преосвященнаго владыку и, не дожидаясь его вопроса, говорю:

— И сіе, ваше преосвященство, правда. Точно, говорю, — однажды, и всего только однажды, игралъ я по случаю племянница на пріѣзда, но было сіе не для ради забавы и празднолюбія, а съ философскою цѣлью, въ видахъ указа-

нія превосходства Адамова пола предъ Евинимъ поломъ, а отнюдь не для праздноя забавы и утѣшенія.

— Объяснись,—говорятъ владыко,—и въ этомъ!

— Было, говорю, — сіе такъ, что племянница моя, дочь брата моего, что въ приказные вышелъ и служить совѣтникомъ, пріѣхавъ изъ губерніи, начала обременять понятія моея жены, что якобы нашъ мужской полъ долженъ въ скорости обратиться въ ничтожество, а женскій надъ нами будетъ властвовать и господствовать; то я ей на это возразилъ нѣсколько апостольскимъ словомъ, но какъ она на то начала, громко хохоча, козякать и брыкать, книги мои безъ толку порицая, то я, въ книгахъ новаго сочиненія достаточной практики по бѣдности своей не имѣя, а чувствуя, что стерпѣть сію обиду всему мужскому колѣну не долженъ, то я, не зная, что на всѣ ея слова ей отвѣчать, сказалъ ей: «Буде ты столь превосходно умна, то скажи, говорю, мнѣ такое поученіе, чтобъ я призналъ тебя въ чемъ-нибудь наученною»; но тутъ, владыко, и жена моя, хотя она всегда до сего часа была женщина богобоязненная и ко мнѣ почитительная, но вдругъ тоже къ сей племянницѣ за женскій полъ присоединилась и зачали вдвоемъ столь громко цокотать, какъ двѣ сороки, «что васъ, говорятъ, больше нашего учать, а мы васъ все-таки какъ захотимъ, такъ обманываемъ», то я, преосвященный владыко, дабы унять имъ оное, обуявшее ихъ, безмысліе, потерявъ спокойствіе, воскликнулъ:

— Стой, говорю, — стой, ни одна не смѣй больше ни слова говорить! Этого я не могу! Давайте, говорю, на томъ самомъ спорить, на чемъ всѣ мы поровну учены, и увидимъ, кто изъ насъ совершеннѣе? Есть, говорю, у насъ карты?

«Жена говоритъ: есть.

«— Давай, говорю,—сюда карты.

«Жена подала карты.

«Говорю: сдавай въ дураки!

«Сдали. Я и жену, и племянницу ученую кряду по три раза дурами и оставилъ. Довольно, говорю, съ васъ; но видя, что онѣ и симъ еще мало въ неправотѣ своего спора убѣдились, говорю:

«— Сдавай въ короли!

«Сдали въ короли. Я вышелъ королемъ, сынишку,—виновать, ваше преосвященство, сынишку тоже для сего дис-

пута съ собою посадить, — его въ принцы вывелъ, а жену въ мужики. Вотъ, говорю, твое мѣсто; а племянницу солда- томъ оставилъ, — это, молъ, тебѣ и есть твоя настоящая должность.»

— Вотъ, говорю, — ваше преосвященство, истинно докла- дываю я, едино съ сею философскою цѣлью въ карты играть и нимало себя и мужской полъ не уронилъ.

Владыко раземѣялись. «Ступай, говорятъ, — игрунь и тан- цунъ, на свое мѣсто», а отцу Маркелу съ дьякономъ пось и утерли... но я сямъ недоволенъ...

— Помилуйте, говорю, — да чего же вамъ еще?

— Какъ чего? Ахъ, нѣтъ, Орестъ Марковичъ, такъ нельзя: вѣдь они вонъ, и дьяконъ, и отецъ Маркель, по сіе время ходять, и отецъ Маркель все вздыхаетъ на небо.

— Такъ что же вамъ до этого?

— Ахъ, какъ вы это располагаете: это они прокримина- цію затѣваютъ... Нѣтъ, пока эти новыя права взойдутъ, тутъ еще много грѣха будетъ!

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРАЯ.

Встрѣчаю на другой день въ березовой рощицѣ отца дья- кона; сидитъ и колесныя втулки сверлитъ.

— Вы, говорю, — отецъ дьяконъ, какъ поживаете?

— Ничего, говоритъ, — Орестъ Марковичъ, живемъ пре- естественнo въ своемъ видѣ. Я въ настоящее время нынче вѣдь все овцами занимаюсь.

— А, а! скажите, говорю, — пожалуй, торговать пусти- лись?

— Да-съ, овцами, и вотъ тоже колеса дѣлаю и пчель завель.

— И что же, говорю, — счастливо вамъ ведется?

— Да какъ вамъ доложить: торговю понемножку. Нельзя: время такое пришло, что однимъ нынче духовенству ни- чѣмъ заниматься нельзя. Намъ вѣдь, дьяконовъ-то, слышали?... намъ скоро уничтожатъ. У насъ тутъ по сосѣдству Поли- вановскій дьяконъ на шасе постоялый дворъ снялъ, — чу- десно ему идетъ, а у меня капиталу нѣтъ: пока кой-чѣмъ берусь, а впереди никто какъ Богъ. Въ прошломъ году до сорока штукъ овецъ было продать, да вотъ Богъ этимъ не- счастьемъ посылитъ.

— Какимъ, говорю, — несчастьемъ?

— Да какъ же-съ? развѣ не изволили слышать? вѣдь ми все просудили съ отцомъ Маркеломъ.

— Да, да, говорю, — слышалъ; рассказывалъ мнѣ отецъ Иванъ.

— Да, мы, говорить, — съ нимъ, съ отцомъ Иваномъ, тутъ немного поссорились, и имъ чрезъ насъ вдобавокъ того ничего и не было насчетъ ихъ плясоты, а вѣдь они вонъ, небось, вамъ не рассказали, что съ ними съ самими-то отъ того произошло?

— Нѣтъ, молъ, — не говорилъ.

— Они вѣдь у насъ къ нынѣшнему времени не отъ своего дѣла совсѣмъ разсудокъ потеряли. Какъ съ племянницею они разъ насчетъ бабьяго надъ нами преимущества поспорили, такъ съ тѣхъ поръ все о направленіи умовъ только и помышляютъ. Проповѣди о постѣ, или о молитвѣ говорить они уже не могутъ, а все выйдутъ къ аналою, да экспромту о лягушкѣ: «какъ, говорятъ, нынѣ нѣкіе глаголемые анатомы въ свѣтскихъ книгахъ о душѣ лже свидѣтельствуютъ по разсѣченію лягушки», или «сколь дерзновенно, говорятъ, нынѣ нѣкіе лжеанатомы по усѣченному и электрическою искрою припаленному кошачьему хвосту полагаютъ о жизни»... а прихожане этимъ смущались, что въ церкви, говорятъ, сказывается онъ негожія рѣчи про припаленный кошкнн хвостъ и лягушку; и дошло это вскорѣ до благочиннаго; и отцу Ивану экспромту теперь говорить запрещено, иначе какъ по тетрадкѣ, съ пропускомъ благочиннаго; а они что ни начнутъ сочинять, — все опять мимовольно или отъ лягушки, или — что уже совсѣмъ не идущее — отъ кошкнина хвоста пишутъ, и, главное, все понапрасну, потому что говорить имъ этого ничего никогда не позволять. Вы у нихъ изволили быть?

— Былъ.

— И непременно за писаніемъ ихъ застали?

— Кажется, говорю, — онъ точно что-то писалъ и спряталъ.

— Спряталъ! — быстро воскликнулъ дьяконъ: — ну, такъ поздравляю же васъ, сударь... Это онъ опять разчалъ запрещенную проповѣдь.

— Да почему же вы такъ увѣрены, что онъ непременно запрещенную проповѣдь пишетъ?

— Да потому, что и о лягушкѣ, и о кошкннномъ хвостѣ, и

о женскомъ правилѣ имъ это все запрещено, а они ужъ не свободомысленны, и отъ другого теперь не исходятъ.

— Отецъ Маркель же, любопытствую,—свободнѣе?

Дьяконъ крикнулъ и рукой махнулъ.

— Тоже, говорить,—сударь, и они сильно попутаны; но только тотъ вѣдь у насъ ко всему этому вопельна враги одолѣнія продерзостью возмогаетъ.

— Вотъ какъ!

— Какъ же-съ! Они, отецъ Маркель, видя, что отцу Ивану ничего по ихъ доносу не вышло ни за плясаніе, ни за карты, впали въ ужасную гнѣвность, и послѣ, разъ за разомъ, еще сорокъ три бумаги на него написали. «Мнѣ, твердить, ужъ теперь все равно; если ему ничего не досталось, такъ и я ничего не боюсь. Я только, говорятъ, дороги не знаю, а то я бы плюнулъ на всѣхъ и самъ къ Гарибальди пошелъ». Мнѣ даже жаль ихъ стало, потому ничего не успѣваетъ, а наипаче молва бываетъ.

«Я говорю: отецъ Маркель, бросьте все это: видите, говорю, что ничего уже отъ него при нынѣшнемъ начальствѣ не позаимствуешь. Не слушаетъ. Я матушку ихъ, супругу, Марѳу Тихоновну, началъ просить. Матушка, говорю, вы уговорите своего отца Маркела, чтобъ онъ бросилъ и помирился, потому какъ у насъ по торговой части судьбище считается всего хуже, а лучше всего миръ. Матушка сразу со мной согласилась, но говорятъ: «Охъ, дьяконъ, молчи: онъ просто въ родѣ какъ бы въ изступленіи ума». Стопмъ, этакъ, съ нею за угломъ, да разговариваемъ, а отецъ Маркель и вотъ онъ.

«—Что, говорить, — все тутъ небось про меня злословите?»

Матушка говорить: «Маркель Семенычъ, ты лучше послушай-ка, что дьяконъ-то какъ складно для тебя говорить: помирись ты съ отцомъ Иваномъ!» А отецъ Маркель какъ заскачетъ на мѣстѣ: «знаю, говорить, я васъ, знаю, что вы за люди съ дьякономъ-то». И что же вы, сударь, послѣ сего можете себѣ представить? Вдругъ, сударь мой, вызываетъ меня черезъ три дня попадья, Марѳа Тихоновна, черезъ мою жену на огородъ.

«—Охъ, дьяконъ, говорить, — вѣдь намъ съ тобой плохо!

— Что, молъ, чѣмъ плохо?

«— Да, вѣдь, мой отецъ Маркель-то на насъ съ тобой третьяго дня рапортъ послалъ».

Такъ, знаете, меня варомъ и обварило...

— Какъ такъ рапортъ? Въ какомъ смыслѣ?

«— А вотъ поди же, говорить. — Какъ мы съ тобой она-медни за угломъ стояли, онъ послѣ того цѣлую ночь меня мучилъ: говори, пристаешь, жена, какъ дьяконъ тебѣ говорилъ: чѣмъ можно попа Ивана изнять?»

— Ничѣмъ, говорю, — его изнять нельзя!

«— А! ничѣмъ! ничѣмъ! говорить, — это я знаю: это тебя дьяконъ научилъ. Ты теперь, говорить, презрѣвъ законъ и религію, идешь противъ мужа. И такъ меня тутъ такимъ словомъ обидѣлъ, что я тебѣ и сказать не могу».

— Матушка, да это что же, молъ, такое несообразное?

«— Нѣтъ, а ты, говорить, еще подожди что будетъ?» И потомъ онъ цѣлый день все со мной воевалъ и послѣ обѣда, и слава Богу, заснулъ, а я, плачучи, вынула изъ сундука кусочекъ холстинки, что съ похоронъ дали, да и стала ему исподнія шить; а онъ вдругъ какъ вскочетъ. «Стой, говорить, злодѣйка! что ты это дѣлаешь?»

«— Тебѣ, говорю, — Маркель Семенычъ, исподнія шью».

«— Врешь, говорить, — ты это не мнѣ шьешь, а ты это дьякону».

Ну, разумѣется, попадья — женщина престарѣлая — заплакала и подумала себѣ такую женскую мысль, что дай, молъ, я ему докажу, что я это *ему* шью, а не дьякону, и взяла красной бумаги и начала на тѣхъ исподнихъ литеры *вѣди* мѣтить, а онъ, отецъ Маркель, подкрался, да за руку ее ханъ.

«— А! говорить, — вотъ когда я тебя поймалъ! Что ты тутъ выводилъ?»

«— Твое имено выставляю, *вѣди*», — говорить попадья.

«— А что такое, говорить, — означаетъ это *вѣди*?»

Попадья говорить, что обозначаетъ его фамилію: «Вѣденинъ», а онъ говорить: «врешь, эти вѣди значить Викторычъ, дьяконъ», и я, говорить, — объ этомъ рапортъ донесу. Съль ночью и написалъ.

Я даже не воздержался при этихъ словахъ дьякона и воскликнулъ: «фу, какая глупость!»

— Нѣтъ-съ, вы еще насчетъ глупости подождите, — оставливается рассказчикъ: — почему же это *вѣди* означаетъ,

что «Викторычъ», когда имя мое *Еремий*, а фамилія *Козлякинъ*? Вѣдь это съ ихъ стороны ничего болѣе, какъ одна глупая забывчивость, что сколько лѣтъ со мною священнодѣйствуютъ, а не знаютъ какъ ихъ дьякона зовутъ! А между тѣмъ, какъ вы, сударь полагаете? — воскликнулъ дьяконъ, становясь въ наполеоновскую позицію, — что изъ того воспослѣдовало? На третій день благочинный пріѣхалъ, уговаривалъ отца Маркела, — что, молъ, по вашему сану, хоша бы и точно такое дѣло было, такъ его нельзя оглашать, потому что за это вы сана лишитесь. Но отецъ Маркель: «пускай, говорятъ, я лучше всего рѣшусь, а этого такъ не пожертвую». Позвали насъ въ консисторію. Отецъ Маркель говоритъ: «я ничего не боюсь и личное съ собою повезу», и повезли то бѣльишко съ собою; но все это дѣло сочтено за глупость, и отецъ Маркель хоша отосланъ въ монастырь на дьячевскую обязанность, но очень въ надеждѣ, что хотя они генерала Гарибальди и напрасно дождались, но зато теперь скоро, говоритъ, — графъ Бисмарковъ изъ Петербурга адъютанта пришлетъ и пастоящихъ русскихъ всѣхъ выгонитъ въ Ташкентъ барановъ стричь... Ну, пусть, но, вѣдь, это еще можетъ пока одинъ разговоръ такой... А я страдаю, и всего уже больше какъ на тридцать овецъ постраждаловалъ. А за что? За сосѣдскую глупость, а межъ тѣмъ, если этакъ долго эти приходы не разверстаются у насъ, все будутъ идти прокриминаціи, и когда меня въ пастоящемъ видѣ сократятъ, мнѣ по торговой части тогда ужъ и починать будетъ не съ чѣмъ. Вотъ что, Орестъ Марковичъ, духовное лицо у насъ теперь въ смущеніе приводитъ.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯ.

Такъ, помаленьку устраниваясь и поучаясь, сижу я однажды предъ вечеромъ у себя дома и вижу, что ко мнѣ на дворъ въѣхала пара лошадей въ небольшомъ тарантасикѣ и изъ него выходитъ очень небольшой человѣчекъ, совсѣмъ похожій съ виду на художника: матовый, блѣдный бронетикъ, съ длинными, черными, прямыми волосами, съ бородкой и съ подвизанными черною косынкой ушами. Походка легкая и осторожная: совсѣмъ петербургская золотуха и мозоли, а глаза сѣрые, большіе, очень добрые и располагающіе.

Подойди къ открытому окну, у котораго я стоялъ, гость

очень развязно поклонился, и несколько меланхолическимъ голосомъ говорить:

— Я не изъ самыхъ пріятныхъ посѣтителей: вашъ становой Васильевъ, честь имѣю рекомендовать, — и съ этимъ направляется на крыльцо; а я встрѣчаю его на порогѣ.

Долженъ вамъ сказать, что я питаю большое довѣріе къ первымъ впечатлѣніямъ, и этотъ золотушный становой обыкновенно понравился мнѣ, какъ только я на него взглянулъ. Я всегда видать становыхъ сытыхъ, румяныхъ, даже красныхъ, мѣшковатыхъ, нескладныхъ и рѣзкихъ, а такихъ, какъ этотъ, мнѣ никогда и въ умъ не приходило себѣ представить.

— Радъ, говорю, — очень съ вами познакомиться, — и повѣрите, дѣйствительно былъ радъ. Такой мягкій человекъ, что хоть его къ больной ранѣ прикладывай, и особенно мнѣ въ немъ понравилось, что хотя онъ съ вида и похожъ на художника, но нѣтъ въ немъ ни этой семинарской застычивости, ни маркерской развязности и вообще ничего лакейскаго, безъ чего художникъ у насъ рѣдко обходится. Это просто входитъ бѣдный джентльменъ, — въ своемъ родѣ олицетвореніе благородной и спокойной гордости и нищеты рыцаря Ламанческаго.

— Благодарю за доброе слово, — отвѣчаетъ онъ тихо и кротко на мое привѣтствіе и входя добавляетъ: — впрочемъ, я, по счастью, дѣйствительно привезъ вамъ такія вѣсти, что онѣ стоять добраго слова, — и съ этимъ даетъ мнѣ бумагу, а самъ прямо отходить къ шкапу съ книгами и начинается читать титулы переплетовъ.

Я пробѣжалъ бумагу и вижу, что предводитель дворянства нашей губернии, въ уваженіе долгаго моего пребыванія за границей и пріобрѣтенныхъ тамъ познаній по части сельскаго благоустройства, проситъ меня принять на себя трудъ приготовить къ предстоящему собранію земства соображенія насчетъ возможно лучшаго устройства врачебной части въ селеніяхъ.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Какъ я кончилъ читать, становой ко мнѣ оборачивается и говорить:

— А что, я вѣдь правъ: вамъ, конечно, будетъ пріятно для бѣднаго человечества поработать.

Я отвѣчаю, что онъ-то правъ, и что я, дѣйствительно, съ удовольствіемъ возьмусь за поручаемое мнѣ дѣло и сдѣлаю все, что въ силахъ, но только жалю, что очень мало знаю условія теперешняго сельскаго быта въ Россіи, и добавивъ, что болѣе пользы надо бы ожидать лишь отъ такихъ людей, какъ онъ и другіе, на глазахъ которыхъ начались и совершаются всѣ нынѣшнія реформы.

— И, полноте!—отвѣчаетъ становой:—да у меня-то о такихъ практическихъ дѣлахъ вовсе и соображенія нѣтъ. Я вотъ больше все по этой части,—и онъ кивнулъ рукой на шкапъ съ книгами.

Намъ подали чай, и мы сѣли за столъ.

— Вамъ,—начинаетъ становой:—можно очень позавидовать: вы, кажется, совсѣмъ опредѣлились.

Я посмотрѣлъ на него вопросительно. Онъ понялъ мое недоумѣніе и сейчасъ объяснилъ:

— Я это сузу по вашимъ книгамъ,—у васъ все болѣе книги историческія.

— Это, отвѣчаю,—книги подбора моего покойнаго дяди, а вы меня застали вотъ за *Душою животныхъ* Вундта,—и показываю ему книгу.

— Не читаль, говоритъ,—да и не желаю. Господишь Вундтъ очень односторонній мыслитель. Я читаль *Тѣло и душа* Ульрици. Это гораздо лучше. Признавать душу у всѣхъ тварей это еще не Богъ вѣсть какое свободомысліе, да и вовсе не ново. Преосвященный Иннокентій вѣдь тоже не отвергалъ души животныхъ. Я слышалъ, что онъ объ этомъ даже писалъ бывшему кievскому ректору Максимовичу, но что намъ еще пока до душъ животныхъ, когда мы своей души не понимаемъ? Согласитесь, это важнѣе.

Я согласился, что стремленіе постичь свою душу очень важно.

— Очень радъ, что вы такъ думаете,—отвѣчалъ становой:—а у насъ этимъ важнѣйшимъ дѣломъ въ жизни пренебрегаютъ. А кричатъ: «нашъ вѣкъ! нашъ вѣкъ!» Скажите же, пожалуйста, въ чемъ превосходство этого вѣка предъ вѣками Платона, Сократа, Сенеки, Плутарха, Канта или Гегеля? Что тогда стремились понять, за то теперь даже взяться не знаютъ. Это ли прогрессъ!.. Нѣтъ-съ: это регрессъ, и это еще Гавриломъ Романовичемъ Державинымъ замѣчено и сказано въ его одѣ «на Счастіе», что

ужь человечество теряет умственный устой: «Повисли въ воздухѣ марышки и весь свѣтъ стать полосатый шутъ». Я понимаю прогрессъ по Сиенсеру, то-есть прогрессъ вижу въ наисовершеннѣйшемъ раскрытіи нашихъ способностей; но этотъ «нашъ вѣкъ» какія же раскрылъ способности? Однѣ самыя грубыя. У насъ тутъ докторъ есть въ городѣ, Алексѣй Ивановичъ Отрожденскій, прекрасный человѣкъ, честный и свѣдущій,—вамъ съ нимъ даже не худо будетъ посоветоваться насчетъ врачебной части въ селеніяхъ,—но ужасно грубый матеріалистъ. Даже странно: онъ знаетъ, конечно, что въ теченіе семи лѣтъ все матеріальное существо человѣка израсходывается и замѣняется, а не можетъ убѣдить себя въ необходимости признать въ человѣкѣ независимое начало, сохраняющее намъ тождественность нашего сознанія во всю жизнь. Какое оупуѣніе смысла! Это даже обидно и мнѣ очень неприятно. Я здоровья, видите, не богатырскаго и впечатлителенъ и отъ всѣхъ такихъ вещей страдаю, а здѣсь особенно много охотниковъ издѣваться надъ вопросами духовнаго міра. Это, по-моему, не что иное какъ невѣжество, распространяемое просвѣщеніемъ, и я оправдываю Льва Николаича Толстого, что онъ называлъ печать «орудіемъ невѣжества». По крайней мѣрѣ по отношенію къ знаменитому «нашему вѣку» это очень вѣрно. Преданія и внутренній голосъ души ничего подобнаго не распространяють.

«Вотъ, думаю, какая птица ко мнѣ залетѣла!»

— Васъ, говорю,—кажется, занимають философскіе вопросы.

— Да, немножко, сколько необходимо, и сколько могу имъ отдать при моей службѣ; да и согласитесь, какъ ими не интересоваться: здѣсь живемъ минуту, а тамъ вѣчность впереди насъ и вѣчность позади насъ, и что такое мы въ этой экономіи? Неужто ничто? Но тогда зачѣмъ же всѣ хлопоты о правахъ, о справедливости? Зачѣмъ даже эти сегоднешнія хлопоты объ устройствѣ врачебной помощи? Тогда все вздоръ, nihil. Не все ли равно, такъ ли пропадутъ эфемериды, или иначе? Минутой раньше или минутой позже—не все ли это равно? Родительское чувство, или гуманность... Да и они ничтожны!.. Если дѣти наши мошки и жизнь ихъ есть жизнь мошекъ, или еще того менѣе, такъ о чемъ хлопотать? Родилось, умерло и пропало; а если всѣ сразу

умрутъ, и еще лучше—и совсѣмъ не о чемъ будетъ хлопотать. А ужъ что касается до иныхъ заботъ,—о правахъ, о справедливости, о возмездіи, объ отмщеніи притѣснителямъ и обо всемъ, о чемъ теперь всѣ говорятъ и пишутъ, такъ это ужъ просто сумасшествіе: стремиться къ идеаламъ для того, что само въ себѣ есть nihil... Я не понимаю такого идеализма при сознаніи своей случайности.

«Позвольте, да что же это за становой!»

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТАЯ.

Я крайне заинтересовался моимъ гостемъ и говорю ему, что любопытствую знать, какого мнѣнія держитесь онъ объ этомъ самъ?

— Я вамъ на это, говорить, — могу смѣло отвѣчать: и держусь самаго простого мнѣнія, и какъ мнѣ и очень многимъ кажется, самаго яснаго: въ экономіи природы ничто не исчезаетъ, никакая гадость; за что же должно исчезнуть одно самое лучшее: начало, воодушевлявшее человѣка и двигавшее его разумъ и волю? Этого не можетъ быть! Разумѣется, утверждаютъ, что все это не матерія, а функция; и однако этого мнѣнія не раздѣляю и стою за самостоятельное начало душевныхъ явленій. Конечно, объ этомъ теперь идутъ и почти всегда шли безконечные споры, но меня это не смущаетъ: во-первыхъ, истинные ученые за насъ... Вонъ ужъ и Лудвигъ въ *Lehrbuch der Physiologie* прямо сознаетъ, что въ каждомъ ощущеніи, кромѣ того, что въ немъ можетъ быть объяснено раздраженіемъ нервовъ, есть *ничто* особенное, отъ нервъ независимое, а душой-то всѣ эти вопросы постигаются ясно и укладываются въ ней безмятежно. Отрожденскій все упираетъ на то, что даже и самому Строителю міра мѣста будто бы нигдѣ нѣтъ; а я ему возражаю, что мы и о мѣстахъ ничего не знаемъ, и указываю на книжку Фламаріона *Многочисленность обитаемыхъ міровъ*, но онъ не хочетъ ее читать, а только бранится и говоритъ: «Это спиритскія бредни». Но какъ же спиритскія бредни, когда вѣдь онъ самъ этой книги не читалъ и даже не знаетъ, что Фламаріонъ профессоръ астрономіи? Вотъ такимъ образомъ съ нимъ совсѣмъ спорить и невозможно.

— Вы метафизикъ?

— Нѣтъ, я въ вопросахъ этого рода рѣдко иду путемъ умозаключеній, хотя и люблю искусную и ловкую игру

этим орудіемъ, какъ, напримѣръ, у Лаврентія Стерна, котораго у насъ, впрочемъ, повѣжды считаютъ своимъ братомъ скотомъ, между тѣмъ, какъ онъ въ своемъ «Коранѣ» приводитъ очень усердно и тончайшія фибры Левенхука, и песчинку, покрывающую сто двадцать пять орифисовъ, черезъ которыя мы дышимъ, и другое многое множество современныхъ ему открытій въ доказательство, что вещи и явленія, которыхъ мы не можемъ постигать нашимъ разсудкомъ, вовсе не невозможны отъ этого, — но все это въ сторону. Я признаю священныя тайны завѣта и не подвергаю ихъ бесплодной критикѣ. Къ чему, когда инструментъ нашъ плохъ и не беретъ этого? Нѣтъ, постиженіе сверхъестественнаго и духовнаго и метафизическимъ методомъ, по моему, не приноситъ никакого утѣшенія и только сбиваетъ. Развѣ иногда въ шутку съ Отрожденскимъ, когда онъ издѣвается надъ вѣчностью и отвергаетъ все неизлѣдимое на томъ основаніи, что все сущее будто бы уже изслѣдовано въ своихъ явленіяхъ и причинахъ, ну, тогда я, шутя, дозволяю себѣ употребить нѣчто въ родѣ метафизическаго метода такимъ образомъ, что спросишь: Извѣстно ли ученымъ, отчего кошки слѣплыми рождаются? отчего конь коню въ одномъ мѣстѣ другъ друга чешутъ? отчего голубь въ полночь воркуетъ? «Неизвѣстно!..» Но, говорить, «это вздоръ!» Какъ вздоръ? Вотъ ужъ сейчасъ отсюда прямо и пойдетъ несостоятельность и послышки на то, что еще «откроютъ». Дай Богъ, конечно, открытій, я ихъ жарко желаю, — не по своей, разумѣется, должности, — но все, что ученые откроютъ, то все въ нашу пользу, а не въ пользу матеріалистовъ. Вотъ матеріалисты нивѣсть какъ радовались работамъ надъ мозгами, а что вышло? Открыто, что мозгъ свиньи и дельфина очень развитъ, а собака вѣдь умнѣ ихъ, хоть мозгъ ея развитъ и хуже. Вотъ вамъ и доказали!

Становой добродушно засмѣялся.

— Вы, любопыствую, — въ духовной академіи воспитывались, или въ университетѣ?

— Нѣтъ, я такъ, кое-въ-какомъ французскомъ пансіоникѣ учился: въ казенное заведеніе, по тогдашнимъ правиламъ, я не могъ попасть, потому что Васильевъ, какъ я называюсь, — это вѣдь не настоящая, то-есть не родовая моя фамилія. Моя покойница матушка была швейцарка... дѣвица... очень бѣдная... въ экономкахъ служила у одного

русскаго помѣщика. Отца своего я не зналъ... я... понимаю, только сынъ моей матери, и Васильевымъ называюсь по крестному отцу. Самъ я, однако, русскій, а въ чины произошелъ такимъ образомъ, что въ харьковскомъ университетѣ экзаменъ на уѣзднаго учителя выдержалъ; по ма-тушка пожелала, чтобъ я вышелъ изъ учителей и пошелъ въ чиновники. Находила, что это благороднѣе; можетъ-быть, заблуждалась; ну, это ей такъ было угодно, — я исполнилъ ея волю; а теперь ужъ и она скончалась, а я все служу. Боюсь, чтобъ ей не было неприятно, что я какъ будто ждалъ ея кончины. Да и зачѣмъ мѣнять?

— Но насколько, говорю, — смѣю позволить себѣ судить о васъ по нашему мимолетному знакомству и по вашимъ искреннимъ словамъ, — вамъ, вѣроятно, учительскія занятія были бы гораздо сроднѣе, чѣмъ обязанности полицейской службы?

— Ахъ, полноте: не все ли это равно, на какомъ стулѣ ни посидѣть въ чужой гостиной? Не оглинешься, какъ праотцы отсюда домой позовутъ. Нѣтъ, это мнѣ совершенно все равно: на умѣренные мои потребности жалованья мнѣ достаетъ; я даже и роскошь себѣ позволяю — фортепіано имѣю; а служба самая легкая: все только исполняю то, что велѣно, а своею совѣстью, своимъ разумомъ и волей ни на волосъ ничего не дѣлаю... Какъ хотите, эти выгоды чего-нибудь да стоятъ; я совершенно безответственъ! Знаете, *summa jus summa injuria* — высочайшее право есть высочайшее безправіе. Вотъ если бъ у меня была такая ужасная должность, какъ напримѣръ прокурорская, гдѣ надо людей обвинять, — ну, это, разумѣется, было бы мнѣ нестерпимо, и я бы страдалъ и терзался; но теперь я совершенно доволенъ моимъ положеніемъ и счастливъ.

— Но жаль, замѣчаю, — что вы себѣ, напримѣръ, не усвоили адвокатуры. Вы могли бы принести много добра.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, не жалѣйте! Да и какое тамъ возможно добро? Одно выручай, другого топн. Нѣтъ, это тоже не по мнѣ, и я благодарю Бога, что я на своемъ мѣстѣ.

— Да ужъ судьей даже, и то, — настаиваю, — вы были бы болѣе на мѣстѣ.

— Нѣтъ, Боже меня сохрани: что здѣсь за правда на этой планетѣ, и особенно юридическая правда, которая и на наши-то несовершенныя понятія совсѣмъ не правда, а часто одно поношеніе правды! Да иначе и быть не можетъ. Юридическая правда идетъ *подъ чертою* закона несовершеннаго, а правда нравственная выше всякой черты въ мірѣ. Я вѣдь, если откровенно говорить, я до сихъ поръ себя не рѣшилъ: преступленіе ли породило законъ, или законъ породилъ преступленіе? А когда мысленно дѣлаю себя чымъ-нибудь судьей, то я, въ здоровомъ умѣ, думаю, какъ король Лиръ думалъ въ своемъ помѣшательствѣ: стѣить только вникнуть въ исторію преступленій и видишь: «нѣтъ виноватыхъ». Я знаю, что это противно — не законамъ гражданскимъ, — нѣтъ, я объ этомъ вздорѣ не говорю, но это противно положеніямъ, вытекающимъ изъ понятія о самостоятельности душевныхъ явленій. Вотъ тутъ и начинается мой разладъ и неопредѣленность, потому что я все-таки чувствую, что «нѣтъ виноватыхъ», а это несомнѣннѣе. Отрожденскій увѣряетъ меня, что я сумасшедшій. Онъ видитъ вопіющую несообразность въ томъ, что я, допуская свободную волю, не оправдываю убійства и мщенія, и клянется, что меня за мои несообразности когда-нибудь въ желтый домъ посадятъ. Но скажите, Бога ради, развѣ меньшая несообразность утверждать, что у человѣка нѣтъ свободной воли, что онъ зависитъ отъ молекулъ и отъ нервныхъ узловъ, и въ то же самое время мстить ему за то, что онъ думаетъ или поступаетъ такъ, а не этакъ? Вѣдь это верхъ несправедливости! Нѣтъ, я убѣжденъ, что мстить и убивать человѣка не слѣдуетъ ни обыкновеннымъ людямъ, ни правителямъ. Никто не виноватъ — «нѣтъ виноватыхъ»! Если все дѣло въ нашихъ молекулахъ и нервахъ, то люди ни въ чемъ не виноваты, а если душевныя движенія ихъ независимы, то «правители всегда впору своему народу», какъ сказалъ Монтескьё; потомъ вѣдь... что же такое и сами правители? Что тутъ серьезнаго и съ кѣмъ изъ нихъ стѣить считаться? Все это такое nihil, такое ничто... Одинъ крошечку получше, другой крошечку похуже: не все ли это равно тому, кто совсѣмъ нигилистъ и кто не иллистъ? Это можетъ озабочивать одну мелочь: газетчиковъ, журналистовъ и другой подобный имъ мелкій людъ, но не настоящаго человѣка, постигающаго свое призваніе. Другое дѣло, если

бы могло идти дѣло о чемъ-нибудь такомъ, чѣмъ бы достигалась общая правда...

— А вы надѣетесь, что она достижима?

— Еще бы! Непремѣнно-съ достижима.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТАЯ.

Становой улыбнулся, вздохнулъ и, помолчавъ, тихо проговорилъ въ раздумьѣ:

— Одна минута малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ была бы минута непростительной, малодушной трусости.

— А какъ близка эта минута? Когда вы ожидаете видѣть царство всеобщей правды?

Становой снова улыбнулся, беззаботно и бодро крикнувъ, отвѣчалъ, что годъ тому назадъ ему лучшіе врачи въ Петербургѣ сказали, что онъ больше двухъ лѣтъ не проживетъ.

— Ну, допустить, говорить,—что эти ученые люди, при нынѣшней точности ихъ основательной науки, лѣтъ на десять ошиблись, а все-таки мнѣ, значить, недалеко до интереснаго дня.

— То-есть вы интереснымъ днемъ считаете день смерти?

— Да, когда отворится дверь въ другую комнату. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ съ поэтиче-скимъ прозорливствомъ подмѣтилъ это любопытство у Сенеки въ его разговорѣ съ Луканомъ въ «Трехъ смертяхъ». Согласитесь, что это самый интереснѣйшій моментъ въ человѣческой жизни. Вотъ я сижу у васъ, и очень весело обо всемъ мы разсуждаемъ, а вѣдь я не знаю, есть ли у васъ кто тамъ за этой запертою дверью, или никого нѣтъ? А между тѣмъ всякій шорохъ оттуда меня... если не тревожить, то интересуеть: кто тамъ такой? что онъ дѣлаетъ? А сердиться на то, что вы мнѣ этого не сообщаете,—я не смѣю: вы хозяинъ, вы имѣете право сказать мнѣ объ этомъ и имѣете право не сказать. Это такъ; но разъ, что я заподозрилъ, что тамъ кто-то есть, я все-таки долженъ лучше предполагать, что тамъ хорошее общество. Я обязанъ такъ думать изъ уваженія къ хозяину, и вотъ я стараюсь быть достойнымъ этого общества, я усиливаюсь держать себя порядочно, вести разговоръ, не оскорбляющій развитого чувства. Проходитъ нѣкоторое время, и вдругъ вы, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, отворите двери и попросите меня перейти въ то общество и... мнѣ

ничего; мнѣ не стыдно и меня оттуда не выгонять. А держи я себя здѣсь сорванцомъ и негодеемъ, мнѣ туда или отъ стыда нельзя будетъ взойти, или просто меня даже не пустятъ.

— А если тамъ никого и ничего нѣтъ въ той комнатѣ?

— Что жъ такое? Если и такъ, то развѣ мнѣ хуже отъ того, что я велъ себя крошечку получше? Я и тогда все-таки не въ потерѣ. Повѣрьте, что самое маленькое усовершенствованіе есть въ сущности очень большое приобрѣтеніе и доставляетъ изыщѣйшее наслажденіе. Я вѣдь отрицаю значеніе такъ-называемыхъ великихъ успѣховъ цивилизаціи: учрежденія, законы — это все только обуздываетъ зло, а добра создать не можетъ ни одинъ гений; эта планета исправительный домъ, и ея условія неудобны для общаго благоденствія. Человѣкъ тутъ легко обозливается и легко падаетъ. Вотъ на этотъ-то счетъ и велико ученіе церкви о благодати, которая въ церковномъ единеніи восполняетъ оскудѣвающихъ и регулируетъ вселенскую правду.

— Скажите, говорю, — Бога ради: зачѣмъ же вы, при такомъ вашемъ возрѣвнн на все, не ищите мѣста священника?

— Это уже не вы одни мнѣ говорите, но вѣдь все это такъ только кажется, а на самомъ дѣлѣ я, видите, никакъ еще для себя не опредѣлюсь въ самыхъ важныхъ вопросахъ; у меня все мѣшается, то одно, то другое... Отрожденскій, — тотъ матеріалистъ, о которомъ я вамъ говорилъ, — потѣшается надъ этими моими затрудненіями опредѣлить себя и предсказываетъ, что я опредѣлю себя въ сумасшедшій домъ; но это опять хорошо такъ, въ шутку, говорить, а на самомъ дѣлѣ опредѣлиться ужасно трудно, а для меня даже кажется будетъ и совсѣмъ невозможно; но чтобы быть честнымъ и послѣдовательнымъ, я ужъ, разумѣется, долженъ идти, пока дальше нельзя будетъ.

— Въ чемъ же, говорю, — ваши затрудненія? Можетъ-быть, это что-нибудь такое, чтò, при извѣстныхъ стараніяхъ, при извѣстныхъ усиліяхъ, могло быть бы улажено?

— Нѣтъ, благодарю васъ; это дѣло здѣсь, въ Россіи, уже неисправимое: я самъ виноватъ, я былъ неостороженъ или, если вы хотите, доврчивъ — и попался. Позвольте, я вамъ это расскажу?

— Ахъ, пожалуйста!

— Извольте, случай прекуръезный.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМАЯ.

— Я былъ очень радъ,—началь становой:—что родился римскимъ католикомъ; въ такой странѣ, какъ Россія, которую принято называть самою вѣротерпимою и по неотразимымъ побужденіямъ искать соединенія съ независимѣйшею церковью, я уже былъ и лютераниномъ, и реформатомъ, и вообще три раза перешелъ изъ одного христіанскаго исповѣданія въ другое, и все благополучно; но два года тому назадъ я принялъ православіе, и вотъ въ этомъ собственно вся исторія. Мнѣ одно очень правилось, но особенно въ этомъ случаѣ на меня имѣли очень большое вліяніе неодобренныя сочиненія Иннокентія и запрещенныя богословскія сочиненія Хомякова, написанныя, впрочемъ, въ строго-православномъ духѣ. Это могущественная пропаганда въ пользу православія. Я убѣдился изъ второго тома этихъ сочиненій въ чистотѣ и многихъ превосходствахъ восточнаго православія, а особенно въ его прекрасномъ устроеніи государства въ дѣлѣ вѣры. Пльнясь этимъ, я съ свободнѣйшею совѣстью перешелъ въ православіе; но... оказывается, что этой вѣры я уже переменить не могу.

— Конечно, говорю,—не можете. А вы этого не знали?

— Представьте, этого-то я и не зналъ; а то, разумеется, я подождать бы.

— То-есть, чего же вы подождали бы?

— Испыталъ бы прежде еще нѣкоторыя другія вѣроисповѣданія, которыя можно переменить, а православіе оставилъ бы на самый послѣдъ.

— Да зачѣмъ же, спрашиваю,—это вамъ нужно мѣнять его? Развѣ вы разочаровались и въ убѣдительности словъ Иннокентія и Хомякова, и въ чистотѣ самаго православія?

— Нѣтъ, не разочаровался несколько ни въ чемъ, но меня смутило, что православія нельзя переменить. Сознаніе этой несвободности меня лишаетъ спокойствія совѣсти. Самостоятельность моя этимъ подавлена и возмущается. Я подаль просьбу, чтобъ мнѣ позволили выйти, а если не позволять, то думаю уйти въ Турцію, гдѣ христіанскія исповѣданія не имѣютъ протекціи и оттого въ извѣстномъ отношеніи свободнѣе и ближе къ духу Христова ученія. Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта, а теперь прощайте и извините меня, что я отнял у васъ много времени.

Я было просилъ его поужинать и переночевать, по ставовой отъ этого рѣшительно отказался и сказалъ, что онъ долженъ еще посидѣть въ сосѣдную деревню для продажи «крестьянскихъ излишковъ» на взысканіе недоимки.

— Какіе же вы у нихъ находите «излишки»?—спрашиваю его на порогѣ.

— А какіе у нихъ могутъ быть излишки? Никакихъ. Продаемъ и ложку, и плошку, овцу, корову, — все, кромѣ лошадей и сохъ.

— И что же, вы производите это, не смущаясь совѣстью и безъ борьбы?

— Ну, какъ вамъ сказать, операція самая неприятная, потому что тутъ и дѣтскій плачь, и женскій вой, и тяжелые мужичьи вздохи... однимъ словомъ, все, что описано у Беранже: «вставай, братъ,—пора, подать въ деревнѣ собираютъ съ утра...» Очень тяжело; но вѣдь во всякомъ случаѣ видѣтъ эти страданія и скорбѣтъ о своемъ безсиліи отворотить ихъ все-таки легче, чѣмъ быть ихъ инициаторомъ. Мои обязанности все-таки всѣхъ легче: я машина, да-съ, я не что другое, какъ послѣдняя спица въ колесницѣ: съ меня за это не взыщется, а тѣмъ, кто эти денежки тянетъ, да транжиритъ безъ толку... Охъ, я скорбю за нихъ; а впрочемъ, все равно: вездѣ непониманіе—«нѣтъ виноватыхъ, нѣтъ виноватыхъ», да, можетъ-быть, нѣтъ и правыхъ.

На сихъ словахъ мы разстались съ этимъ антикомъ, и онъ уѣхалъ.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМАЯ.

Становой Васильевъ довольно долго не шелъ у меня изъ головы, и я даже во снѣ не разъ видалъ его священникомъ въ ризѣ, а въ его фуражечкѣ съ кокардой—отца Маркела, ожидавшаго себѣ въ помощь генерала Гарибальди изъ Петербурга. Впрочемъ, я и въявь былъ того убѣжденія, что имъ очень удобно было бы помѣняться мѣстами, если бы только не мѣшало становому смущавшее его недозволеніе перемѣнить православную вѣру, которую онъ собственно и не имѣлъ нужды перемѣнять. Но вопросъ объ устройствѣ врачебной части въ селеніяхъ занималъ меня еще болѣе и вытѣснилъ на время изъ моей головы и ссоры нашей поповки, и религіозно-философскія сомнѣнія моего приходскаго станowego. Я никогда ничѣмъ дѣльнымъ не послу-

жилъ землѣ своей и потому при этомъ случаѣ, представляемъ мнѣ порадовать въ ея пользу, взялся за дѣло съ энергіей, какой даже не предполагалъ въ себѣ.

Я принялся писать. Пока я излагалъ историческое развитіе этого дѣла въ чужихъ краяхъ, все у меня шло какъ по маслу; но какъ только я написалъ: «обращаемся теперь къ Россіи»—все стало въ пень и не движется.

Съ великими натугами скомпилировалъ я кое-какъ, по офціальнымъ источникамъ, то, что разновременно предполагалось и устанавливалось для народнаго здравія; но чувствую, что все это сухо и что въ исполненіи, какъ и въ неисполненіи всёхъ этихъ предначертаній и указовъ, вездѣ или непроглядная тьма, или злая пронія... Выходить, что все это никуда не годилось, кромѣ какъ на смѣхъ... А что здѣсь гоже? что примчиво? что въ этомъ родѣ можетъ принести добрый плодъ на нашей почвѣ? Просто отчаяніе! Чѣмъ больше думаю, тѣмъ громаднѣе вырастаютъ и грозоздятся предо мною самыя ужасныя опасенія насмѣшекъ жизни. Комическая вещь, въ самомъ дѣлѣ, если и въ настоящемъ случаѣ съ народомъ повторится комедія, которую господа врачи разыгрываютъ съ больными нищими, назначая имъ лафитъ къ столу и катанье предъ обѣдомъ въ покойной коляскѣ!.. А съ другой стороны, что же и присовѣтуешь, когда и лафитъ, и коляска нужны? Говорятъ: главное дѣло тигіена; но, Бога ради: какая же такая тигіена слыхана въ русской избѣ?.. А между тѣмъ до собраній, въ которыя я долженъ явиться, остается уже недалеко и надо будетъ представить дѣло въ обстоятельномъ изложеніи, съ обдуманными предположеніями. Что же предполагать и что планировать? Просто до нѣкотораго отчаянія дошелъ я и впалъ въ такую нервическую раздражительность, что на себя управы никакой не находилъ.

Думаль-думаль, и видя, что ничего не выдумаю, рѣшилъ себѣ съѣздить въ свой уѣздный городъ и повидаться съ тѣмъ матеріалистомъ-врачомъ Отрожденскимъ, о которомъ мнѣ говорилъ и съ которымъ даже совѣтовалъ повидаться становой Васильевъ. Сказано—сдѣлано: приѣзжаю въ городишко, остановился на постояломъ дворѣ, и чтобъ имѣть предлогъ познакомиться съ докторомъ не совѣмъ офціальнымъ путемъ, посылаю просить его къ себѣ, какъ больной—врача.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТАЯ.

Человѣкъ пошелъ и черезъ минуту возвращается.

— Лѣкаръ, говоритъ, — не пошли-съ.

— Какъ, спрашиваю, — отчего онъ не пошелъ?

— Начали, говоритъ, — разспрашивать: «Умираешь твоей баринъ или нѣтъ?» — Я говорю: нѣтъ, слава Богу, не умираешь. — «И на ногахъ, можетъ-быть, ходить?» — На чемъ же итъ, отвѣчаю, и ходить, какъ не на ногахъ. — Докторъ меня и норугалъ: «Не остри, изволили сказать, потому что отъ этого умѣе не будешь, а отиравайся къ своему барину и скажи, что я къ нему не пойду, потому что у кого ноги здоровы, тотъ самъ можетъ къ лѣкарю ирѣдти».

Выслушавъ такой рапортъ моего слуги, я нимало не обидѣлся; что же, думаю, изъ «новыхъ людей» оцѣ! Взялъ шляпу и трость, и пошелъ къ нему самъ.

Застаю, въ неособенно чистой комнатѣ, небольшого довольно полного брюнета, лѣтъ сорока двухъ, скоро пишу-щаго что-то за ломбернымъ столомъ.

Извинился и спрашиваю: дома ли докторъ Отрожденскій?

— Весь къ вашимъ услугамъ, — отвѣчаетъ, не оборачиваясь, брюнетъ. — Присядьте, если угодно; я сейчасъ только отъѣвъ уѣздному начальнику допишу.

Я присѣлъ и смотрю сбоку на моего хозяина: лицо довольно симпатичное, а въ большихъ сѣрыхъ глазахъ видны и умъ, и доброта.

Пока я его разсматривалъ, онъ кончилъ свое писаніе, расчеркнулся, записалъ бумагу въ книгу, запечаталъ въ конвертъ, свистнулъ и, вручивъ вошедшему солдату этотъ пакетъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что мнѣ угодно?

— Прежде всего, говорю, — мнѣ, господа, докторъ, кажется, что я немножко нездоровъ.

— Ну, будьте увѣрены, что если еще самимъ вамъ только *кажется*, что вы нездоровы, такъ болѣзнь не очень опасная. Что же такое вы чувствуете?

Я пожаловался на нервное раздраженіе.

Лѣкаръ посмотрѣлъ на меня, пожалъ меня рукой не за пульсъ, а за плечо и, вздохнувъ, отвѣчаетъ:

— Вы вотъ очень толсты: видите, сколько мяса и жиру себѣ наѣли. Васъ надо бы хорошенько выпотнить.

— Какъ же, говорю,—это выпотнить?

— Вы богаты или нѣтъ?

— У меня, отвѣчаю:—есть обезпеченное состояніе.

— Да? ну, это скверно: не на кордѣ же вамъ въ самомъ дѣлѣ себя гонять, хоть и это бы для васъ очень хорошо. Меньше ѣшьте, меньше спите... Управляющій у васъ есть?

— Есть.

— Отпустите его, а сами разбирайтесь съ мужиками: они вамъ скоро жиру поспустятъ. Потомъ, когда обвыкнетесь и будете имѣть уже настоящее тѣло, — полное, вотъ какъ я, но безъ жира, тогда и избавитесь отъ всякой первической чепухи.

— Но вѣдь согласитесь, говорю: — эта первическая чепуха очень непріятна.

— Ну, съ какой стороны смотрѣть на это: кому не на что жаловаться, такъ гадкіе нервы имѣть даже очень хорошо. Больше я вамъ ничего сказать не могу,—заклучилъ докторъ, и самъ приподнимается съ мѣста, выпроваживая меня такимъ образомъ вонъ.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ.

«Нѣтъ, позволь, думаю себѣ, братъ, ты меня такъ скоро не выживешь».

— Я, говорю,—кромѣ того, имѣю надобность поговорить съ вами уже не о моемъ здоровьѣ, а о народномъ. Я имѣю порученіе представить будущему собранію земства нѣкоторыя соображенія насчетъ устройства врачебной части въ селеніяхъ.

— Такъ зачѣмъ же, говорить, — вы мнѣ давеча не дали знать объ этомъ съ вашимъ лакеемъ? Я бы по первому его слову пришелъ къ вамъ.

Я нѣсколько позамышлялъ отвѣтомъ и пробурчалъ, что не хотѣлъ его беспокоить.

— Напрасно, отвѣчаетъ. — Вѣдь все же равно, вы меня звали, только не за тѣмъ, за чѣмъ слѣдовало; а по службѣ звать никакой обиды для меня нѣтъ. Назвался груздемъ—подѣзай въ кузовъ; да я и самъ бы радъ скорѣе съ плечъ свалить эту пустую консультацию. Не знаю, что вамъ угодно отъ меня узнать, но знаю, что рѣшительно ничего не знаю

о томъ, что можно сдѣлать для учрежденія врачебной части въ селеніяхъ.

— Представьте, что и я, говорю,—тоже не знаю.

— Ну, вотъ и прекрасно! значить, у насъ обоихъ на первыхъ же порахъ достигается самое полное соглашеніе: вы такъ и донесите, что мы оба, посовѣтовавшись, рѣшили, что мы оба ничего не знаемъ.

— Но это будетъ шутка.

— Нѣтъ, напротивъ, самая серьезная вещь. Шутить будутъ тѣ, кто начнетъ рассказывать, что они что-нибудь знаютъ и могутъ что-нибудь сдѣлать.

— Не можете ли, по крайней мѣрѣ, сообщить ваши взгляды о томъ, что надо преобразовать?

— Это могу: надо преобразовать европейское общество и экономическое распоряженіе его средствами. У меня для этого примѣнительно къ Россіи даже составлена кое-какая смѣта, которою я,—исходя изъ того, что исправное хозяйство одного крестьянскаго дома стодитъ среднимъ числомъ сто пятьдесятъ рублей, — доказываю, что путемъ благоразумныхъ сбереженій въ одномъ Петербургѣ можно въ три года во всей Россіи уменьшить на двадцать пять процентовъ число заболѣваній и на пятьдесятъ процентовъ цифру смертности.

— Это, отвѣчаю,—очень интересно, но вѣдь отъ насъ не этихъ соображеній требуютъ. Отъ насъ ждутъ соображеній: что можно сдѣлать для народнаго здоровья въ тѣхъ средствахъ, въ какихъ находитесь нынче жизнь народа.

— Да, отъ насъ требуютъ соображеній: какъ бы соорудить народу епанчу изъ трипскина кафтана? Портные, я слышалъ, по поводу такой шутки говорятъ: «что если это выправить, да переправить, да аршинъ шесть прибавить, то выйдетъ и епанча на плеча».

— Согласенъ, отвѣчаю,—съ вами и въ этомъ; но вѣдь надо же съ чего-нибудь начать, чтобы найти выходъ изъ этого положенія. Я вотъ разсмотрѣлъ нѣсколько статистическихъ отчетовъ о заболѣвающихъ и о смертности по группамъ болѣзней, и...

— И напрасно все вы это сдѣлали,—перебилъ меня докторъ.— Эти отчеты способны только пугать, а не уяснить дѣло. Наша литература въ этомъ отличается. Вонъ я недавно читалъ въ одной газетѣ, будто *всѣ* болѣзни войска

разносить. Очень умно! И лихорадка, и пясморкъ—это все отъ войск! Глупо, но есть выводъ и направлєніе, и дѣло въ шлягѣ. Такъ и всѣ смертныя случаи у насъ яришсываются той или другой причинѣ для того, чтобъ отнєсаться, а народъ мретъ положительно только отъ трехъ причинъ: отъ холода, отъ голода и отъ глупости. Отъ этихъ хворобъ его и надо лѣчить. Какія же отъ этого лѣкарства и въ какомъ порядкѣ ихъ надо давать? Это то же, что известная задача: какъ въ одной лодкѣ перевезти чрезъ рѣку волка, козу и капусту, чтобъ волкъ козы не съѣлъ, а коза — капусту, и чтобы всѣ цѣлы были. Если вы устремитесь прежде всего на уничтоженіе вредно дѣйствующихъ причинъ отъ холода и голода, тогда надо будетъ лѣчить не народъ, а нѣкоторыхъ другихъ особъ, изъ которыхъ каждой надо будетъ или выпустить крови отъ одной пятой до шестой части вѣса всего тѣла, или же подвѣсить ихъ каждому минутъ на пятнадцать на веревку. Потомъ бы можно, пожалуй, и святъ, а можно и не снимать... Но это ни къ чему путному не поведетъ, потому что въ народѣ останется одна глупость, и онъ, избавившись отъ голода, обезжрется и сдуру устроится еще хуже нынѣшняго. Стало-быть, надо начинать съ азовъ — съ лѣченія *отъ глупости*. Я постоянно имѣю съ этимъ дѣло, и давно предоставилъ моему фельдшеру свободное право — по его собственной фантазїи опредѣлять причины смерти вскрываемыхъ труповъ, и знаю, что онъ все вретъ. Дѣло гораздо проще. Зимой мужикидохнуть преимущественно отъ холода, отъ дрянной одежды и дрянного помѣщенія, по веснамъ — съ голоду, потому что при началѣ полевыхъ работъ ашпетить у нихъ разгорается огромный, а удовлетворять его нечѣмъ; а затѣмъ остальное время—отъ пьянства, драки и вообще всякихъ глупостей, происходящихъ у глупаго человека отъ сытости.

— Вы сытость, говорю,—тоже полагаете въ числѣ вредностей?

— А непременно: дурака до-сыта кормить нужно съ предосторожностями. Смотрите: вонъ овсяная лошадь... ставьте ее къ овсу смѣло: она ѣсть, и ей ничего, а припустите-ка мужичью клячу: она либо облопаится и падетъ, либо пойдетъ лигаться во что попало, пока сама себя всѣ ноги поотколочитъ. Вонъ у насъ теперь на линїи, гдѣ чу-

гунку строить, какой морь пошел! Всякій день меня туда возить; человекъ по четыре, по пяти вскрываю: неукротимо мрутъ отъ хорошей нищи.

— Отъ хорошей?!—спрашиваю съ удивленіемъ.

— Да, отъ хорошей-съ, а не отъ худой. Это чиновникамъ хочется доказать, что отъ худой, чтобы подрядчика прижать, а я знаю, что непомѣрная смертность идетъ отъ хорошаго свойства нищи, и мужики сами это знаютъ. Какъ только еще началась эта исторія, человекъ съ двадцать сразу умерло; я спрашиваю: «отчего вы, ребята,дохнете?»— «А все съ чистаго хлѣба, говорятъ,дохнемъ, ваше высокоблагородіе,— какъ мы зимой этого чистаго хлѣбушка дома не чавкали, а все съ мѣкиной, такъ вотъ таперича на чистой хлѣбъ насъ посадили и номираемъ». Обдержатся—ничего, а какъ новая партія придетъ— опятьдохнуть. Съ мѣсяць тому назадъ сразу шесть человекъ вытянулись: два брата какъ другъ противъ друга сидѣли, ѣвши кашу, такъ оба и покатались. Вскрывать ихъ фельдшеръ: въ желудкѣ каша, въ нищеводѣ каша, въ глоткѣ каша и во рту каша; а остальные, которые переносятъ, жалуются: «Мы, бають, твоя милость, съ сытости стали на ноги падать, работать не можемъ».

— Ну, и чѣмъ же вы имъ помогли? Любопытно знать.

— Велѣлъ ихъ въ полъ-обѣда отгонять отъ котла палками. Подрядчикъ этого не смѣлъ; но они сами изъ себя трехъ разгонщиковъ выбрали, и смертность уменьшилась, а теперь вѣялись, и ничего: фунтъ меду мнѣ въ благодарность принесли.

Представьте себѣ мое положеніе съ такимъ консультантомъ!

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.

— Но вѣдь это, говорю,—все, что вы изволили разсказать, случаи экстренные, а вѣдь мы должны имѣть въ виду другое, когда крестьянинъ умираетъ своею смертию безъ медицинской помощи.

— Да зачѣмъ же ему нужно умирать съ медицинской помощью?—вопросилъ лѣкарь.—Развѣ ему отъ этого легче будетъ и дешевле? Пустяки-съ все это! Поколику я медикъ и могу оказать человекъ услугу, чтобы онъ при моемъ содѣйствіи умеръ съ медицинской помощью, то ручаюсь

вамъ, что отъ этого мужику будетъ нимаго не легче, а только гораздо хлопотнѣе и убыточнѣе.

Удивился я, и прошу его объяснить мнѣ: отчего же это будетъ убыточнѣе, если съ мужика ни за рецептъ, ни за лѣкарство ничего не возьмутъ?

— А оттого, отвѣчаетъ, — что мужикъ не вы, онъ не пойдетъ къ лѣкарю, пока ему только *кажется*, что онъ нездоровъ. Это дѣлаютъ жида, да дворяне, эти охотники пачкаться, а мужикъ человекъ сдѣланный и солидный, онъ разсказами это про свои болѣзни докучать не любитъ и отъ лѣкаря прячется, и со смокомъ дожидается, пока смерть придетъ, а тогда ужъ любитъ, чтобъ ему не мѣшали умирать и даже готовъ за это деньги платить.

«Ну,—думаю себѣ,—это ты, любезный другъ, врешь; я вовсе не такъ глупъ, чтобъ тебѣ повѣрить», и говорю ему:

— Извините меня, но я никогда еще не слыхалъ, чтобъ какой-нибудь человекъ платилъ врачу деньги за то, чтобъ ему поскорѣе умереть.

— Мало ли, отвѣчаетъ,—чего вы не слыхали. Я много разъ это видѣлъ въ военныхъ больницахъ, особенно въ Петербургѣ: казаки изъ старовѣровъ, ахъ, какъ спокойно это совершаютъ! Съ большою-съ, съ большою серьезностью... скорѣе семь разъ умереть, чѣмъ позволить себѣ клистирь сдѣлать, да-съ. Да вотъ даже нынѣшнимъ еще лѣтомъ со мною былъ такой случай, уже не въ больницѣ. Тутъ помѣщица есть, очень важная барыня, — отсюда верстахъ въ десяти, — тоже вотъ, въ родѣ васъ, совсѣмъ ожирѣла. Разсердилась она какъ-то на дочь и расходилась у ней, какъ у васъ, самордаки; дочь ея пишетъ мнѣ, что «маменька умираетъ совсѣмъ». Думаю: чортъ знаетъ, пожалуй, чего добраго, и дѣйствительно умереть, и за нее, какъ за что пущое, подъ судъ попадешь, что не подалъ помощи. Отправился къ ней на таратайкѣ. Приѣзжаю, просить подождать. Жду и наблюдаю изъ залы, какъ мальчишка-лакейченокъ въ передней читаетъ старому лакею газету «Вѣсть», и оба ея очень довольны. Старый лакей внушаетъ молодому лакею: «вотъ, говорить, какъ должно пишутъ настоящіе господа», и самъ сѣдой осель отъ радости заплакать готовъ. Великій народъ россійскій!.. Прошелъ часъ; выходитъ ко мнѣ прекрасная барышня, дочка, и съ заплаканными глазками говорить, что маменькѣ ея, изволите видѣть, полегче (вѣрно,

помирились), и что теперь онъ изволили заснуть и не ве-
лѣли себя будить, а васъ, говоритъ, приказали просить
въ контору, тамъ вамъ завтракъ подадутъ, и съ этимъ сло-
вомъ подаетъ мнѣ рубль серебромъ въ розовомъ пакетикѣ.
Я завтрака ѣсть не пошелъ, спросилъ себѣ стаканъ воды
и положилъ на тарелку рубль его барыни, а барыниѣ ска-
залъ: «Сдѣлайте одолженіе, сударыня, скажите отъ меня
вашей маменькѣ, что видалъ я на своемъ вѣку разныхъ
свиней, но ужъ такой полновѣсной свиньи, какъ ваша ро-
дительница, до сей поры не выдывалъ».

И въ таратайку ихъ я не сѣлъ, а ушелъ отъ нихъ
пѣшкомъ. Жара страшная, десять верстъ ходьбы все-таки
изрядно: пыль столбомъ стоитъ, солнце печетъ. На поло-
винѣ дороги есть деревушка. Иду по улицѣ — даже собаки
не тявкаютъ, — отъ жары кто куда, подъ застрѣхи, да въ
поднолья попрятались. Смотрю, — у одной хатенки на по-
рогѣ двое ребятинекъ сидятъ и синее молоко одной ложкой
хлебаютъ и дѣлятся этою ложкою какъ самые заправскіе
соціалисты. Одинъ разъ одинъ хлебнетъ, другому пере-
даетъ, а тотъ хлебнетъ, этому передаетъ. Удивительно! До-
сузкій человѣкъ на это цѣлое разсужденіе о русскомъ на-
родѣ можетъ написать. И вдругъ это молоко меня соблаз-
нило. Зайду, думаю, въ избу, нельзя ли хоть уста промо-
чить. Вошелъ; во-первыхъ, муха! самая неумѣримая муха!
Такъ жужжитъ, даже стонъ стоитъ. Во-вторыхъ, жара не-
стерпимая и никого въ избѣ нѣтъ, только откуда-то тянется
мучительное тяжкое оханье. Я вышелъ на дворъ, вижу
бабенка навозъ вилами сушить.

— Есть, говорю, — у тебя молоко?

Думала-думала и отвѣчаетъ, что молоко есть.

— Дай же, говорю, — мнѣ молока; я тебѣ гривенникъ
дамъ?

— А на чтò, говоритъ, — мнѣ твой гривенникъ? Гривен-
никъ-то у насъ еще, слава Богу, и свой есть.

Однако, согласилась, дала молоко.

Сѣлъ я въ сѣняхъ на скамеечку, пью это молоко, а въ
избѣ такъ и разливается мучительнѣйшій стонъ.

— Это, говорю, — кто у васъ такъ мучится?

— Старичокъ, говоритъ, — свекоръ больной помираетъ.

Я выпилъ молоко и подхожу къ старику. Гляжу, стари-
чище настоящій Сатурнъ; человѣкъ здоровья несмѣтнаго, —

мускулы просто воловьи, лежить, глаза вынучилъ и страшно, страшно стонеть.

— Что, говорю,—съ тобою дѣдъ?

— А?

— Что, молъ,—съ тобою?

— Отойди прочь, ничего,—и опять застонать.

— Да что, молъ,—такое съ тобою? Чѣмъ ты боленъ?

— Отойди прочь, ничего.

Я оцупалъ у него пузо: вижу, ужась что газовъ сперто. Я скорѣе сболталъ стаканъ слабительной импровизацие, подношу и говорю:

— Пей скорѣе, старикъ, и здоровъ будешь, еще сто лѣтъ проживешь.

— Отойди прочь, говоритъ,—не мѣшай: я умираю.

— Пей, говорю,—скорѣе!—выпей только и сейчасъ выздоровѣешь. Гдѣ же тамъ, и слушать не хочетъ; «умираю» да и кончено.

«Ну, думаю себѣ, не хочешь, братъ, слабительнаго, такъ я тебя инымъ путемъ облегчу», а мени, чувствую, въ это время кто-то за колѣнку потихоньку теребитъ, точно какъ теленокъ губами забираетъ. Оглянулся, вижу стоитъ возлѣ меня большой мужикъ. Голова съ просѣдью, лѣтъ около пятидесяти. Увидаль, что я его замѣтилъ, и дѣлаетъ шагъ назадъ, и ехидно манить меня за собою пальцемъ.

— Что, говорю,—тебѣ нужно?

— Батюшка, ваше благородіе, шенчетъ,—пожалуйте!.. примите!—и съ этимъ словомъ суетъ мнѣ что-то въ руку.

— Это, спрашиваю,—что такое?

— Полтина серебра, извольте принять!.. полтину серебра.

— За что же ты, дуракъ, даешь мнѣ эту полтину серебра?

— Не мѣшайте, батюшка, Божьему старику помирать.

— Ты кто ему доводишься?

— Сынъ, говоритъ,—батюшка, родной сынъ; это батька мой родной; помилосердуйте, не мѣшайте ему помирать.

А тутъ, гляжу, изъ сѣней лѣзетъ бабенка, такая старушенція, совѣтъ кикимора, вся съ еверчка, плачетъ и шамшитъ:

— Батюшка, не мѣшай ты ему, моему голубчику, помирать-то! Мы за тебя Бога помолвимъ.

«Что же, думаю, за что мнѣ добрымъ людямъ перечить! Тотъ самъ хочетъ помирать, родные тоже хотятъ, чтобы онъ умеръ, а мнѣ это не стоить ни одного гроша»: вынеле-
нуть слабительное.

— Помирайте, говорю,—себѣ съ Богомъ хоть всё.

Они это отъѣнно восчувствовали и даже за самую око-
лицу меня провожали съ благодарностью.

Сираниваю дорогою:

— Что же, наследства, что ли, моль, ждете отъ ста-
рика-то?

— Нѣтъ, говорить,—батюшка, какое наследство: мы бѣд-
ные, да ужъ онъ совсѣмъ въ путь-то собрался... и прича-
стился, теперь ему ужъ больно охота помереть.

Только-что за околицу и вынелъ, мяжу, мальчишка
бѣжить.

— Тяти, кричить,—дѣдушка протянулся.

И всё заголосили:

— Одинъ ты, моль,—у насъ только и был!

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВТОРАЯ.

— А все же, говорю, — этотъ случай нимало не приво-
дить насъ ни къ какому заключенію о томъ, какъ избавить
народъ стъ его болѣзней и безвременной смерти.

— Я вамъ мое мнѣніе сказалъ,—отвѣчалъ лѣкарь.— Я себѣ
давно рѣшилъ, что всё хлопоты объ устройствѣ врачебной
части въ селеніяхъ ни къ чему не поведутъ, кромѣ обре-
мененія крестьянъ, и давно пересталъ объ этомъ думать, а
думаю о лѣченіи народа отъ глуности, объ устройствѣ хо-
рошей, настоящей школы, сообразной вкусамъ народа и на-
стоящей потребности, то-есть, чтобы всё эти гуманные
принципы педагогиі прочь, а завести школы, соответствен-
ныя правамъ народа, снартанскія, съ бойломъ.

— Вы хотите бить?

— А непременно-съ; это и народу понравится, да и
характеры будутъ воспитываться сильнѣе, реальнѣе и злѣе.
Такъ мы вѣрнѣе къ чему-нибудь доспѣемъ, чѣмъ съ этими
небитыми фалалсеями, которые теперь изо всѣхъ новыхъ
школъ выходятъ. Я, при первыхъ деньгахъ, открою первый
«образцовый пансіонъ», гдѣ не будетъ никакой поблажки.
Я это уже зрѣло обдумалъ и даже, если не воспретитъ мнѣ
правительство, сдѣлаю вывѣску: «Новое воспитательное за-

веденіе съ бойломъ»; а, по желанію родителей, даже будутъ жестоко бить, и вы увидите, что я, наконецъ, создамъ типъ *новыхъ людей*, — типъ, желая достигъ котораго, наши ученые и литературные слѣпыши отъ него только удаляются. Доказательство налицо: теперь все, что моложе сорока лѣтъ, уже все скверно, все размячено и распарено теплымъ слоемъ гуманнаго обращенія. Такимъ людишкамъ нужны выгоды буржуазной жизни, и они на своихъ ребрахъ кола не переломятъ; а безъ этого ничего не будетъ.

— Ну, а объ устройствѣ врачебной-то части... мы такъ ни къ чему и не приблизились.

— Да и не къ чему приближаться; я вамъ сказалъ и, кажется, доказалъ, что это вовсе не нужно.

— Простите, говорю, — пожалуйста; но тогда позволительно спросить васъ: зачѣмъ же, по-вашему, сами врачи?

— А для нѣсколькихъ потребностей: для собственнаго пропитанія, для административнаго декорума, для уничтоженія стыда у женщинъ, для истощенія кармановъ у богатей и для вскрытія умирающихъ отъ холода, голода и глупости.

Нѣтъ, вижу, что съ этого барина, видно, ужъ взятки гладки, да онъ въдобавокъ и говорить со мною больше не хочетъ: всталъ и стоитъ, какъ воткнутый гвоздь, а приставать къ нему не безопасно: или въ дверь толкнетъ, или, по меньшей мѣрѣ, какъ-нибудь некрасиво обзоветъ.

— Не посоветуете ли, спрашиваю, — по крайности, къ кому бы мнѣ обратиться: не занимается ли этотъ вопросъ кого-нибудь другого, не имѣетъ ли съ нимъ еще кто-нибудь знакомства, отъ кого бы можно было получить другія соображенія.

— Толкнитесь, отвѣчаетъ, — къ смотрителю уѣзднаго училища: онъ здѣсь дѣвкамъ съ лица веснушки сводитъ и зубы заговариваетъ, также и отъ лихорадки какія-то записки даетъ; и къ протопопу можете зайти, онъ по лѣчебнику Каменецкаго лѣчитъ. У него, въ самомъ дѣлѣ, врачебной практики даже больше, чѣмъ у меня: я только мертвыхъ рѣжу, да и то не послѣваю; вотъ и теперь сейчасъ надо ѣхать.

— Извините, говорю, — еще одинъ вопросъ: а акушерка здѣшняя знаетъ деревенскій бытъ?

— Нѣтъ, къ ней не ходите: ее въ деревни не берутъ;

она только офицерамъ, которые стоятъ съ полкомъ, деньги подъ залогъ даетъ, да скворцовъ учить говорить и продаетъ ихъ купцамъ. Вотъ становой у насъ былъ Васильевъ, тотъ, можетъ-быть, и могъ бы вамъ что-нибудь сказать, онъ въ душевныхъ болѣзняхъ подавалъ утѣшеніе, умѣлъ уговаривать терпѣть, — но и его, на ваше несчастіе, вчерашній день взяли и увезли въ губернской городъ.

— Какъ, говорю, — Васильева-то увезли! За что же это? Я его знаю, — казалось, такой прекрасный человекъ.

— Ну, прекрасный не прекрасный, а былъ человекъ очень пригодный досужнымъ людямъ для развлечения, а взяли его по доносу благочиннаго, что онъ будто бы хотѣлъ бѣжать въ Турцію и перебраться тамъ вѣру. Я ему предлагалъ принять его въ самую толерантную вѣру, — въ безвѣріе, но онъ не соглашался, боялся, что будетъ чувствовать себя несвободнымъ отъ необходимости объяснять свои движенія причинами, зависящими отъ молекулъ и нервныхъ центровъ, ну, вотъ и зависитъ теперь отъ зрителя тюремнаго замка. Впрочемъ, время идетъ и трупъ, скидающій моего визита, каждую минуту все больше и больше воняетъ; надо пожалѣть людей и скорѣе его похоронить.

Говорить было болѣе некогда, и мы разстались; но когда я былъ уже на улицѣ, лѣкаръ высунулся въ фуражкѣ изъ окна и крикнулъ мнѣ:

— Послушайте! повидайтесь-ко вы съ посредникомъ Готовцевымъ.

— А что такое?

— Да онъ вѣдь у насъ администраторъ отъ самыхъ младыхъ ногтей и первый въ своемъ участкѣ школы завелъ, — его всѣмъ въ примѣръ ставятъ. Не откроетъ ли онъ вамъ при своихъ дарованіяхъ секрета, какъ устроить, чтобы народъ не умиралъ безъ медицинской помощи?

Я поблагодарилъ, раскланялся и скрылся.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯ.

Ни къ акушеркѣ, ни къ смотрителю училища, разумѣется, я не пошелъ, а отправился повидаться съ посредникомъ Готовцевымъ.

Прихожу, велѣлъ о себѣ доложить и ожидаю въ залѣ. Выходитъ хозяинъ, молодой человекъ, высокій, румяный,

пухлый, съ кадычкомъ и очень тяжелымъ взглядомъ сверху внизъ.

Отрекомендовались другъ другу, присѣли, и я изложилъ озабочивающее меня дѣло и спросилъ услуги совѣтомъ.

— По-моему, дѣло это очень не трудно уладить; но здѣсь, какъ и во всякомъ дѣлѣ, нужна рѣшительность, а ее у насъ, знаете... ее-то у насъ и нѣтъ нигдѣ, гдѣ она нужна. У насъ теперь не дѣло дѣлается, а разыгрывается въ лицахъ басня о лебедѣ, ракѣ и щуцкѣ, которые взялись везти возъ. Суды тянутъ въ одну сторону, администрація— въ другую, земство— потянетъ въ третью. Планы и предначертанія сыплются какъ изъ рога изобилія, а осуществлять ихъ невѣдомо какъ: «всякій бестія на своемъ мѣстѣ» и всякъ стоитъ за свою шкуру. Безъ одной руководящей, и притомъ смѣло руководящей воли въ нашемъ хаосѣ нельзя, и воля эта должна быть авторизована, отвѣтъ ей долженъ быть отвѣтъ Пилата жидамъ: «еже писахъ—писахъ»; тогда и возможно все: и всяческое благоустройство, и единодѣйствіе... и все. А у насъ... Вы не приглядывались къ ходу дѣла въ губерніи?

Отвѣчаю, что еще не приглядывался.

— Напрасно; вы очень много потеряли.

Я отвѣчалъ, что не лишаю себя надежды возвратить эту потерю, потому что скоро поѣду въ губернскій городъ на засѣданія земства, а можетъ-быть и раньше, чтобы тамъ поискать у кого-нибудь совѣта и содѣйствія въ моихъ затрудненіяхъ.

— И прекрасно сдѣлаете: тамъ есть у насъ старикъ Фортунатовъ, нашъ русскій человекъ и очень силенъ при губернаторѣ.

Я замѣтилъ, что я этого Фортунатова знаю по гимназій и по университету.

— Ну, вотъ, отвѣчаетъ, — лучше этого вамъ и не надо: онъ всемогущъ, потому что губернаторъ безпрестанно все путаетъ, и такъ путаетъ, что только одинъ Василій Ивановичъ Фортунатовъ можетъ что-нибудь разобрать въ томъ, что онъ напуталъ. Фортунатовъ — это такой иненекъ въ здѣшнемъ механизмѣ, что выньте его — и вся машина стаетъ, или чортъ знаетъ что заворачиваетъ. Вы съ нимъ можете говорить прямо и откровенно: онъ человекъ русскій

и прямой, немножко, конечно, съ лукавинкой, но ужъ это наша національная черта, а зато онъ одинъ всѣхъ рѣшительнѣе. Вы не были здѣсь, когда поднялась исторія изъ-за школы? Это было ужасное дѣло: вынь да положь, чтобы въ селахъ были школы открыты, а мужики, что имъ, ни говори, только затылки чешутъ. Fortunatovъ видитъ разъ всѣхъ насъ, посредниковъ, за обѣдомъ: «братцы, говоритъ, ради самого Господа Бога выручайте: страсть какъ изъ Петербурга за эти проклятыя школы насъ нажигаютъ!» Поговорили, а мужики школы все-таки не строятъ; тогда Fortunatovъ встрѣчаетъ разъ меня одного: «Ильюша, братецъ, говоритъ (онъ большой простякъ и всѣмъ почти ты говорить), да развернись хоть ты одинъ! будь хоть ты одинъ порѣшительнѣй; заставь ты этихъ нельзмъ, нашихъ мужичонковъ, школы поскорѣе построить». Дѣло, какъ видите, трудное, потому что, съ одной стороны, мужикъ не понимаетъ пользы ученія, а съ другой — нельзя его приневоливать строить школы, не велѣно приневоливать. Но тѣмъ не менѣе есть же свои администраторскіе приемы, гдѣ я могу, не выходя изъ... изъ... изъ круга приличій, заставить... или... какъ это сказать... склонить... Извольте, говорю, Василій Ивановичъ, если дѣло идетъ о рѣшительности, я берусь за это дѣло и школы вамъ будутъ, но только уже смотрите, Василій Ивановичъ! — «Что, спрашиваетъ, такое?» — А чтобы мои руки были развязаны, чтобы я былъ свободенъ, чтобы мнѣ никто не препятствовалъ дѣйствовать самостоятельно! Имъ было круто, онъ и согласился, говоритъ: «Господи! да Богъ тебѣ въ помощь, Ильюша, что хочешь съ ними дѣлай, только дѣйствуй!» Я человекъ аккуратный, впередъ обо всемъ условился: смотрите же, говорю, чуръ-чурас: я вѣдь разойдусь, могу и претякъ земства ударить, такъ вы и тамъ меня не предайте. — «Ну, что ты, Богъ съ тобой, сами себя, что ли, мы станемъ предавать?» — Ну, когда такъ — я и поставилъ дѣло такъ, что всѣ только рты разинули. Въ одинъ годъ весь участокъ школами обзавелъ. Приѣзжайте въ какую хотите деревушку въ моему участкѣ и спросите: «есть школа?» ужъ, конечно, не скажутъ, что нѣтъ.

— Какъ же, говорю,—вы всего этого достигли? Какимъ волшебствомъ?

— Вотъ вамъ и волшебство!—самодовольно воскликнулъ

посредникъ и, выступивъ на середину компаты, продолжалъ:—Никакого волшебства не было и тѣни, а просто-напросто административная рѣшительность. Вы знаете, я что сдѣлалъ? Я, я, честный и неподкупный человекъ, который горло вырветъ тому, кто заикнется про мою честь: я школами взятки бралъ!

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

— Какъ же это такъ школами взятки брать?—воскликнулъ я, глядя во всѣ глаза.

— Да-съ; я очень просто это дѣлалъ; жалуется общество на помѣщика или сосѣдей. «Хорошо, говорю, прежде, школу постройте!» Въ ногахъ валяются, плачутъ... Ничего: сказалъ: «школу постройте и тогда приходите!» такъ на своемъ стою. Повертятся, повертятся мужичонки и выстроить, и вотъ вамъ лучшее доказательство: у меня уже весь, *буквально весь* участокъ обстроенъ школами. Конечно, въ этихъ школахъ нѣтъ почти еще книгъ и учителей, но я ужъ начинаю второй кругъ и ужъ дѣло пошло и на учителей. Это, спросите, какъ?

Я молчу.

— А опять, продолжаетъ, — все тѣмъ же самымъ порядкомъ: имѣешь надобность ко мнѣ, найми въ школу учителя. Отговорокъ никакихъ: найми учителя, и тогда твое дѣло сдѣлается. Мнѣ самому ничего не нужно, но для службы я чортъ... и такимъ только образомъ и можно что-нибудь благоустроить. А безъ рѣшительности ни къ чему не придете. Захотѣлось теперь устройства врачебной части; пусть начальство выскажется, что ему этого хочется: это ему принадлежить; но не мѣшай оно энергическимъ исполнителямъ, какъ это дѣлать. Ѳемидѣ ли вы служите, или земству, или администраціи—это должно быть все равно: камертонъ данъ—пой, сигналъ пущенъ—пали. Если бы начальство стояло стойко и рѣшительно, я... я вамъ головой отвѣчаю, что я не только врачебную часть, а я чортъ знаетъ что заведу вамъ въ Россіи съ нашимъ народомъ! Нашъ народъ, слава Богу, глупъ, съ нимъ еще, слава Богу, жить можно... «Строй, собачій сынъ, больницу!» закричалъ посредникъ на меня неистово, поднимъ руки надъ моею головой. «Нанимай лѣкаря, или... я тебя... чортъ тебя!...» и Готовцевъ началъ такъ штырять меня кулаками

подъ ребра, что я, въ качествѣ модели народа, все подавался назадъ и назадъ и наконецъ стукнулся затылкомъ объ стѣну и остановился. Дальше отступать было некуда.

— А-а! — закричалъ въ эту секунду Готовцевъ: — такъ вотъ я тебя, канальскій народъ, наконецъ, приперъ къ стѣнѣ... теперь тебѣ ужъ некуда назадъ податься, и ты строишь что мнѣ нужно... и за это я тебя цѣлую... да-съ, цѣлую самъ своими собственными устами.

Съ этимъ онъ взялъ меня обѣими руками за лацканы, поцѣловалъ меня холоднымъ поцѣлуемъ въ лобъ и проговорилъ: «вотъ какъ я тебя благодарю за твое послушаніе! А если ты огрызаешься и возбуждаешь вѣдомство противъ вѣдомства (онъ началъ меня раскачивать за тѣ же самые лацканы), если ты сѣнешь интриги и, не понимая начальственныхъ заботъ о тебѣ, начинаешь собираться мнѣ возражать... то... я на тебя плюю!.. то я иду напроломъ... я самъ дѣлаюсь администраторомъ, и (тутъ онъ закачалъ меня во всю мочь, такъ что даже затрепали лацканы) если ты придешь ко мнѣ за чѣмъ-нибудь, такъ я... схвачу тебя за шиворотъ... и выброшу вонъ... да еще въ сѣняхъ приподдамъ колѣномъ».

И представьте себѣ: онъ, дѣйствительно, только не плюнулъ на меня, а то продѣлалъ со мною все, что говорилъ: то-есть, схватилъ меня за шиворотъ, выбросилъ вонъ и приподдалъ въ сѣняхъ колѣномъ.

Я понялъ изъ этого затруднительность сельскихъ общинъ въ совершенствѣ и, удирая скорѣй домой въ деревню, всю дорогу не могъ придти въ себя.

— Нѣтъ, — рѣшилъ я себѣ, — нѣтъ, господа уѣздная интеллигенція: простите вы меня, а я къ вамъ больше не ѣздохъ. Съ вами, чего добраго, совсѣмъ расшибешся.

Но какъ дѣло-то, однако, не терпите и, взявшись представить записку, ее все-таки надо представить, то думаю: дѣйствительно, махну-ка я въ губернской городъ, — тамъ и архивы, и все-таки тамъ больше людей съ образованіемъ; тамъ я и посовѣтуюсь и допишу записку, а между тѣмъ подойдетъ время къ открытію собраній.

Сборы не велики: ѣду въ губернской городъ и, признаюсь вамъ, ѣду не съ покойнымъ духомъ.

Что-то, молъ, опять мнѣ идетъ здѣсь на Руси все хуже и хуже: чѣмъ-то теперь здѣсь одарить Господь!

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТАЯ.

Прежде всего не узнаю того самого города, который былъ мнѣ столь памятенъ по моимъ въ немъ страданіямъ. Архитектурное обозрѣніе и костоколотная мостовая тѣ же, что и были, но смущаетъ меня нестерпимо какой-то необъяснимый цвѣтъ всего сущаго. То, бывало, всѣ дома были бѣлые да желтые, а у купцовъ водились съ такими голубыми и желтыми отворотцами, словно лацканы на уланскомъ мундирѣ, — была настоящая житейская пестрота, а теперь, гляжу, только одинъ неопредѣленный цвѣтъ, которому нѣтъ и названія.

Первое, о чемъ я полюбопытствовала, умываясь, какъ Чичиковъ, у себя въ номерѣ, былъ именно неопредѣленный цвѣтъ нашего города.

— Объясните мнѣ, пожалуйста, почтенный гражданинъ, — спрашиваю я у коридорнаго лакея: — что это у васъ за странную краской красятъ дома и заборы?

— А это-съ, сударь, отвѣчаетъ, — у насъ нынче называется «цвѣтъ подь утиное яйцо».

— Этакого цвѣта у васъ, помнится, — никогда не было?

— И званія его, сударь, прежде никогда не слыхали.

— Откуда же онъ у васъ взялся?

— А это нынѣшній губернаторъ насъ, говорить, — въ прошломъ году перекрасилъ.

— Вотъ, молъ, — оно что.

— Точно такъ-съ, утверждаетъ «гражданинъ». — Прежде цвѣта были разные, кто какіе хотѣлъ, а потомъ былъ старичокъ-губернаторъ — тотъ велѣлъ все въ одинаковое, въ розовое окрасить, а потомъ его смѣнилъ молодой губернаторъ, тотъ приказалъ сдѣлать все въ одинаковое, въ мрачно-сѣрое, а этотъ, нынѣшній, какъ пріѣхали: «что это, изволить говорить, за гадость такая! перекрасить все въ одинаковое, въ голубое», но только оно по розовому съ сѣрымъ въ голубой не вышло, а выяснилось, какъ изволите видѣть, вотъ такъ, подь утиное яйцо. Съ тѣхъ поръ такъ ужъ больше не перекрашиваютъ, а въ чистотѣ у насъ попрежнему остались только однѣ церкви: съ архіереемъ всѣ губернаторы за это ссорились, но онъ такъ и не разрѣшилъ церковей подь утиное яйцо подводить.

Я поблагодарилъ слугу за обстоятельный разговоръ, а самъ принарядился, кликнулъ извозчика и спрашиваю:

— Знаешь, любезный, гдѣ Fortunатовъ живетъ?

Извозчикъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и потомъ, какъ бы чего внезапно оробѣлъ или обидясь, отвѣчалъ:

— Помилуйте, какъ же не знать!

Поѣхали и пріѣзжаемъ.

Извозчикъ осаживаетъ у подъѣзда лошадь и шепчетъ: «первый человѣкъ!»

— Что ты говоришь?

— Василий-то Иванычъ, говорю-сь, — у насъ первый человѣкъ.

Ладно, молъ.

Вхожу въ переднюю, — грязненько; спрашиваю грязненькаго казачка: дома ли баринъ? Отвѣчаетъ, что дома. — Занять или нѣтъ? — «Никакъ нѣтъ-сь, отвѣчаетъ; они послѣ послѣобѣденнаго вставанья на диванѣ въ кабинетѣ лежатъ, дыню кушаютъ».

Велѣлъ доложить, а самъ вступаю въ залу.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ ШЕСТАЯ.

Ужъ я ходилъ-ходилъ, — ходилъ-ходилъ по этой залѣ, нѣтъ ни отвѣта, ни привѣта, и казачокъ совсѣмъ какъ сквозь землю провалился.

Наконецъ растворяется дверь и казачокъ тихо подходитъ на цыпочкахъ и шепчетъ:

— Баринъ, говоритъ, — изволятъ спрашивать: вы по дѣлу или безъ дѣла?

Чортъ знаетъ, думаю, что на это отвѣчать! Скажу, однако, если онъ бьетъ на такую официальность, что пріѣхалъ по дѣлу.

Малець пошелъ и опять выходитъ и говоритъ: «по дѣлу пожалуйста въ присутствіе».

— Ну, молъ, — такъ поди скажи, что я безъ дѣла.

Пошелъ, но и опять является.

— Какъ, говоритъ, — ваша фамилія?

— Ватажковъ, говорю, — Ватажковъ, я же тебѣ сказала, что Ватажковъ.

Юркнулъ малецъ и возвращается съ отвѣтомъ, что баринъ-де сказалъ, что они никакого Сапожкова не знаютъ.

То-есть просто изъ терінія вывели!..

Разсвирѣлѣлъ я, завязалъ мальчишкѣ дурака, и ухожу, какъ вдругъ слышу добродушнымъ голосомъ кричать:

— Ахъ, ты, заморская птица! Орестъ Марковичъ! воротись, братъ, воротись. Я вѣдь думалъ, что чортъ знаетъ кто, что съ докладомъ входишь?

Гляжу, въ окнѣ красуется Василій Ивановичъ Фортуна-товъ,—толстъ, сѣдъ, сопитъ и весь лоснится.

Возвращаюсь я, и облобызались.

Обыкновенные вопросы: что ты, какъ ты, откуда, давно ли, надолго ли? Отвѣтивъ на этотъ допросъ впопадъ и невпопадъ, начинаю самъ любопытствовать.

— Какъ ты? говорю. — Я вѣдь тебя оставилъ социали-стомъ, республиканцемъ и спичкой, а теперь ты цѣлая бочка.

— Ожирѣлъ, братъ, отвѣчаетъ, — ожирѣлъ и одышка замучила.

— А убѣжденія, молъ, каковы?

— Какія же убѣжденія: вонъ старшему сыну шестнадцатый годъ, — ужъ за сестриними горничными воло-чится, а второму четырнадцать; все своимъ хребтомъ воз-доилъ и, видишь, домишко себѣ сколотилъ, — теперь про-пріетерь.

— Отчего же это ты по новымъ учрежденіямъ-то не служишь, ни по судебной части, и не ищешь мѣста по земству?

— Зачѣмъ? пусть молодые послужать, а я вотъ еще годокъ—да въ монастырь хочу.

— Ты въ монастырь? Развѣ ты овдовѣлъ?

— Нѣтъ, жена, слава Богу, здорова: да такъ, братъ... грѣхи юности-то пора какъ-нибудь на смарку пускать.

— Да вѣдь ты еще и не старъ.

— Старъ не старъ, а около пяти десятковъ вертится, а, главное, все надоѣло. Модныя эти учрежденія, модныя люди... ну, ихъ совсѣмъ къ Богу!

— А что такое? Обижаютъ тебя, что ли?

— Нѣтъ, не то, что обижаютъ... Обижать-то гдѣ имъ обижать. Ужъ тоже хватилъ «обижать»! Кто-о? Сами къ ставцу лицомъ естъ не углѣютъ, да имъ меня обижать? Тѣфу!.. мы ихъ и сами еще забидимъ. Нѣтъ, братъ, не обижаютъ, а такъ...—Фортуна-товъ вздохнулъ и добавилъ:— Довольно грѣшить.

Показалось мнѣ, что старый пріятель мой не только со мною хитритъ и лицемѣритъ, но даже и не задаетъ себѣ труда врать покладнѣе, и потому, чтобы положить этому конецъ, я прямо перешелъ къ моей запискѣ, которую я долженъ составить, и говорю, что прошу у него совѣта.

— Нѣтъ, душа моя,—отвѣчаетъ онъ:—это по части новыхъ людей,—къ нимъ обращайся, а я къ такимъ дѣламъ не касаюсь.

— Да я къ новымъ-то ужъ обращался.

— Ну и что же: много умнаго наслушался.

Я рассказалъ.

Фортунатовъ расхохотался.

— Ахъ, вы, прохвосты этакіе, а еще какъ свиньи небо скопать хотятъ! Мы вонъ вчера одного изъ нихъ въ сумасшедшій домъ посадили, и всѣхъ бы ихъ туда въ пору.

— А кого это, спрашиваю;—вы посадили въ сумасшедшій домъ?

— Становишку одного, Васильева.

— Боже мой! Вѣдь я его знаю!—Философъ.

— Ну, вотъ онъ и есть. Философію знаетъ и богословію, всего Макарія выштудировалъ и на службѣ состоитъ, а не зналъ, что мы на богослововъ-то не надѣмся, а сами отцовское восточное православіе оберегаемъ и у насъ господствующей вѣры нельзя перемѣнять. Подъ судъ вѣдь угодилъ бы, поросенокъ цуцкой, и если бы «новымъ людямъ», невѣрующимъ въ Бога, его отдать—засудили бы по законамъ; а вѣдь все же онъ человѣчишко! Я по-старинѣ направилъ все это на пунктъ помѣшателства.

— Ну?

— Ну, освидѣтельствовали его вчера и, убѣдивши его, что онъ не богословъ, а *богъ ословъ*, посадили на-время въ сумасшедшій домъ.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМАЯ.

У меня невольно вырвалось восклицаніе о странной судьбѣ несчастнаго Васильева, но Фортунатовъ остановилъ меня тѣмъ, что Васильеву только надо благодарить Бога, что для него все разрѣшилось сумасшедшимъ домомъ.

— И то, говоритъ, — вѣдь тутъ, братъ, надо было это поворотить, потому на него, вѣдь поди-ка ты, истцы-то три

власти: судъ, администрація и духовное начальство, — а ихъ, небось, самъ Соломонъ не помирить.

— Не ладятъ?

— И не говори лучше: просто котораго ни возьми—что твой Навуходносоръ!.. корень изъ земли поровить все выворотить.

— Губернаторъ каковъ у васъ?

Фортунатовъ махнулъ рукой.

— Сдѣлай, говоритъ,—ему визитъ, посмотри на него, а, главное, послушай,—поетъ курскаго соловья прекраснѣе.

— Да я, отвѣчаю,—и то непременно поѣду.

— Посовѣтоваться... вотъ это молодецъ! Сдѣлай милость, голубчикъ, поѣзжай! То-есть разуважишь ты его въ конецъ и будешь первый его другъ и пріятель, и не оглянешься, какъ онъ первое мѣсто тебѣ предложить. Страсть любить свѣжихъ людей, а черезъ полгода выгонитъ. Злою страстью обуянъ къ переменамъ. Архіерей нашъ ономедни ему махнулъ: «Полагаю, говоритъ, ваше превосходительство, что если бы вы сами у себя подъ начальствомъ находились, то вы и самого себя смѣнили бы?» — Вотъ, батюшка, кому бы нашимъ Пальмерстономъ-то быть, а онъ въ рясахъ. Ты когда у губернатора будешь, Боже тебя сохрани: ни одного слова про архіерея не обмолвись, — потому что послѣ того, какъ тотъ ему не допустилъ перемазать храмовъ, онъ теперь яростный врагъ церкви, черезъ что мнѣ Богъ помогъ и становаго Васильева отъ тюрьмы спасти и въ сумасшедшій домъ пристроить.

— Позволь же, говорю, — пожалуйста, какъ же ты уживаешься съ такимъ губернаторомъ?

— А что такое?

— Да отчего же онъ тебя не смѣнитъ, если онъ всѣхъ смѣняетъ?

— А меня ему зачѣмъ же смѣнять? Онъ только однихъ способныхъ людей смѣняетъ, которые за дѣло берутся съ рвеніемъ съ особеннымъ, съ талантомъ и со тщаніемъ. Эти на него угодить не могутъ. Они ему сдѣлаютъ хорошо, а онъ ждетъ, чтобъ они что-нибудь еще лучше отличились,— чудо сверхъестественное чтобы ему показать; а такъ какъ чуда изъ юда не сдѣлаешь, то послѣ сколь хорошо они ни исполняй, ужъ ему все это нипочемъ — свѣжаго ищетъ; ну, а какъ всѣхъ ихъ, способныхъ-то, поразгонитъ, тогда опять

за всѣхъ за нихъ я одинъ, неспособный, и дѣйствую. Способностей своихъ я не неволю и старанья тоже; валю какъ попало черезъ пень колоду, — онъ и доволенъ: «при васъ, говоритъ, я всегда покоенъ». Такъ и тебѣ мое опытное благословеніе: если хочешь быть нынѣшнему начальству предубезень и дѣлу полезень, не прилагай, сдѣлай милость, ни къ чему великаго раченія, потому хоша этимъ у насъ и хвастаются, что будто способныхъ людей ищутъ, но все это вздоръ, — нашему начальству способные люди тягостны. А ты пойди, пожалуй, къ губернатору, посоветуйся съ нимъ для его забавы, да и сконни свою записку ногой, какъ коннется. Чортъ съ нею: придетъ время, все само устроится.

— Ну, нѣтъ, говорю, — я какъ-нибудь не хочу. Тогда лучше совсѣмъ отказаться.

— Ну, какъ знаешь; только послушай же меня: повремени, не докучай никому и не серьезничай. Самое главное, не серьезничай, а то, братъ... надоѣшь всѣмъ такъ, — извини, — тогда и я отъ тебя отрекусь. Поживи, посмотри на насъ: съ кѣмъ тутъ серьезничать-то станешь? А я межъ тѣмъ губернаторшѣ скажу, что способный человекъ прѣхалъ, и въ аппетитъ ихъ введу на тебя посмотреть, — вотъ тогда ты и поѣзжай.

«Что же, разсуждаю, — такъ ли, не такъ ли, а въ самомъ дѣлѣ немножко ориентироваться въ городѣ не мѣшаетъ».

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМАЯ.

Живу около недѣли и прислушиваюсь. Дѣйствительно, мой старый пріятель Фортунатовъ правъ: мирнымъ временемъ жизнь эту совсѣмъ нельзя назвать: перестрѣлка идетъ безумолчная.

Въ первые дни моего здѣсь пребыванія всѣ были заняты бенефисомъ становаго Васильева, а потомъ тотчасъ же занялись другимъ бенефисомъ, устроеннымъ однимъ мировымъ судьей полицеймейстеру. Судьи праведные считаютъ своимъ призваніемъ строить рожны полиціи, а полиція платить тѣмъ же судьямъ; всѣ другъ другу «доказываютъ», и случаевъ «доказывать» имъ цѣлая бездна. Одинъ такой какъ изъ колеса выпалъ въ самый день моего пріѣзда. Передъ самую полиціей подрались купецъ съ мѣщаниномъ. За что у нихъ началась схватка — неизвѣстно; полиція застала дѣло

въ томъ положеніи, что здоровый купецъ даетъ шуплому мѣщанину оплеуху, а тотъ падаетъ, поднимается и, вставая, говорить:

— Ну, бей еще!

Купецъ безъ затрудненія удовлетворяетъ его просьбу; мѣщанинъ снова падаетъ, и снова поднимается и кричить:

— А ну, бей еще!

Купецъ и опять ему не отказываетъ.

— Ну, бей, бей! пожалуйста, бей!

Купецъ бьетъ, бьетъ; дѣло заходитъ въ азартъ: одинъ колотить, другой просить бить, и такъ до истощенія силъ съ одной стороны и до облитія кровью съ другой. Полиція составляетъ актъ и передаетъ его вмѣстѣ съ виновными мировому судѣ. Начинается разбирательство: купца защищаль учитель естественныхъ наукъ и, какъ вы думаете, чѣмъ онъ защищаль? Естественными науками. Нимало не отвергая того, что купецъ билъ, и даже сильно билъ мѣщанина, учитель поставилъ судѣ на видъ, что купецъ вовсе не наносилъ никакой сбиды дѣйствиємъ и дѣлалъ этимъ не что иное, какъ такую именно услугу мѣщанину, о которой тотъ его неотступно просилъ при самихъ служителяхъ полиціи, — услугу, которой послѣдніе не повидали и, по непонятливости своей, приняли въ преступленіе.

— Одно, — говорилъ защитникъ: — купца можно бы еще обвинить въ глупости, что онъ исполнилъ глупую просьбу, но и это невозможно, потому что купцу просьба мѣщанина, — чтобы его бить, — могла показаться самою законною, ибо купецъ, находясь выше мѣщанина по степени развитія, зналъ, что многіе нервные субъекты нуждаются въ причиненіи имъ физической боли и успокаиваются только послѣ ударовъ, составляющихъ для нихъ, такъ сказать, благодѣяніе.

Судья все это выслушалъ и нашелъ, что купецъ, дѣйствительно, могъ быть вовлеченъ въ драку единственно просьбою мѣщанина его побить и, на основаніи физиологической потребности послѣдняго быть битымъ, освободилъ драчуна отъ всякой отвѣтственности. Въ городѣ заговорили, что «судья молодець», а черезъ недѣлю полицеймейстеръ сталъ рассказывать, что будто «послѣ того, какъ

у него побывалъ случайно по одному дѣлу этотъ мировой судья, у него, полицеймейстера, пропали со стола золотыя часы, и пропали такъ, что онъ ихъ и искать не можетъ, хотя знаетъ, гдѣ они». Полицеймейстеру замѣтили, что распускать такіе слухи очень неловко, но полицеймейстеръ отвѣчалъ:

— Что же я такое сказать? Я вѣдь говорю, что *послѣ него* часы пропали, а не то, чтобы онъ взялъ... Это ничего.

Въ городѣ заговорили:

— Молодецъ полицеймейстеръ!

А вечеромъ разнесся слухъ, что мировой судья кушилъ себѣ въ единственномъ здѣшнемъ оружейномъ магазинѣ единственный револьверъ и зарядилъ его порохомъ, хотя и безъ пуль, а полицеймейстеръ велѣлъ пожарному слесарю отпустить свою черкесскую шашку и заперъ ее къ себѣ въ гардеробный шкафъ.

Въ городѣ положительно ожидаютъ катастрофы.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТАЯ.

Я почувствовалъ себя смущеннымъ и пошелъ къ Фортунатову съ повинной головой.

— А что, говорить,—братецъ, правъ я или нѣтъ?.. Да посмотри: то ли еще увидишь? Ты вотъ изволь-ка завтра снаряджаться на большое представленіе.

— Куда это?

— А, братъ, начальникъ губерніи съ начальницей сами тебя восхотѣли видѣть! Ты вѣдь, небось, обо мнѣ какъ думаешь? а я тебя восхвалилъ какъ сваха: способнѣйшій, говорю,—человѣкъ и при этомъ ученъ, много начитанъ, жилъ за границею и—извини меня—преестественная, говорю,—шельма!

— Ну, это ты зачѣмъ же?

— Нѣтъ, а ты молчи-ка. Я вѣдь, разумѣется, тамъ не такъ, а гораздо помягче говорилъ, но только въ этомъ родѣ чувствовать даль. Такъ, другъ, оба и вскочили, и онъ, и она: подавай, говорятъ, — намъ сейчасъ этого способнаго человѣка! «Служить не желаетъ ли?» Не знаю, молъ, но не надѣюсь, потому что онъ человѣкъ съ состояніемъ независимымъ. — «Это-то и нужно! мнѣ именно это-то и нужно, кричить, — чтобы меня окружали люди съ независимымъ состояніемъ».

— Очень мнѣ нужно его «ограждать»!

— Нѣтъ, ты стой, что дальше-то будетъ. Я говорю: да онъ, oprичъ того, ваше превосходительство, и съ норовомъ независимымъ, а это вѣдь, моль, на службѣ не годится.—«Какъ, что за вздоръ? отчего не годится?»— Правило-де такое китайскаго философа Конфуція есть: по-китайски оно такъ читается: «чинъ чина почитай».—«Вздоръ это чинопочитаніе! кричить.—Это-то все у насъ и портить»... Слышишь ты?.. Ей-Богу: такъ и говорить, что «это вздоръ»... Ты иди къ нему, сдѣлай милость, завтра, а то онъ весь исхудаеть.

— Да зачѣмъ ты все это, любезный другъ, сдѣлалъ? Зачѣмъ ты ихъ на меня настроилъ?

— Ишь ты, ишь! Что же ты не самъ развѣ собирался ему визитъ сдѣлать? Ну, вотъ и иди теперь, и встрѣча тебѣ готова, а ужъ что, братъ, сама-то начальница...

— Что?

— Нѣтъ, ты меня оставь на минуту, потому мнѣ ее, бѣдняжку, даже жалко.

— Да полно гримасничать!

— Чего, братъ, гримасничать? Истинно правда. Ей способности въ человѣкѣ всего дороже: она вѣдь въ Петербургѣ женскую сапожную мастерскую «на разумно экономическихъ началахъ» заводила, да вотъ, отозвали ее оттуда на это губернаторство сюда къ супругу со всѣми ея физиологическими колодками. Но душой она все еще тамъ, тамъ въ Петербургѣ, съ способными людьми. Наслушавшись про тебя, такъ и киваетъ локонами: «Василій Ивановичъ, думали ли вы, говоритъ, когда-нибудь надъ тѣмъ... она всегда думаетъ *надъ* чѣмъ-нибудь, а не о *чемъ*-нибудь,— думали ли вы надъ тѣмъ, что если бѣ очень способнаго человѣка соединить съ очень способной женщиной, что бы отъ нихъ могло произойти?» Вотъ тутъ, извини, я ужъ тебѣ немножко подгадиль: я знаю, что ей все хочется имѣть некрещеныхъ дѣтей, и чтобъ непременно «отъ неизвѣстнаго», и чтобъ одно чадо, сынъ, называлось «Трудъ», а другое, дочь— «Сѣкора». Зная это, въ твоихъ интересахъ, разумѣется, надо было отвѣчать ей: что «отъ соединенія двухъ способныхъ людей геній произойдетъ», а я ударилъ въ противную сторону и охранилъ начальство. Пустяки, говорю, ваше превосходительство: плюсъ на плюсъ даетъ минусъ.—«Ахъ,

правда!...» А я и самъ алгебру-то позабылъ и не знаю, правда или неправда, что плюсь на плюсь даетъ минусъ: да ничего: женщины математикой только жигани, — онѣ страсть этой штуки боятся.

«О, чортъ тебя возьми, думаю, — что онъ тамъ навстрѣчу мнѣ наболталъ и наготовилъ, а я теперь являйся и расхлебывай! — Ну, да ладно же, думаю, другъ мой сердечный: придется тебѣ брать свои похвалы назадъ», и самъ рѣшилъ сдѣлать завтра визитъ самый сухой и самый короткій.

А... а все-таки долженъ вамъ сознаться, что ночь послѣ этого провель прескверно и въ перерывчатомъ снѣ видѣлъ льва. Что бы это такое значило? Посылалъ къ хозяину гостиницы попросить, нѣтъ ли сонника? Но хозяйская дочка даже обидѣлась и отвѣчала, что «она такими глупостями не занимается». Рѣшительно нѣтъ никакой надежды пред-усмотрѣть свою судьбу, — и я поѣхалъ лицомъ къ лицу открывать, что сей сонъ обозначаетъ?

ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ.

Переносясь воспоминаніями къ этому многознаменательному дню моей жизни, я прежде всего вижу себя въ очень большой залѣ, среди густой и пестрой толпы, съ перваго взгляда какъ нельзя больше напомнившей мнѣ группы изъ сцены на днѣ моря въ балетѣ *Конекъ-Горбунокъ*. Самое совмѣщеніе обитателей водъ было такъ же несообразно, какъ въ упомянутомъ балетѣ: тутъ двигались въ видѣ крупныхъ бѣлотѣлыхъ судаковъ массивные толстопузые совѣтники; полудремалъ въ углѣ жирный, черный налисъ въ длинномъ куническомъ сюртукѣ, только изрѣдка дуновеніемъ устъ отгонявшій отъ себя неотвязную муху; вдоль стѣны въ рядъ на стульяхъ сидѣли смиренными плотицами разнокалиберныя просительницы, — всѣ съ одинаково утомленнымъ и утомляющимъ видомъ; изъ угла въ уголь по залѣ, какъ ершь съ карасемъ, бѣгали взадъ и впередъ курносая барышня-просительница въ венгерскихъ сапожкахъ и сѣромъ платьицѣ, подобранномъ на пажи, съ молодымъ гусаромъ въ венгеркѣ съ золотыми шнурками. Эта пара горячо разсуждала о комъ-то, кто «заѣденъ средою», и при поворотѣ оба вдругъ въ тактъ пощелкивали себя сложенными листьями своихъ просьбъ, гусаръ сзади по ляжкѣ, а барышня спереди по кораблику своего корсета, служившаго ей въ этомъ слу-

чаѣ кирасою. У окна, на самомъ горячемъ солнпекеѣ, сидѣлъ совсѣмъ ослизшій пескарь, — бѣлый человѣчекъ, лѣтъ двадцати, обливавшійся потомъ; онъ все пробовалъ читать какую-то газету и засыпалъ. У другого окна цѣлая группа: шилистая, востроносая, пестрая щука въ кавалерійскомъ полковничьемъ мундирѣ полусидѣла на подоконникѣ, а передъ нею, сложа на груди руки, вертѣлся красноглазый окунь въ армейскомъ пѣхотномъ мундирѣ. Правый и лѣвый флангъ занимали выстроившіяся шпалерами мелкія рыбки въ родѣ смятковъ. Щука — это былъ полицеймейстеръ, окунь... былъ окунь, а мелочь улыбалась, глядя въ большой ротъ востроносаго полицеймейстера, и наперерывъ старалась уловить его намѣреніе сострить надъ окунемъ. Бѣдный, жалкій, но довольно плутоватый офицеръ, не сводя глазъ съ полицеймейстера, безумолчно лепеталъ оправдательныя рѣчи, часто крестясь и произнося то имя Божіе, то имя какой-то Авдотьи Гордѣвны, у которой онъ якобы по всей совѣсти вчера былъ на террасѣ, и потому въ это самое время «физически» не могъ участвовать въ подбитіи морды Каткѣ-Чернявкѣ, которая, впрочемъ, какъ допускалъ онъ, можетъ быть, и весьма того заслуживала, чтобъ ее побили, потому что, привыкнуши обращаться съ приказными да съ купеческими дѣтьми, она думаетъ, что точно такъ же можетъ дѣлать и съ офицерами, и за то и поплатилась.

Въ этой группѣ разговоръ не умолкалъ. Хотя сама героиня Катка-Чернявка скоро была позабыта, но зато все безпрестанно упоминали Авдотью Гордѣвну и тѣшились. Я узналъ при семъ случаѣ, что Авдотья Гордѣвна бѣла какъ сахаръ, вдова тридцати лѣтъ и любить наливочку, а когда выпьетъ, то становится такъ добра, что хоть всю ее разбери тогда, она слова не скажетъ. Вдали отсюда шуршали четыре черные, мрачные рака въ образѣ заштатныхъ чиновниковъ. Стоя у самой входной двери, они все-таки еще, вѣроятно, находили свое положеніе слишкомъ выдающимся и, постоянно перешептываясь, пятились другъ за друга назадъ и заводили клешни. Я прислушался къ ихъ шопоту: одинъ ракъ жаловался, что его приставъ совсѣмъ напрасно обвинилъ, будто онъ ночью подбилъ старый лубокъ къ щели своей крыши; а другой, заикаясь и трясясь, повторялъ все только одно слово «въ заштатъ». У самыхъ дверей сидѣли два духовныя лица: городской кладбищенскій священникъ

и сельскій дьяконъ, и разсуждали между собою, какъ придетъ новая реформа приходскимъ и кладбищенскимъ. Причемъ городской кладбищенскій священникъ все останавливался предъ тѣмъ, что «какъ же, молъ, это: вѣдь у насъ нѣтъ прихода, а одни мертвецы?» Но сельскій дьяконъ успокаивалъ его, говори: «а мы доселѣ и живыми, и мертвыми обладали, но вотъ теперь сразу всего лишимся».

Къ этой парѣ вдругъ вырвался изъ дверей и подскокиль высокій, худощавый брюнетъ въ черномъ, просаленномъ фракѣ. Онъ склонился передъ священникомъ и съ сильнымъ польскимъ акцентомъ проговорилъ:

— Э-э, покорнѣйше васъ прошу благословить.

Священникъ немного смѣшался, привсталъ и, поддерживая лѣвою рукой правый рукавъ рясы, благословилъ.

Вошедшій обратился съ просьбой о благословеніи и къ дьякону. Дьяконъ извинился. Пришлецъ распрямился и, не говоря болѣе ни одного слова, отошелъ къ печкѣ. Здѣсь, какъ обтянутый черною эмалью, стоялъ онъ по-наполеоновски, скрестя руки, съ рыжеватой шляпой у груди, и то жалея, то распрямлялся, поднималъ вверхъ голову и вдругъ опускалъ ее, воронилъ длиннымъ, внизъ направленнымъ, польскимъ усомъ и заворачивался въ сторону.

Становилось жарко и душно, какъ въ полдень подъ допухомъ, всѣ начали притихать: только мухи жужжали и рты всѣмъ кривила зѣвота.

Но всеблагое Провидѣніе, вѣдающее мѣру человѣческаго терпѣнія, смилостивилось: зеленые суконныя портьеры, закрывавшія дверь противоположнаго входу конца покоя, распахнулись, и вдоль залы, быстро кося ножками, прожегъ маленькій борзый паучокъ, таща подъ мышкой синюю папку съ надписью: «къ докладу» и прежде, чѣмъ онъ скрылся, въ тѣхъ же самыхъ темныхъ полотнищахъ сукна, откуда онъ выскочилъ, заколыхался огромный китъ... Этотъ китъ былъ другъ мой, Василій Ивановичъ Фортунатовъ. Онъ сталъ, окинулъ глазами залу, пошевелилъ изъ стороны въ сторону челюстями и уплылъ назадъ за сукно.

Въ залѣ все стихло; даже гусарь съ барышней стали въ шеренгу и только окунь хватилъ-было: «физически Катюку не могъ я прибить», но ему разомъ шикнуло нѣсколько голосовъ, и прежде, чѣмъ я понялъ причину этого шика, предъ завышенными дверями стоялъ истый неподдѣльный,

вареный, красный омаръ во фракѣ съ отличіемъ; за нимъ водилъ челюстями Фортунатовъ, а предъ нимъ, выгибаясь и шелкая каблукъ о каблукъ, расшаркивался полякъ.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.

Фортунатовъ пошепталъ губернатору на ухо и показалъ на меня глазами.

Губернаторъ сощурился, посмотрѣлъ въ мою сторону и, свертывая ротикъ трубочкой, процѣдилъ:

— Я, кажется, вижу господина Ватажкова?

Я подошелъ, раскланялся и утвердилъ его превосходительство въ его догадкѣ.

Губернаторъ подалъ мнѣ руку, ласково улыбнулся и потянулъ меня въ портьеръ, сказавъ:

— Я сейчасъ буду.

Фортунатовъ шеннулъ мнѣ:

— Ползи въ кабинетъ,—и какимъ-то непостижимо ловкимъ приѣмомъ, однимъ указательнымъ пальцемъ втокнулъ меня за портьеру.

Здѣсь мнѣ, конечно, нельзя было оставаться между портьерой и дверью: я налегъ на ручку и смѣшался... Передо мной открылась большая наугольная комната съ тремя письменными столами: одинъ большой посрединѣ, а два меньшіе—у стѣнъ, съ конторкой, заваленною бумагами, съ отоманами, корзинами, сонетами, этажеркой, уставленною томами словаря Толя и исторіи Шлоссера, съ пуговками электрическихъ звонковъ, темною и несхожею копіей съ картины Рибейры, изображающей св. Севастіана, произведеннаго стрѣлой, съ дурно написанною въ овалѣ головкой графини Ченчи и олеографіей тройки Вернета, — этими тремя неотразимыми произведеніями, почти повсемѣстно и въ провинціяхъ, и въ столицахъ репрезентующими любовь къ живописи ничего не понимающихъ въ искусствѣ хозяевъ. Эти три картины, съ которыми, конечно, каждому доводилось встрѣчаться въ чиновничьихъ домахъ, всегда производили на меня точно такое впечатлѣніе, какое должны были ощущать сказочные русскіе витязи, встрѣчавшіе на распутьи столбы съ тремя надписями: «самому ли быть убиту, или коню быть съѣдену, или обоимъ въ плѣнъ попасть». Тутъ или быть пронзеннымъ стрѣлою, какъ св. Севастіанъ и какъ онъ же ждаты себѣ помощи отъ одного неба, или совершать

преступленіе надъ преступникомъ и презирать тѣхъ, кто тебя презираетъ, какъ сдѣлала юная графиня Ченчи, или нестись отсюда по доламъ, горамъ, скованнымъ морозомъ рѣкамъ и перелогамъ на бѣшеной тройкѣ, вовсе не мечтая ни о Свѣтланиномъ снѣ, ни о «бѣдной Танѣ», какая всякому когда-либо мерещилась, нестись и нестись, даже не испытывая по-гоголевски: «Русь, куда стремишься ты?» а просто... «колокольчикъ динь-динь-динь среди невѣдомыхъ равнинъ»... Но все дѣло не въ томъ и не это меня остановило и не объ этомъ я размышлялъ, когда, отворивъ дверь губернаторскаго кабинета среди описанной обстановки, увидѣлъ предъ самымъ большимъ письменнымъ столомъ высокое съ рѣзными украшениями кресло, обитое краевымъ сафьяномъ, и на немъ... настоящаго геральдическаго льва, какихъ рисуютъ въ щитахъ гербовъ. Левъ окинулъ меня суровымъ взглядомъ въ стеклышко и, вмѣсто всякаго привѣтствія, прорычалъ:

— Докладъ уже конченъ и губернаторъ болѣе заниматься не будетъ.

Я еще не собрался ничего на это отвѣчать, какъ въ кабинетъ вскочилъ Fortunатовъ и, подбѣжавъ ко льву, назвалъ мою фамилію и опять выкатилъ тѣми же пятнами.

Левъ приподнялся, движеніемъ брови выпустилъ изъ орбиты стеклышко и... вмѣстѣ съ тѣмъ изъ него все какъ будто выпало: теперь я видѣлъ, что эта была просто женщина, еще не старая, некрасивая, съ черными локонами, крупными чертами лица и повелительнымъ твердымъ выраженіемъ лица. Одѣта она была строго, въ черное шелковое платье безъ всякаго банта за спиной; однимъ словомъ, это была губернаторша.

Она довольно привѣтливо для ея геральдическаго величія протянула мнѣ руку и спросила, давно ли я изъ-за границы, гдѣ жилъ и чѣмъ занимался? Получивъ отъ меня на послѣдній вопросъ отвѣтъ, что я отставнымъ корнетомъ пошелъ доучиваться въ Бонскій университетъ, она меня за это похвалила и затѣмъ прямо спросила:

— А скажите, пожалуйста, много ли въ Боннѣ поляковъ?

Я отвѣчалъ, что на мой взглядъ ихъ всего болѣе учатся военнымъ наукамъ въ Мецѣ.

— Несчастные, даже учатся военнымъ наукамъ, но имъ

все, все должно простить, даже это тяготѣніе къ шкодѣ убійствъ. Имъ попрежнему сочувствуютъ въ Европѣ?

— Кто не знаетъ сущности ихъ притязаній, тѣ сочувствуютъ.

— Вы не такъ говорите, — остановила меня губернаторша.

— Я вамъ сообщаю, что видѣлъ.

— Совсѣмъ не въ томъ дѣло: на нихъ, какъ и на всю нашу несчастную молодежь, направлены всѣ осадныя орудія: родной деспотизмъ, народность и православіе. Это омерзительно! Что же дѣлаютъ заграничныя общества въ пользу поляковъ?

— Кажется ничего.

— А у насъ въ Петербургѣ?

Я отвѣчалъ, что вовсе не зналъ въ Петербургѣ такихъ обществъ, которыя блюдутъ польскую справу.

— Они были, — таинственно уронила губернаторша и добавила: — но, разумѣется, всѣ они имѣли другія названія и дѣйствовали для вида въ другихъ будто бы цѣляхъ. Зато здѣсь, въ провинціяхъ, до сихъ поръ еще ничего подобнаго... нѣтъ, и тутъ эти несчастные люди гибнутъ, а мы, глядя на нихъ, лишь восклицаемъ: «кровь ихъ на насъ и на чадѣхъ нашихъ». Я не могу... нѣтъ, рѣшительно не могу привыкнуть къ этой новой должности: я не разъ говорила Егору Егоровичу (такъ зовутъ губернатора): «брось ты, Жоржъ, это все. Умоляю тебя, хоть для меня брось, потому что иначе я не могу, потому что на тебѣ кровь... Напиши откровенно и прямо, что ты этого не можешь: и брось, потому что... что же это такое, до чего же наконецъ будетъ расходиться у всѣхъ слово съ дѣломъ? На насъ кровь... брось, умой руки, и мы выйдемъ чисты.»

Я замѣтилъ, что у супруга ея превосходительства прекрасная должность, на которой можно дѣлать много добра.

— Полноте, Бога ради, что это за должность! Что такое теперь губернаторская власть? Это миражъ, призракъ, одинъ обликъ власти. Тутъ власть на власти; одни предводители со своимъ земскимъ настроеніемъ съ ума сведутъ. Гмъ, крѣпостники, а туда же «мы» да мы. Мой мужъ, конечно, не позволить, но одному губернатору предводитель сказалъ: «вы здѣсь калифъ на часъ, а я земскій человѣкъ». Каково-съ! А Петербургъ и совсѣмъ все перевертываетъ по-своему, и пе-

ревертываетъ никого не спросясь. Зачѣмъ же тогда губернаторы? Не нужно ихъ вовсе, если такъ. Нѣтъ, это самое нецѣпное мѣсто, и я имъ совершенно недовольна; разумѣется, если Егоръ Егоровичъ говоритъ, что это нужно для будущаго, то я въ его мужскія дѣла не мѣшаюсь, но все чтѣ я вижу, все во чтѣ я вникаю въ теченіе дѣлъ по его должности, то, по-моему, это такая мизерность, которою способному человѣку даже стыдно заниматься.

— Какія же мѣста вамъ, спрашиваю,—нравятся больше губернаторскихъ?

— Ахъ, Боже мой! да мало ли нынче дѣлъ для способнаго человѣка: идти въ нотариусы, идти въ маклера, въ повѣренные по дѣламъ, — у насъ вѣдь есть связи: наконецъ, издавай газету или журналъ, и громи, и разбивай, и поднимай вопросы, и служи такимъ образомъ молодому поколѣнію, а не правительству.

Въ это время разговоръ нашъ прервался приходомъ губернатора, который возвратился съ видомъ тяжкаго утомленія и, пожалъ мнѣ молча съ большимъ сочувствіемъ руку, бережно усадилъ меня въ кресло.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРАЯ.

— Мы говоримъ здѣсь, Грегуаръ, о тебѣ,—начала губернаторша.—Господинъ Ватажковъ находитъ, что твое мѣсто лучшее изъ всѣхъ, на какое ты могъ бы разчитывать.

Я поспѣшилъ поправить редакцію этой фразы и возстановилъ свои слова въ ихъ точномъ смыслѣ.

— Помилуйте, мало ли дѣла теперь способному человѣку,—отвѣчала мнѣ, махнувъ рукою, губернаторъ и сейчасъ же добавилъ:—но я ничего не имѣю и противъ этого мѣста; и здѣсь способный человѣкъ могъ бы, и очень бы могъ, кое-что дѣлать, если бы только не эта вѣчная путаница всѣхъ словъ, инструкцій, требованій и... потому эти наши суды-съ!..—Губернаторъ зажмурилъ глаза и пожалъ плечами.—Вы здѣсь уже нѣсколько дней, такъ вы должны были слышать о разбирательствѣ купца, избившаго мѣщанина по его яко бы собственной просьбѣ?

Я отвѣчала, что мнѣ это извѣстно.

— Это верхъ совершенства!—воскликнулъ губернаторъ и, захохотавъ, добавилъ:—А еще хотимъ всѣхъ ру-с-си-фи-циро-ва-ть... А кстати,—обернулся онъ къ женѣ:—ты знаешь,

нашъ фортепiанный настройщикъ совсѣмъ руссифицировался, — принялъ православiе, а потому просить объ опредѣленiи.

Губернаторъ въ послѣдней фразѣ очень хорошо передразнилъ видѣннаго мною полячка, а губернаторша въ это время вскинула въ глазъ стеклышко и передо мною опять явился самый грозный геральдическiй левъ.

— И ты, Грегуаръ, дашь ему какое-нибудь мѣсто? — спросила она строго мужа.

— Ну, не знаю, другъ мой... пока еще ничего не знаю, — отвѣчала нѣсколько потерянно губернаторъ.

— Я надѣюсь, что не дашь.

— Это почему?

— Измѣннику! я этого не позволяю.

— Ну, вотъ видишь, какъ ты скоро: не позволяешь поляку переимѣнить вѣры, не разобравши, для чего онъ это дѣлаетъ? Почему жъ ты не допускаешь, что у него это могло случиться и довольно искренно?

— Полно, Бога ради! Онъ не такъ глупъ, чтобы придавать значенiе поповской стрижкѣ: всѣ вѣры вздоръ, — творецъ всего кислородъ.

— Ну, хорошо, это такъ, я допускаю, что единственный богъ есть Богъ — кислородъ, но твой полячокъ бѣденъ... «жена и дѣти», а имъ нужно дрова и свѣчи... Ахъ, какъ всѣ вы, господа, даже самые гуманнѣйшiе, въ сущности злы и нетерпимы! Ну, ну, сдѣлай бѣдный человѣкъ что-нибудь для того, чтобъ усвоить возможность воспользоваться положенiемъ дѣль... ну, ну, что вамъ отъ этого, *très chaud* или *froid*? Ничуть не бывало: вокругъ васъ все обстоитъ благополучно и ничто не волнуется, кромѣ собственной вашей нетерпимости. Удивительно, какъ это у насъ повсюду развился этотъ талантъ подуськивать, — проговорилъ онъ, обращившая ко мнѣ довольное, благодушнымъ матомъ розоваго либерализма подернутое лицо. — Я часто, слушая похвалы нынѣшнему вѣку, говорю себѣ: нѣтъ, я старовѣръ! Помилуйте, что такое за прогрессъ въ этомъ воинственномъ строенiи? Я тебя рву за руки, а ты меня тянешь за ноги... Гони, догоняй, бей!.. удѣлѣ, ату-его, и все за что? За то, что ты какъ-нибудь не такъ крестишься, или не такъ думаешь... Помилуйте! помилуйте! что это такое? Ты полякъ, ты нѣмецъ, ты москаль... Да что это за вздоръ, я васъ

спрашиваю? Не все ли равно люди? Богъ, говорятъ, даже и жидовъ манной кормилъ, а теперь я долженъ всѣхъ ихъ изъ города выгнать... Я больше Бога, что ли? И это прогрессъ! И это *девятнадцатый вѣкъ!* Нѣтъ, я старовѣръ,— и неисправимый старовѣръ. И гдѣ здѣсь, не понимаю, дипломатическія соображенія? Я рѣшительно не знаю, чего смотреть у насъ? Помилуйте: намъ ли считаться, напримеръ, съ Англіей? Гдѣ у насъ Дербі? Дайте мнѣ Дербі! Онъ у нихъ изъ плохенькихъ, но а намъ еще ничего-съ; намъ еще былъ бы хорошъ-съ! Дайте его мнѣ и я его приспособлю, но нѣтъ-съ его-съ, вотъ въ чемъ дѣло! Намъ ли ссориться съ кѣмъ-нибудь въ Европѣ, когда у насъ на свои самыя пустыя домашнія дѣла способныхъ людей нѣтъ. Гдѣ онъ у насъ *человѣкъ?* Я часто слышу о способныхъ людяхъ, но на чемъ же испытываются ихъ способности? Нѣтъ, дайте ему задачу... Да этого мало-съ; у насъ еще ни въ чемъ настоящаго движенія нѣтъ; у насъ никакой, ровно никакой жизни нѣтъ: все... фикціи, однѣ фикціи! Пожалуйста загляните только въ газеты... что это такое? Все вѣдь стоитъ! Развѣ это печать, которая всегда вертится вокругъ да около? А тутъ обрусеніе, армія, споры, Боккъ, Фадѣевъ, Ширренъ, Самаринъ, Скарятинъ, Катковъ... Что это, спрашиваю васъ, за особы?.. А о нихъ споръ, раздоръ, изъ-за нихъ дробленіе на партіи, а дѣла дѣлать некогда и некому. Нѣтъ-съ, я старовѣръ, и я сознательный старовѣръ, потому что я зналъ лучшее время, когда все это только разворачивалось и распочиналось; то было благородное время, когда въ Петербургѣ школа устранивалась возлѣ школы, и молодежь, и наши дамы, и я, и моя жена, и ея сестра... я былъ начальникомъ отдѣленія, а она была дочь директора... но мы всѣ, всѣ были *вмѣстѣ*: ни чиновъ, ни споровъ, ни попрековъ русскимъ или польскимъ происхожденіемъ и симпатіями, а всѣ заодно, и... вдругъ изъ Москвы пускаютъ интригу, развиваютъ ее, находятъ въ Петербургѣ пособниковъ и вотъ въ позашрошломъ году, когда меня послали сюда, на эту должность, я уже ничего не могъ сгруппировать въ Петербургѣ. Я хотѣлъ тамъ хорошенько обстановиться и пріѣхать сюда съ своими готовыми людьми, но, понимаете, этого уже нельзя, этого уже невозможно было сдѣлать, потому что всѣ на себя печати поналожили: тотъ абсолютистъ, тотъ консти-

туціоністѣ, этотъ радикаль... и каждый хочетъ, чтобы я держалъ его сторону... Да что это за вздоръ такой, господода? Къ чему, позвольте мнѣ узнать, я стану держать чью-нибудь сторону?.. Я вовсе не вижу на то причины! *Кто я и что я*, это дѣло моей совѣсти и должно оставаться моею тайной... И наконецъ, все это глупость; я понимаю абсолютизмъ, конечно, не по-кошелевски; я имѣю опредѣленные чувства къ республикамъ извѣстнаго строя, къ республикамъ съ строгимъ и умнымъ правленіемъ, но... (губернаторъ развелъ руками), но... конституціонное правительство... извините меня, это чортъ знаетъ что!.. Но, впрочемъ, я и въ этомъ случаѣ способенъ не противорѣчить: учредите закрытую баллотировку, и тогда, я не утаюсь, тогда я выскажусь, и ясно выскажусь; я буду знать тогда куда положить мой шаръ, но... иначе высказываться, и притомъ еще высказываться теперь именно, когда начала всѣхъ, такъ сказать, направленийъ бродятъ и имѣютъ болѣе или менѣе сильныхъ adeptовъ въ самыхъ вліятельныхъ сферахъ, и кто восторжествуетъ—неизвѣстно,—нѣтъ-съ, *je vous fais mon compliment*; я даромъ и себѣ, и семьѣ своей головы свернуть не хочу, и... наконецъ,—губернаторъ вздохнулъ и договорилъ:—и, наконецъ, я въ настоящую минуту убѣжденъ, что въ наше время возможно одно направленіе—христіанское, но не поповско-христіанское съ запахомъ коноплянаго масла и ладана, а высоко-христіанское, какъ я его понимаю...

Онъ сложилъ котелочкой два пальца лѣвой руки и, швыря въ всѣ стороны тихіе щелчки, отъ которыхъ будто должно было летать что-то въ родѣ благодати, шепталъ:

— Миръ, миръ и миръ, и на всѣ стороны миръ,—вотъ что должно быть нашею задачей въ данную минуту, потому что *concordia parva res crescunt*, — малыя вещи становятся великимъ согласіемъ, — вотъ что читается на червонцѣ, а мы это забываемъ, и за то у насъ нѣтъ ни согласія, ни червонцевъ. Вотъ вамъ и тема; садитесь и шшите!

Я молчалъ, а губернаторъ хлебнулъ воды и перевелъ духъ.

— Вамъ навязываютъ трудъ о сельскихъ больницахъ—заговорилъ онъ послѣ этой поправки. — Это всегда такъ у насъ; свѣжій, способный человѣкъ,—его сейчасъ и завалитъ хламомъ; нѣтъ, а вы дайте человѣку идти самому; пусть

онъ *самъ* беретъ себѣ вопросъ и работаетъ... Я разработать ничего не могу — некогда; я могу бросить мысль — вотъ мое дѣло,—и онъ опять началъ пускать на воздухъ щелчки...—Но я долженъ имѣть людей способныхъ поднять, подхватить мою мысль на лету и развить ее... тоже на лету, а такихъ людей нѣтъ, положительно нѣтъ. И, не забудьте, ихъ у насъ нигдѣ теперь нѣтъ! Ихъ у самого Горчакова нѣтъ... я, по крайней мѣрѣ, ихъ и тамъ не вижу. То же самое, что вездѣ-съ... Возятся со славянскимъ вопросомъ, и ни назадъ, ни впередъ! Развѣ такъ надо? Если бы это вести какъ должно, то-есть, если бы не скрывать, что, съ одной стороны, панславистскій вопросъ — это вопросъ революціонный; что вообще національности — дѣло аристократическое, ибо мужику-съ все равно, русскій съ него подати беретъ, или не-русскій, а насильственно обрусить никого нельзя, потому что... былъ-съ вѣкъ созиданія искусственныхъ монархій, а теперь...

Губернаторъ бросилъ свои руки по разнымъ направленіямъ и проговорилъ:

— Теперь-съ вотъ что: теперь вѣкъ разъединенія всякихъ насильственныхъ политическихъ сцѣпленій, и противъ этого бороться глупо-съ... Извините, бросая мысли, я увлекаюсь, но вы это оформите мягче.

Я только поглядѣлъ на этого метателя... Нѣтъ, думаю, самъ, братъ, оформливай, что набросалъ.

Онъ, вѣроятно, замѣтилъ мое недоумѣніе и спросилъ, намѣренъ ли я служить.

— Нѣтъ, отвѣчаю,—отнюдь не намѣренъ.

— А почему?

Я хотѣлъ-было сказать, что неспособенъ; но, думаю, попадусь: скажетъ: «да неспособнымъ-то и служить», и отвѣтитъ, что мое здоровье плохо.

— Полноте, Бога ради! Нынѣшняя служба никого не изнуряетъ. Василій Ивановичъ говорилъ мнѣ, что вы нуждаетесь въ нѣкоторыхъ матеріалахъ для своей работы о больницахъ. Чудакъ этотъ Василій Ивановичъ!—вставилъ губернаторъ съ добродушною улыбкой. — Труженикъ вѣчный, а мастеръ — никогда! Я какъ увидѣлъ его — сказалъ это и не ошибся.

— А я его очень люблю,—сухо замѣтила губернаторша,

выбрасывая стеклышко изъ глазъ и дѣлаясь опять изъ страшнаго льва просто непріятной женщиной.

— И я, мой другъ, его люблю—отозвался губернаторъ:— но не могу же я его способностямъ давать больше цѣны, чѣмъ онѣ стоить. Не могу я ему ставить пять балловъ, когда ему слѣдуетъ два... только два! Онѣ прекрасный челоуѣкъ, *mais il est borné*... онѣ ограниченъ,—перевелъ мнѣ его превосходительство, и добавилъ, что онѣ велѣлъ Fortunatovu пустить меня въ канцелярію, гдѣ мнѣ «все откромють», и просилъ меня быть съ нимъ безъ чиновъ и за чѣмъ только нужно — идти прямо къ нему, въ чемъ даже взялъ съ меня и слово.

Для перваго визита мнѣ показалось довольно.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯ.

Я поблагодарилъ, раскланялся и ушелъ обласканный, но очень недовольный собой. Что это за вздорное знакомство! Противно даже. Зато, думаю, болѣе меня не позовутъ, потому что, вѣрно, я имъ, въ свою очередь, не очень понравился. Но Fortunatovъ зашелъ вечеромъ и поздравляетъ:

— Прекрасно, говорить, — ты себя держалъ, ты вѣрно все больше молчалъ.

— Да, говорю,—я молчалъ.

— Ну, вотъ губернаторъ тебя нашелъ очень дѣльнымъ и даже велѣлъ сегодня же къ нему писаря прислать: вѣрно хочеть «набросать мыслей» и будетъ просить тебя ихъ развить; а губернаторша все только сожалѣеть, что не могла съ тобой наединѣ поговорить.

— О чемъ же? Мы съ ней и такъ, кажется, много говорили и о полякахъ, и о призваніяхъ.

— Ну, да про поляковъ теперь ужъ все пустое, съ полгода тому бѣда была у насъ. Тутъ есть полячокъ Фуфаевскій, — онѣ все нашимъ дамамъ будущее предсказываетъ по линіямъ рукъ, да шулерничаетъ, — такъ онѣ ее напугалъ, что на ней польская кровь гдѣ-то присохла. Она, бѣдняга, даже ночью, какъ леди Макбетъ, по губернаторскому дому все ходила да стонала: «Кровь на насъ, кровь! иди прочь, Грегуаръ, на тебѣ кровь!» Ну, а тому отъ нея идти прочь неохота: вотъ она его этимъ и переломила на польскую сторону... Да это все вздоръ. Она мнѣ что-то другое о тебѣ говорила... О чемъ бишь она хотѣла отъ тебя,

какъ отъ способнаго человѣка, узнать?.. Да! вспомнилъ: ей надо знать открыто или нѣтъ средство, чтобы дѣтей въ ретортѣ готовить?

— Это, говорю,—что за глупость?

— Писано, говорить она,—будто было про это, а ей непременно это нужно: она дошла по книжкѣ Пельтана, что женщины сами виноваты въ своемъ униженіи, потому что сами рожаютъ своихъ угнетателей. Она хочетъ, чтобы дѣти въ ретортахъ готовились, какого нужно пола или совсѣмъ безполые. Я обѣщала ей, что ты насчетъ этихъ ретортъ пошныряешь по литературѣ и скажешь ей, гдѣ про это писалось и какъ это дѣлать.

— Ты, говорю,—гороховый шутъ и циникъ.

— Нѣтъ, ей-Богу, говорить, — я ей обѣщала, — да еще самъ, каналья, и смѣется.

— Ну, а успѣлъ общать, такъ умѣй самъ и исполнять какъ знаешь.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Цѣлую ночь я, однакожъ, продумалъ лежа въ постели: что это за люди и что за странный позывъ у нихъ къ самой безпричинной и самой беззавѣтной откровенности? Думалъ, рѣшалъ и ничего не рѣшилъ; а на утро только-что съѣлъ-было за свою записку, какъ вдругъ является совсѣмъ незнакомый господинъ, средняго роста, бѣлый, бѣлобрысый, съ толстыми, блѣдными, одутловатыми щеками, большими, выпуклыми голубыми глазами и розовыми губками сердечкомъ.

Вошелъ онъ очень торопливо, размахивая фуражкой съ кокардой, плюхнулъ прямо на стулъ у моего письменнаго стола и, усѣвшись, отрекомендовался Семеномъ Ивановичемъ Дергальскимъ.

Говорить картавя, присюсюкивая и сильно поплеывая въ собесѣдника.

— Плишелъ, говорить, — къ вамъ съ добрымъ намѣленіемъ, вы человѣкъ чужой и не видите, что съ вами творять. Кто васъ лекомендовалъ Фольтунатову?

Я отвѣчалъ, что мы съ Фортунатовымъ старые знакомые.

— Плесквельно, это плесквельно!—заговорилъ мой гость:—Фольтунатовъ пельвый поддецъ!—Извините меня: онъ васъ

длугъ, но я плезде всего цѣстный целовѣкъ и говолю плявду. Это онъ васъ повель къ губельнатолю?

— Онъ.

— Ахъ, мельзавецъ! Извините, я говолю всегда плямо. Онъ вѣдь не плявитель канцеляліи, а фокусникъ; онъ самъ и есть «сѣвельный магъ и вольсебникъ». Онъ хитль какъ чолтъ. Длугіе плячуть... Но позвольте я это напишу.

Я подаль ему карандашъ, а онъ написалъ прачуть, и продолжалъ:

— Да-съ; плячуть отъ начальства новыхъ людей, а онъ налосьно всѣхъ подводитъ, и члесь то безпильстлястнымъ слыветъ, а потомъ всѣхъ въ дуляцкіе колшаки налязаетъ. Я самое тлюдное влемея въ западныхъ губельніяхъ слязилъ и полезень былъ, и нагляды полючалъ, потому сто я плямой настояссій лусскій целовѣкъ... Я не хитлецъ, какъ онъ, сто баляхнинскимъ лалѣчиємъ говолить, а самъ и насымъ и васымъ, хузе зида Юськи, сто вакеу плодаеть; а я, видите, я даже на визитныхъ кальточкахъ себя не маскилюю...— и съ этимъ онъ подаль мнѣ свою карточку, на которой было напечатано: *Семень Ивановичъ Дерпальскій — почтовый люстраторъ.*— Видите, какъ плямо иду, а онъ ботвинью и бузявину лопаеть, а люскихъ людей выдаетъ ляху Фуфаевскому. Онъ сказалъ мнѣ: «я тебя съ губельнатолюмъ сблизу, и всѣхъ ляховъ здѣсь съ нимъ выведесь»... какъ самаго способнаго целовѣка меня пледставиль. Губельнатолю плосиль меня: «будьте, говолить, моимъ глазомъ и ухомъ, потому сто я хоть знаю все, сто дѣлается въ голодѣ, а сто изъ голода... Но, позвольте, это я напишу.

И онъ написалъ: *въ городъ*, и продолжалъ снова:

— «Сто изъ голода выѣзжаетъ, это только вы одни можете знать». Я на это для обьсей пользы согласился, а Фольтунатовъ мнѣ такъ устоилъ, сто я съ губельнатолюмъ говолить не могъ.

— Отчего же?

— Потому что губельнатолюша всегда тутъ зе вельтител. Фольтунатову подлецу это на луку: ему она не мѣсяеть; потому сто онъ пли ней налѣсно о лазныхъ vzdоляхъ говолить: какъ дѣтей въ летолтахъ плиготовлять и тому подобное, а самъ подсовываетъ ея музу сто хоцеть къ подписи, мелзавецъ, а я долзень былъ дѣло лясказать, что я за день промѣстлялювалъ, кто о цемъ писеть, — а она не

выходить. Я какъ настоящій службистъ прямо посоль, плямымъ путемъ, и одинъ лазъ пли ней прямо сказалъ ему: васе плевосходительство: мы о такихъ вестяхъ не пліучены говолить пли тлетьемъ лицѣ», а она сейчасъ: «Это и пли-класно! говолить: Глегуаль, выди, мой длугъ, вонъ, пока онъ долозить». Сто я тутъ могъ сдѣлать? Я нацинаю говолить, и наконецъ забываю, сто это она, а не онъ, и говолю, что Фуфаевскій послалъ своему блату въ Польшу письмо, стообъ онъ выслалъ ему сюда для губельнатоисы симпати-цескую польскую блошку, стобы подъ платьемъ носить; а она какъ вскочить... «Глегуаль! кличить: лясполядисъ сей-часъ его уловить! онъ меня обидѣлъ»—и съ тѣхъ поль меня въ домъ не плинимають. Тутъ Фольтунатовъ какъ пугный и вмѣсялся. «Позвольте, говолить, вамъ объяснить: вѣдь онъ это не съ злымъ умысломъ сказалъ: онъ хотѣлъ ска-зать, сто Фуфаевскій выписываетъ для губельнатоисы поль-скую бложку, а сказалъ *блошку*»... Но нѣтъ, позвольте ка-ландашъ, а то вы тоже этого не поймете.

Дергальскій схватилъ карандашъ и написалъ чѣтко: б-р-о-ш-к-у.

— Вотъ сло о цемъ дѣло!—продолжалъ онъ,—и это имъ Фольтунатовъ объяснилъ, да кстати и всѣмъ лазблаговѣ-стиль и сдѣлалъ меня сутомъ голоховымъ, а для чего? для того, сто я зналъ, что онъ губельнатоіу яму лостъ.

— Онъ... губернатору яму роетъ?

— А какъ зе? Я знаю, сто онъ ему одинъ лазъ даль подписать, и куда онъ это хотѣлъ отплавить.—Вотъ посмо-тлите, и даеъ бумагу, на которой написано: «Отца про-далъ, мать заложилъ и въ томъ руку приложилъ», а под-писано имя губернатора... Я это зналъ,—продолжалъ Дергаль-скій,—и стлемился послѣ ссоіы все это сообсить, но мнѣ не довѣляютъ, а почему? потому сто меня Фольтунатовъ сума-седсимъ и дулакомъ поставилъ, а подлець Фуфаевскій на меня козла изъ конюсни выпустилъ, а козелъ мнѣ насквозъ бокъ логами плопололъ и изувѣдилъ меня пли всѣхъ по-селеди улицы. Я тли мѣсяца въ постели лезалъ, и послалъ самую плавдивую залобу, сто козелъ на меня умысленно нусенъ за мой патліотизмъ, а они на-смѣхъ завели дѣло «о плободаніи меня козломъ съ политическими цѣлями по польской интлгѣ», и во влеме моей болѣзни въ Петелбулгъ статью послали «о чолякуюссемъ козлѣ», я тепель, послѣ

того, какъ это напечатано; ужъ я имъ нимало не опасенъ, потому сто считаюсь сумаседсимъ и интлиганомъ. Я вазныя, очень вазныя весси знаю, но не могу сказать, потому сто все, сто я ни скажу, только на-смѣхъ поднимаютъ: «его-де и козелъ съ политическими цѣлями билъ». Мнѣ тепель одному дѣлать нечего: я собилаю палтію, и плисоль васъ плосить: составимте палтію.

— Позвольте, говорю: противъ кого же мы будемъ партію составлять?

— Плотивъ всѣхъ, плотивъ Фольгунатова, плотивъ всѣхъ пледателей.

— Да я здѣсь, отвѣчаю,—новый человекъ и ни въ какія интриги входить не хочу.

— Не хотите? а если не хотите въ интриги входить, ну такъ вы плопали.

— Напротивъ, со мной всѣ очень довѣрчивы и откровенны! Дергальскій вскочилъ и захохоталъ.

— Поздлывляю!—заговорилъ онъ:—поздлывляю васъ! *Откловенны...* здѣсь всегда съ того начинается... всѣ отклоненны!... они какъ слѣпни всѣ въ новаго человека своихъ лицъ накладываютъ, а потомъ челвяки-то выведутся, да вамъ скуду всю и плоглызутъ... Поздлывляю! Тепель вы много отъ нихъ слысали длугъ пло дуга,—ну и попалисъ; тепель всѣ васъ и станутъ подозлввать, что вы ихъ длугъ длогу выдаете. Не вѣльте имъ! никому не вѣльте! Не интлнговать здѣсь тепель никому нельзя — повѣльте, нельзя. Дазе когда вы интлнгуете — меньше глѣха; вы тогда на одной столонѣ... Мой вамъ совѣтъ: составимте палтію.

— Нѣтъ-съ, отвѣчаю:—я ни къ какой партіи здѣсь принадлежать не намѣренъ, я сдѣлаю свое дѣло и уѣду.

— Нѣтъ-съ, вы такъ не сдѣлаете; сначала всѣ такъ говорятъ, а какъ вамъ голяцаго за козу залютъ, такъ и не уѣдете. Генелаль Пелловъ тоже сюда на недѣлю плѣхаль, а какъ пледводитель его нехолосо плинялъ, такъ онъ здѣсь ужъ втолой годъ живеть, и ходитъ въ клубъ спать.

Это еще, думаю,—что такое?

— Пелловъ, Пелловъ, извѣстный генелаль...—Дергальскій опять схватилъ карандашъ и написалъ: «П-е-р-л-о-в-ъ. — Знаете?

— Знаю.

— Ну вотъ онъ самый и есть: и жена, и дѣти узе сюда

къ нему ѣдутъ, — онъ бѣдный целовѣкъ, а больше тысячи лублей слафу въ клубъ пелемачиваетъ, и вотъ увидите, будетъ здѣсь сидѣть, пока совсѣмъ лазолится.

— А зачѣмъ онъ платитъ штрафъ?

— А потому сто все предводителю этимъ мститъ: предводительскій зять сталшиной въ клубѣ, а Пелловъ всякое его дезультво плиходить и спитъ въ клубѣ до угла, стобъ и предводительскій зять, какъ сталсина сидѣль, — вотъ за это и платитъ.

Что такое за чепуха? Неужто все это вправду выдѣльвается въ такое серьезное время? Дергальскій клянется и божится, что все это именно такъ; что предводитель терпѣть не можетъ губернатора и что потому всѣ думали, что они съ генераломъ Перловымъ сойдутся, а вышло иначе: предводитель — ученый генераль и свысока принялъ Перлова, — боевого генерала, и вотъ у нихъ, у двухъ генераловъ, ученаго и боевого, зашла война, и Перловъ, недовольный предводителемъ, не будучи въ силахъ ничѣмъ отмстить ему лично, спитъ въ клубѣ на дежурствѣ предводительскаго зятя и разоряетъ себя на платежи штрафа. Чортъ знаетъ что такое!

— Вы, говорю, — не имѣете ли какихъ-нибудь соображений объ устройствѣ врачебной части Россіи? Вотъ это мнѣ очень интересно!

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Дергальскій: — не имѣю... Я слыхалъ сто будто насъ полицеймейстель своихъ позалныхъ солдатъ отъ всѣхъ болѣзней келасиномъ лѣчитъ, и очень холосо; но будто бы у нихъ отъ этого животы насквозъ свѣтятся; однако, я боюсь это утвелздать, потому что, мозетъ быть, мнѣ все это на смѣхъ говолили, для того стобъ я это ласпустиль, а потомъ подъ этотъ слѣдъ хотятъ сдѣлать какую-нибудь дѣйствительную гадость, и тогда плу ту узъ нельзя будетъ сказать. Я тепель остолозень.

— Не поздно ли?

— Да, поздно; но если составить палтію...

— Нѣтъ, меня, говорю, — увольте.

— Забѣю, говоритъ, — оценъ. Вы, по клайней мѣлѣ, хоть цѣмъ-нибудь запаситесь.

— Чѣмъ же?

— Секлетъ какой-нибудь имѣйте въ лукахъ, а то...

— Чего же вы опасаетесь?

— Чего? пелвымъ вледнымъ целовѣкомъ васъ сдѣлають,— да-съ!

Съ этимъ Дергальскій вздохнулъ, крѣпко сжалъ мою руку и вышелъ.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ПЯТАЯ.

Ужасно разстроилъ меня этотъ сюсюкающій господинъ и звукомъ своего голоса, и своими нервами, и своими комическими несчастіями, и открытіемъ мнѣ глазъ. Последнее особенно было мнѣ непріятно. Въ самомъ дѣлѣ: гдѣ же это я и съ кѣмъ я? И наконецъ, кто же мнѣ ручается, что онъ самъ говоритъ правду, а не клевететь? Однимъ словомъ, я въ мужскомъ тѣлѣ ощущалъ безпокойное чувство женщины, которой незваная и непрошенная дружба открываетъ измѣны любимаго человѣка и ковы разлучницы. На что мнѣ было знать все это, и какая польза мнѣ изъ всѣхъ этихъ предостереженій? Лучше всего.. въ сторону бы какъ-нибудь отъ всего этого.

Открываюсь Фортунатову: говорю ему, что мнѣ что-то страшно захандрилось, что я думаю извиниться письмомъ передъ предводителемъ и уѣхать домой, отказавшись вовсе представлять мою неоконченную записку объ устройствѣ сельской медицины.

Фортунатовъ вооружился противъ этого.

— Это, говорить, — будетъ стыдъ и позоръ, срамъ и безчестіе; да и отчего это тебѣ такъ вдругъ пришла фантазія бѣжать.

— Робость, шучу,—напала.

— Да ты не ухмыляйся; у тебя не равно не былъ ли какъ-нибудь нашъ сюсюка?

— Кто это сюсюка?

— Почтмейстеръ.

— Ты, говорю,—отгадай: онъ былъ у меня.

Фортунатовъ хлопнулъ по столу рукой и воскликнулъ:

— Экое веретено, экая скотина!.. Такой мерзавецъ: кто ни прѣдетъ новый человѣкъ, онъ всегда ходитъ, всѣхъ смущаетъ. Мститъ все намъ. Ну, да погоди онъ себѣ: онъ нынче, говорятъ, сталъ ночами по заборамъ мѣломъ всякія пасквили на губернатора и на меня сочинять; дай срокъ, пусть его только на этой обличительной литературѣ изловить, ужъ я ему голову сорву.

— Онъ, говорю, — и безъ того на тебя плачется и считаетъ тебя коварнымъ человѣкомъ.

— Коварнымъ? ладно, пусть считаетъ. Дуракъ онъ и больше ничего: его ужъ и козлы съ политическими цѣлями бьютъ.

— Не знаю, говорилъ или не говорилъ, а въ сатирическихъ газетахъ было написано; не читалъ статью: «Полякующій козель»?

— Нѣтъ, не читалъ и не хочу.

— Напрасно, — это остроумно написано, да къ тому же это и правда: я навѣрно знаю: это Фуфаевскій училъ козла биться и спустилъ его на Дергальскаго.

— Извините, пожалуйста, но это не дѣлаетъ всѣмъ вамъ чести, что вы злите человѣка до потери сознанія, пока онъ на всѣхъ кошкой сталъ бросаться.

Фортунатовъ харкнулъ и плюнулъ.

— Нечего, говорю, — плевать: онъ комиченъ немножко, а все-таки онъ русскій человѣкъ, и пока вы его не дразнили, какъ собаку, онъ жилъ, служилъ и дѣло дѣлалъ. А онъ, видно, вретъ-вретъ, да и правду скажетъ, что въ васъ русскаго-то только и есть, что квась да буженина.

— Ты, братъ, — отвѣчаетъ мнѣ Фортунатовъ: — если тебѣ нравятся эти сентиментальныя рацеи разводять, такъ разводи ихъ себѣ разводами съ кѣмъ хочешь, вонъ хоть къ женѣ моей ступай, она тебя кстати морошкой угостить, — а мнѣ, любезный другъ, ужъ всѣ эти дураки надоѣли, и русскіе, и польскіе, и нѣмецкіе. По мнѣ хоть всѣхъ бы ихъ въ одинъ костеръ, да подпалить лучинкою, такъ въ ту же пору. — Вотъ не угодно ли получить бумаги ворошокъ, — позаймись, Христа ради, — и съ этимъ подаетъ свертокъ.

— Что это такое?

— Губернаторскія мысли, какъ все извлечь изъ ничего.

Разворачиваю и читаю, великолѣпнѣйшимъ каллиграфическимъ почеркомъ надписано: «Секретно. Рядъ мыслей о возможности совмѣщенія мною несомвѣстимыхъ началъ управленія посредствомъ примиренія идей».

— Ну, что это ты мнѣ, Василій Ивановичъ, за вздоръ такой приносишь?

— А ты обработай, чтобъ оно вышло не вздоръ.

— Нѣтъ, опять говорю, — Дергальскій видно правъ, что

ты нарочно всѣмъ подводишь вотъ этакій неразрѣшимый вздоръ разрѣшать.

Фортунатовъ повелъ на меня косо глазами, обошелъ комнату и, поровнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ я сидѣлъ, вдругъ ткнулъ мнѣ кукишъ.

— Вотъ на-ка, говоритъ, — тебѣ съ твоимъ Дергальскимъ! Напрасно я за всѣхъ за васъ въ петлю небось не лѣзу! Я, братъ, съ натурою человѣкъ былъ, а не мудрецъ, и жену любилъ, а отъ этого у меня шесть дѣтей приключилось: имъ кусокъ хлѣба надо. Что вы, черти, въ самомъ дѣлѣ на меня претендуете? Я человѣкъ глупый, ну такъ и знайте. Я и самъ когда-то было прослылъ за умнаго человѣка, да увидаль, что это глупо, что съ умомъ на Руси съ голоду издохнешь, и ради дѣтей въ дураки пошелъ, ну и зато воспиталь ихъ не такъ, какъ у умниковъ воспитываютъ: мои себя честнымъ трудомъ пропитають, и ребятъ въ ретортахъ приготавливать не стануть, и польскаго козла не испужаются. Что-нибудь одно: умомъ хочешь кичиться, — ну другого не ищи, либо терни, пусть тебя дуракъ дуракомъ зоветъ. А мнѣ плевать на все: хоть зовуткой зови, только хлѣбомъ корми.

— Прегадкая, говорю, — у тебя философія.

— Своя, братъ, зато: не у нѣмца вычиталь; эта по крайности не обманеть.

— Скажи лучше, незнакомъ ли ты съ генераломъ Перловымъ?

— Съ Иваномъ-то воиномъ?

— Да.

— Господи помилуй! — Фортунатовъ перекрестился и нѣжнымъ, ласковымъ тономъ добавилъ: — Я обожаю этого человѣка.

— Онъ какъ же, по-твоему, умень или глупъ?

Фортунатовъ покусаль себѣ ноготь, вздохнулъ и говоритъ:

— Это вѣдь у насъ только у однихъ такихъ людей цѣнить не умѣють. У англичанъ вонъ военачальникъ Магдалу какую-то, изъ глины смазанную, въ Абиссиніи взялъ, да и за ту его золотомъ обсыпали, такъ что и внуки еще макушки изъ золотой кучи наружу не выдерутъ; а этотъ вѣдь въ такой адъ водилъ солдатъ, что другому и не подумать бы ихъ туда вести, а онъ идетъ впереди, самъ пляшетъ, на балалайкѣ играетъ, саблю бросить, да вѣткой

съ ракиты помахиваетъ: «Эхъ, говорить, ребята, отъ аглицкихъ мухъ хорошо и этимъ отмахиваться». Душа занимается! Солдатамъ-то просто и задуматься некогда, — такъ и умирають, посмѣиваясь, за матушку за Русь да за вѣру!.. Какъ хочешь, вѣдь это, братъ, таланты! Нѣтъ, это тебѣ сюсюка хорошо посовѣтоваль: ты сходи къ Перлову, не пожалѣешь.

— Да какъ же, говорю, — я и радъ бы пойти, да не могу: надо же, чтобы меня ему кто-нибудь представилъ.

— Сдѣлай милость, выбрось ты изъ башки этотъ вздоръ: ничего этого у насъ не надо: мы люди простые, ѣдимъ пряники неписанные, а онъ такой рубака... и притомъ ему дѣлать нечего, и онъ очень радъ будетъ предъ новымъ чело-вѣкомъ начальство поругать.

— А это для чего же?—спрашиваю.

— Чтò это—начальство-то ругать? Да это ужъ, знаешь, такая школа: хорошъ жемчужокъ да не знаешь куда спря-тать, и въ коробъ не лѣзетъ и изъ короба не идетъ; съ подчиненными и съ солдатами—отецъ, равному—братъ, а старшаго начальства не переносить, и оно, въ свою оче-редь, тоже его не перевариваетъ. Да онъ и самъ не знаетъ, на какой гвоздокъ себя повѣсить. Службу ему надо, да чтобы безъ начальства, а такой еще нѣтъ. Одно бы развѣ: послать его съ особою арміею въ центральную Азію разы-скать жидовъ, позабытыхъ въ плѣну Зоровавелемъ. Это бы ему совсѣмъ по шерсти, — такъ вѣдь не посылають! Вотъ онъ, бѣдняга, здѣсь такъ и мается: коровъ доить, шинокъ держать, сосѣдскихъ куръ на огородѣ стрѣляетъ, да въ клубъ спать ходитъ.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТАЯ.

На другой день встрѣчаю случайно Фортунатова, а онъ и кричитъ еще издали:

— А я, говорить, — братъ, сейчасъ отъ кровожаднаго генерала: про тебя съ нимъ разговаривали и про твои за-боты о народѣ сказывалъ ему.

— Ну чтò же такое, говорю, — что ты все съ такими усмѣшками и про народъ, и про мои заботы, и про гене-рала? Что же твой генералъ?

— Очень радъ тебя видѣть, и о народѣ, сказалъ, пого-

воримъ. Иди къ нему; теперь тебѣ даже ужъ и нельзя не идти, невѣжливо.

«Сбываетъ,—думаю:—разбойникъ, меня съ рукъ!.. Ну, а ужъ нечего дѣлать: пойду къ кровожадному генералу».

— Только ты, говорить, — иди вечеромъ и въ сюртукѣ, а не во фракѣ; а то онъ не любитъ, если на визитъ по-хоже.

Я и на это согласился.

Пришелъ вечеръ, я одѣлся и пошелъ.

Домикъ кровожаднаго генерала я, разумѣется, и прежде зналъ. Это небольшой, деревянный, чистенькій домикъ въ три окна, изъ которыхъ на двухъ крайнихъ стояли чубуки, а на третьемъ, среднемъ, два чучела: большой, голенастый красный пѣтухъ въ каскѣ съ перьями, и молодой черный козленокъ съ бородой, при штатской шнагѣ и въ цилиндрической гражданской шляпѣ.

Подъѣзда съ улицы нѣтъ, а у калитки нѣтъ звонка. Я взялся за большое желѣзное кольцо и слегка потрепалъ его.

— Не стучите, не стучите, и такъ не заперто, — отвѣчалъ мнѣ со двора немного рѣзкій, но добрый и кроткій голосъ.

Я пріотворилъ калитку и увидѣлъ предъ собою необыкновенно чистенькій дворикъ, усыпанный желтымъ пескомъ, а въ глубинѣ — садъ, отдѣланный узорчатою рѣшеткой. На крыльцѣ домика сидѣлъ тучный, крупный человекъ, съ густыми волосами впросѣдъ, съ небольшими коричневыми, медвѣжьими глазками и носомъ изъ разряда тѣхъ, которые называются дулями. Человекъ этотъ былъ одѣтъ въ полосатые турецкіе шаровары и сѣрый нанковый казакинъ. Онъ сидѣлъ на крыльцѣ, прямо на полу, сложивъ ноги по-турецки. Въ зубахъ у него дымился чубукъ, упертый другимъ концомъ въ укрѣпленную на одной ступени желѣзную подножку, а въ рукахъ держалъ черный, частый роговой гребень и копошился имъ въ бѣлой какъ лень головкѣ лежавшаго у него въ колѣняхъ трехлѣтняго длинноволосаго мальчишки, босого и въ довольно грязной ситцевой рубашкѣ.

— Пожалуйте! — проговорилъ онъ мнѣ привѣтливо, увидя меня на порогѣ калитки, и при этомъ толкнулъ слегка мальчишку, бросилъ ему гребень и велѣлъ идти къ матери.

— Это, что вы видите, — продолжалъ онъ: — кухаркинъ

сынъ; всякій день, каналья, волочетъ ко мнѣ послѣ обѣда гребень: «Дяденька, говоритъ, попугай непріятелей». Сосѣдки дьячихи дѣти, семинаристы, его научили. Прощу васъ въ комнату.

Я поклонился и пошелъ за нимъ, а самъ все думаю: кто же это, самъ онъ генералъ Перловъ, или нѣтъ? Онъ сейчасъ же это замѣтилъ и, введя меня въ небольшую круглую залу, отрекомендовался. Это былъ онъ самъ кровавадный генералъ Перловъ; мою же рекомендацію онъ отстранилъ, сказавъ, что я ему уже достаточно отрекомендованъ моимъ пріятелемъ.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМАЯ.

Мы сѣли въ небольшой, по старинѣ меблированной гостиной, выходящей на улицу тѣми окнами, изъ которыхъ на двухъ стояли чубуки, а на третьемъ красный пѣтухъ въ генеральской каскѣ и козель въ черной шляпѣ, а противъ нихъ на стѣнѣ портретъ царя Алексѣя Михайловича съ развернутымъ указомъ, что «учали на Москву приходять такіе-сякіе дѣти нѣмцы и ихъ, такихъ-сякихъ дѣтей, нѣмцевъ, на воеводства бы не сажать, а писать по черной сотнѣ».

Въ углу сіялъ отъ лампы большой образъ пророка Іліи съ надписью: «ревнуя поревновахъ о Богѣ Вседержителѣ». Генералъ свистнулъ и приказалъ вошедшей женщиной подать намъ чаю и, какъ предсказывалъ мой пріятель, немедленно же началъ поругивать все петербургское начальство, а затѣмъ и мѣстныя власти. Бранился онъ довольно зло и минутами очень ѣдко, и обращался къ поминутному указу царя Алексѣя, но про все это въ подробностяхъ вамъ нечего рассказывать. Особенно зло отъ него доставалось высокопоставленнымъ лицамъ въ Петербургѣ; къ мѣстнымъ же онъ относился съ нѣсколько презрительною ироніей.

— Здѣсь верховодятъ и рядятъ,—говорилъ онъ:—козель да пѣтухъ: вотъ я и изображеніе ихъ изъ почтенія къ нимъ на окно выставилъ,—добавилъ онъ, указывая чубукомъ на чучель.—Здѣсь всѣ знаютъ, что это представляетъ. То вотъ этотъ пѣтухъ—предводитель-многоженецъ ореть да шпорой брыкаеть; то этотъ козленокъ—губернаторъ блееть да бороденкой помахиваетъ,—все ничего: идетъ.

Знаете, какъ покойный Панинъ Великой Екатерины отвѣчалъ на вопросъ: чѣмъ сей край управляется? «Управляется»,—говорить онъ:—«матушка императрица, милостію Божіею да глупостію народной».—Генераль весело и громко засмѣялся, и потомъ вдругъ неожиданно меня спросилъ:

— Вы Николая Тургенева новую книжку читали?

Я отвѣчалъ утвердительно. Генераль, помолчавъ, высморгался и сначала тихо улыбнулся, а потомъ совсѣмъ захохоталъ.

— «Стяните вы ее, Россію-то, а то вѣдь она у васъ р-а-з-с-ы-п-е-т-с-я!»—привелъ онъ изъ тургеневской брошюры и снова захохоталъ.— Вы впрочемъ сами здѣсь, кажется, на счетъ стягиванья... липкимъ пластыремъ, что ли, ее, Ѳедорошку, спеленать хотите?—обратился онъ ко мнѣ, отирая выступившія отъ смѣха слезы.— Скажите, Бога ради, что такое вы задумали намъ приснастить.

Я рассказалъ.

— Пустое дѣло,—отвѣчалъ, махнувъ рукой, генераль.— Вы можетъ-быть не любите прямого слова; въ такомъ случаѣ извините меня, что я вамъ такъ говорю, но только, по-моему, все это больше ничего какъ отъ бездѣлья рукодѣлье. Нѣтъ, вы опишите-ка насъ всѣхъ хорошенько, если умѣете,—вотъ это дѣло будетъ! Я знаю, что будь здѣсь покойный Гоголь, или Несторъ Васильичъ Кукольникъ, они бы отсюда по сту томовъ написали. Сюда прежде всего надо хорошаго писателя, чтобъ онъ все это описать, а потомъ хорошаго боевого генерала, чтобъ онъ всѣхъ отсюда вонъ выгналъ. Вонъ что здѣсь нужно, а не больницы, о которыхъ васъ никто не проситъ. Чего вы ихъ насильно-то навязываете? Молчать и еще, какъ Шевченко писалъ, «на тридцати языкахъ молчать», а молчать, значитъ «благоденствуютъ».

Генераль опять засмѣялся и потомъ неожиданно спросилъ:

— Вы Шевченку покойнаго не знали?

Я отвѣчалъ, что не зналъ.

— А ко мнѣ его одинъ полицеймейстеръ привозилъ. Расхвалилъ, кавалья, что будто «стихи, говоритъ, отличные на начальство знаетъ». Ну, молъ, пожалуй, привезите: и точно недурно, даже можно сказать очень недурно: *Сонъ, Кавказъ* и *Къ Памятнику*, но больше всего поля-

ковъ терпѣть не могъ. Ухъ, батюшка мой, какъ онъ ихъ, бездѣльниковъ, ненавидѣлъ! То-есть это просто чортъ знаетъ что такое! *Гайдамаки* читаетъ и кричитъ: «будемъ, будемъ рѣзать тату!» Я ужъ и окна велѣлъ позатворять... противъ поляковъ это, знаете, не безопасно,—и послѣ цѣлую недѣлю лопатой голосъ изъ комнаты выгребали,—столько онъ накричалъ.

— Но вы же вѣдь, ваше превосходительство,—спрашиваю,—кажется и сами очень изволите не любить поляковъ?

— Поляковъ? нѣтъ, я враждебнаго противъ нихъ не имѣю ничего... а любить ихъ тоже не за что. Аристократички, трусы, дрянъ, хвастуны, интриганы и рухавка... ухъ, какая рухавка! Ухъ, ухъ, ухъ, какая рухавка! Такіе бездѣльники, что съ ними драться-то даже не съ кѣмъ. Какъ въ шакалку не надо стрѣлять, потому что ружье опоганишь, такъ и въ поляка; на него хорошаго солдата посылать жалко. Въ послѣднее повстанье я шелъ усмирять ихъ, думалъ, что авось тѣ каналы, которые въ нашихъ корпусахъ и академіяхъ учились, хоть тѣ, хоть для гонора, для шика не ударятъ лицомъ въ грязь и попрактикуютъ нашихъ молодыхъ солдатиковъ,—какъ-нибудь соберутся насъ поколотить. Ничего не бывало: вѣровали, рухавка этакая канальская, что Наполеонъ на нихъ смотреть, а смотрѣть-то и не на что. Подлѣйшая для насъ война была! Если бы не кое-какія свои старыя хитрости—просто бы несчастье: могли бы деморализоваться войска. У меня въ два мѣсяца одинъ офицеръ влюбился въ польку и убѣжалъ, одинъ въ карты проигрался и застрѣлился, да два солдата съ ума сошли. Сноситесь объ этомъ по начальству, пишете въ Петербургъ: много тамъ поймутъ боевое дѣло «военные чиновники» и «моменты»!.. Я, — вѣчное благодареніе Творцу и Создателю (генераль набожно перекрестился),—я вышелъ изъ затрудненій безъ петербургскихъ наставленій.

Я говорю: «Я слушаю, ваше превосходительство, съ крайнимъ любопытствомъ».

Генераль сталь продолжать.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ВОСЬМАЯ.

— Я, говоритъ,—дѣйствовалъ на корень: офицеры и солдаты скучали; надо было ихъ развлечь, а въ деревушкѣ

чѣмъ же ихъ развлечь? Вижу, бывало, что ужъ очень за-
тосковали и носы повѣсили, ну, и жаль ихъ бывало; и го-
ворю: ну, ужъ чортъ васъ возьми, прозѣвайте такъ и быть:
выпустите человѣкъ пять плѣнныхъ изъ сарая, пускай они
по лѣсу побѣгаютъ. А какъ тѣ побѣгутъ, пошлешь за ними
погоняться,—народъ немножко и поразбѣется. Но только
вѣдь подите жъ вы, треанаяемскія ихъ души, эти поля-
чишки: совсѣмъ отъ меня бѣгать не стали. «Бѣгите, паны»,
шепчуть имъ подученные люди,—пѣть, не идутъ! По пяти
цѣлковыхъ, наконецъ, черезъ вѣрныя руки давалъ каж-
дому, который согласится бѣжать: деньги возьмутъ—а не
бѣгутъ. Самъ наконецъ, лично, съ глаза на глазъ ихъ под-
манивалъ: «Эхъ, говорю, паны братья, какая большая
банда здѣсь недалеко въ лѣсу есть!—такая, молъ, что даже
боимся ее». Не идутъ да и только!

— Но позвольте же, возражаю,—но откуда же плѣнные-то
у васъ взялись?

— А это какіе-то старые, еще до моихъ временъ попа-
лись. Я ихъ по наслѣдству получилъ. При мнѣ шаталась
какая-то горстка, человѣкъ въ шестьдесятъ; солдатики че-
ловѣкъ сорокъ изъ нихъ закололи, а человѣкъ двадцать
взяли. Я приказалъ тройку повѣсить, а человѣкъ пятнад-
цать назадъ выпустить, чтобы рассказывали, какой съ
ними у меня судъ; съ тѣхъ поръ въ моемъ районѣ все и
стихло.

— Какъ же это, спрашиваю, вы безъ суда сейчасъ и
повѣсили?

— Ну, вотъ еще, судить! Чего жъ поляковъ судить?
Который виноватъ?—Они всѣ виноваты, а котораго повѣ-
снить, это солдаты гораздо правосуднѣе чиновниковъ разби-
раютъ: которые потяжеле, пошибче ранены, тѣхъ и вздер-
нуть, а которые поздоровѣй и порѣвѣй—тѣхъ вышустятъ,
чтобы дальше пробѣжали да понагнали страху, какъ ихъ
москали пробираютъ. Зато этакой просто какъ заяцъ летитъ
и службу свою мнѣ лучше всякой газеты исполняетъ. Они,
впрочемъ, и вообще народъ исполнительный, ни съ кѣмъ на
свѣтѣ такъ не легко управляться, какъ съ поляками. Они къ
европейской политикѣ, дѣйствительно, довольно непонят-
ливы, по своей безтолковости: потому и Наполеона ждуть
къ себѣ; но зато отъ природы сотворены, чтобы русской
политикѣ подчиняться, и, сами того не сознавая, очень ее

любить, право. Съ полякомъ, вѣдь, главное, не надо только церемониться и антимоніи разводить; вѣренъ онъ—не кори его ничѣмъ, а если нашель у него порохъ въ фортепіано,—какъ я у одного своего пріятели отыскаль... тутъ же положилъ его на фортепіано да велѣль казакамъ хорошенько нагайками выпоротъ, а потомъ опять обѣдать его зазвалъ—и ничего. Полякъ за это никогда не сердится. Напротивъ, этотъ мой пріятели, послѣ того, какъ я его выпоролъ, даже всемъ меня хвалиль—трубою про меня трубиль: «остро, говорить, постемпуе,—але человекъ, бардзо почтивый». Вѣдь и вся эта рухавка-то вышла изъ-за церемоній, все это «пять офяръ», пять варшавскихъ мертвецовъ надѣлали. Говоръ пошелъ: «стрѣляйонъ насъ, пане москали!» Ну, вотъ вамъ и претексть для жалобъ и къ Наполеону, и къ Европѣ. Кровь, знаете, благородное дѣло! Тутъ и панъ Халивскій, и панъ Малявскій—все въ азартъ входятъ: «и меня и меня, говорятъ, ледви не застрѣлили!» А надо было никого не убивать, и даже холостымъ зарядомъ не стрѣлять, а казаковъ съ нагайками на нихъ, да пожарную команду съ водой. Какъ вспороли бы ихъ хорошенько, да водой какъ куръ облили бы,—они бы и молчали, и не стали бы хвалиться, что «и я въ скурэ досталъ», и «мнѣ воды за шіе залили!» а напротивъ, стали бы все перекоряться—Стась на Яся, а Ясь на Стася,—дескать «меня не обливали» и «меня нагайкой не душили». Что бы тутъ дипломаты вашей Европы-то, за кого бы стали заступаться, когда и обиженныхъ вѣтъ? Надо, вѣдь, всегда играть на благородныхъ страстяхъ человека, а такового у поляковъ есть гордость: вотъ и надо бы не стрѣлять въ нихъ, а пороть да водою окачивать.

— Я полагаю, что ваше превосходительство шутите?

— Нимало-съ; да что же шуточнаго во всемъ томъ, что я вамъ говорю?

— Помилуйте, да что же бы, въ самомъ дѣлѣ, Европа-то тогда о насъ сказала?

— А вотъ теперь, небось, она зато про васъ очень хорошо говоритъ! А я бы, будь моя воля, я бы и Европу-то всю выпоролъ.

Я даже не выдержалъ и разсмѣялся.

— За что же, молъ, ваше превосходительство, вы такъ строго хотите обойтись съ Европой?

— Съ Европой-то-съ! Господи помилуй: да мало ли на ней, на старой грѣшницѣ, всякихъ винъ и неправдъ? И мотовство, и фатовство, и лукавство, и черезъ нее, проклятую цивилизацію, сколько рабочихъ рукъ отъ сохи оторвано, и казенную амуницію рветъ. — да еще не за что ее пороть. Нѣтъ-съ; пороть ее, пороть!

— Если дастся.

— Вздоръ-съ! Разумѣется, если ее дипломатическимъ путемъ къ тому приглашать, она не дастся, а кличь по землѣ русской кликнуть... какъ Бирнамскій лѣсъ съ прутьями пойдемъ и всѣхъ перепоремъ, и славянъ освободимъ, и Константинополь возьмемъ, и Парижскую губернію учредимъ, — и сюсюку Дергальскаго туда губернаторомъ посадимъ.

— Ну-съ, говорю, — о Парижской губерніи, я полагаю, теперь намъ ужъ не время думать, когда тамъ Бисмаркъ и Мольтке хозяйничаютъ.

— А что же такое ваши Бисмаркъ и Мольтке?

— Геніальные люди.

— Вздоръ-съ, мы всѣхъ поколотимъ.

Я усомнился и поставилъ на видъ превосходное устройство нѣмецкихъ силъ и образованность ихъ военачальниковъ.

— Вздоръ-съ, — возразилъ генераль. — Пусть себѣ они и умны, и учены, а мы все-таки ихъ поколотимъ.

— Да какимъ же образомъ?

— Да такимъ образомъ, что они тамъ своими умами да знаніями разочтутъ, а мы имъ такую глупость удеремъ, что они только рты разинутъ. Гдѣ по ихъ, по-ученому, намъ бы надо быть, тамъ гдѣ никого не будетъ, а гдѣ насъ не потребуется, тамъ мы все и явимся и поколотимъ, и опять въ Берлинъ Дергальскаго губернаторомъ посадимъ. Какъ только дипломатія отойдетъ въ сторону, такъ мы сейчасъ и поколотимъ. А то дипломаты!... сидятъ и смотрятся какъ нарцисы въ свою чернильницу, а боевые генералы плѣсенью обрастаютъ и съ голоду пухнуть.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТАЯ.

Я помолчалъ и потомъ тихо замѣтилъ генералу, что, однако, и дипломатическихъ пріемовъ огуломъ осуждать нельзя.

— Я и не спорю-съ противъ этого, — отвѣчалъ генераль. —

Я и самъ дипломатіи не отвергаю, но только я не отвергаю настоящей дипломатіи, короткой. Отвѣтъ такъ, чтобы про двой отвѣтъ и рассказывать было нельзя. Со мною и съ самимъ бывали случаи, что я держался дипломатіи. Я разъ прихожу, не помню, гдѣ-то въ Германіи, какого-то короля хотѣлъ посмотрѣть. Ъздилъ по Рейну, глядѣлъ-глядѣлъ на эти кирпичи, которые называютъ «развалинами»,—страсть надоѣло. Дай на другое взгляну: наговорили про одинъ дворецъ, что очень хорошъ и очень стѣбитъ, чтобы взглянуть, я и пошелъ. Прихожу-съ; а тамъ внизу передъ самою лѣстницей сидитъ нѣмецъ и показываетъ мнѣ, скотина, пальцемъ на этакія огромныя войлочные калони.

«— Это, моль,—что такое?»

«— Надѣнь, говорить.

«— Зачѣмъ же, моль,—я ихъ стану надѣвать?»

«— А затѣмъ, что безъ того, говорить,—по дворцу не пойдешь.

«— Ахъ ты, говорю, каналья этакая! Да я у своего государя не по такому дворцу, да и то безъ калошъ ходить,—а стану я для твоего короля шуткомъ наряжаться!

«— Ну, такъ вотъ, говорить,—и не пойдешь!

«А я плюнулъ ему въ эти кенъги и сказалъ:

«— Ну, такъ вотъ, скажи же своему королю, что я ему въ калони плюнулъ...

«Справлялся послѣ этого, сказали ли что-нибудь объ этомъ королю? ничего не сказали. Такъ и присохло. Вотъ такой тонъ, по-моему, должна держать и дипломатія: чтобы плюнулъ кому, и присохло! На насъ, боевыхъ генераловъ, клеветаютъ, будто мы только какъ цѣпныя собаки нужны, когда насъ надо спустить, а въ системѣ мирнаго времени ничего будто не понимаемъ. Врутъ-съ! А спросите-ка... теперь вотъ всѣ газетчики взялись за то, что въ Польшѣ одна неуклонная система должна заключаться въ томъ, чтобы не давать полякамъ забываться; а я-съ еще раньше, когда еще слуха о послѣдней рухавкѣ не было, говорилъ: закажите вы въ Англіи или въ Америкѣ гуттаперчеваго человѣка, одѣвайте его то паномъ, то ксендзомъ, то жидомъ, и возите его года въ два разъ по городамъ и въ-пайте. Послушайся они этого моего совѣта,—никто бы и

не ворохнулся, и капли крови не было бы пролито. Да что и говорить!

Генераль махнул рукой и добавил:

— Хоть бы на будущее-то время послушнѣе были, да за-года теперь такую штуку припасли бы, да по Ревелю, да по Ригѣ повозили нѣмцемъ одѣтую, а то вѣдь опять, гляди, скоро понадобится нѣмцевъ колотъ. А мнѣ, какъ хотите, мнѣ нѣмцевъ жалко: это не то, что гоноровое полячье без-мозглосе,—это люди обстоятельные и не перепорть мы ихъ сами, они пріятнѣйшіе соотечественники намъ были бы. Я помню, самъ въ Остзейскомъ краѣ два года стоялъ при покойномъ императорѣ, такъ эти господа нѣмцы намъ первые друзья были. Бывало, ничего каналья и по-русски-то не понимаетъ, а даже наши пѣсни поеть: замѣсто «по мосту-мосту» задуваетъ:

Офъ демъ брике, брике, брике,
Офъ демъ калинишевъ брике.

А нынче вонъ, пишуть, и они ужъ Wacht am Rhein запѣли и заиграли. Кто же, какъ не сами мы въ этомъ виноваты? Ну и надо теперь для ихъ спасенія, по крайней мѣрѣ, хоть гуттаперчевую куклу на свой счетъ заказывать, да какимъ-нибудь ее колбасникомъ или гофъ-герихтомъ наряжать и провѣшивать, чтобъ надъ живыми людьми не пришлось этой гадости дѣлать.

— А не находите ли вы, спрашиваю,—опасности въ томъ, что нѣмцы провѣдали бы, что человекъ-то, котораго вѣшаютъ, сдѣланъ изъ гуттаперчи?

— Ну, такъ что же такое, что провѣдали бы? Да имъ даже подъ рукою можно было бы это и рассказывать, а они все писали бы, что «москали всѣхъ повѣшали»; ученая Европа и порѣшила бы, что на Балтійскомъ поморьѣ нѣмцевъ ужъ нѣтъ, что нѣмцы всѣ ужъ перевѣшаны, а которые остались, тѣ, стало-быть, наши. Тогда они—послѣ пиши не пиши—никто заступаться не станетъ, потому что поляковъ ужъ нѣтъ, всѣ перевѣшаны; а за русскихъ заступаться не принято,—и весь бы этотъ дурацкій остзейскій вопросъ такъ и порѣшился бы гуттаперчевою куклой.

— Куклой!.. ну, говорю,—ваше превосходительство, теперь я ужъ даже и не сомнѣваюсь, что вы это все изволите шутить.

— Полноте, сдѣлайте милость! Вы меня этимъ даже

обижаете!—возразилъ съ неудовольствіемъ генераль. — А съ другой стороны, я даже и не понимаю, что васъ такъ удивляетъ, что кукла можетъ производить впечатлѣніе? Мало ли развѣ вы видите у насъ куколъ, которыхъ всѣ знаютъ за куколъ, а они не только впечатлѣніе производятъ, но даже рѣшеніемъ вопросовъ руководятъ? Вы здѣшній?

— Да, здѣшній.

— И еще, можетъ-быть, въ здѣшней гимназіи обучались?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Ну, такъ вы не можете не знать господина Калатузова?

— Какъ же, отвѣчаю,—очень хорошо его знаю.

— Дуракъ онъ?

— Да, не уменъ.

— Чего не уменъ, просто дуракъ. Я и отца его зналъ, и тотъ былъ дуракъ, и мать его зналъ—и та была дура, и вся родня ихъ были дураки, а и они на этого всѣ дивовались, что уже очень глупъ: никакъ до десяти лѣтъ казанскаго мыла отъ пряника не могъ отличить. Если, бывало, какъ-нибудь мать въ банѣ въ сторону засмотрится, онъ сейчасъ все мыло и поѣстъ. Людей сколько за это пороли. Просто отчаянье! До восемнадцати лѣтъ дома у гувернантки учился, пока ее обнимать началъ, а ничему не выучился; въ гимназію въ первый классъ по девятнадцатому году отдали и черезъ пять лѣтъ изъ второго класса назадъ вынули. Ни къ одному мѣсту не годился,—а вонъ добрые люди его въ Петербургѣ научили газету издавать, и пошло, и заговорили про него, какъ онъ вопросы рѣшаетъ. Вотъ вы его посмотрите: вчера былъ у меня; пріѣхалъ въ земство, гласнымъ выбранъ ради своего литературнаго значенія и будетъ голосъ подавать.

— Что же, спрашиваю,—поумнѣлъ онъ хотя немножко, редакторствуя?

— Какое же поумнѣть? Мыла, разумѣется, ужъ не ѣстъ; а пока сидѣлъ у меня—все пальцами носъ себѣ чистилъ. Изъ ничего вѣдь, батюшка, только Богъ свѣтъ создать, да и это нынѣшніе ученые у Него оспариваютъ. Нѣтъ-съ; сей Калатузовъ только помудрѣлъ. Спрашиваю его, что какъ его дѣла идутъ?

— Шли, говорить,—хорошо, а съ прошлаго года пошли хуже.

— Отчего же, молъ, это?

— Западъ, говорить,—у меня отвалился.

— Ну, вы, конечно, это горе поправили?

Думаль онъ думаль:—м-да,—отвѣчаетъ,—поправиль.

— Ну, и теперь, значить, опять хорошо?

— М-да, не совсѣмъ: теперь востокъ отпалъ.

— Фу, говорю,—какое критическое положеніе: этакъ все, пожалуй, можетъ разсыпаться?

Думаль, опять думаль и говорить, что можетъ.

— Такъ нельзя ли, молъ, какъ-нибудь такъ, чтобы и востоку, и западу приходилось по вкусу?

— М-можно, да... людей нѣтъ!

— Чтò такое?—Удивился, знаете, безмѣрно, что ужъ даже и пѣтый дуракъ и тотъ на безплодье жалуется.—Чтò такое, переспрашиваю,—и получаю въ отвѣтъ:

— Людей нѣтъ.

— Въ Петербургѣ-то способныхъ людей нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Не вѣрю, говорю.—Вы поискали бы ихъ поприлежнѣе, какъ голодный хлѣба ищеть.

— Искаль,—отвѣчаетъ.

— Ну, и что же? Неужто нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ну, вы въ Москвѣ поискали бы.

— А тамъ, говорить,—и подавно нѣтъ. Нынче ихъ нигдѣ ужъ нѣтъ; нынче надо совсѣмъ другое дѣлать.

— Что такое? любопытствую.—Разскажи, молъ, дура любезная, удиви, чтò ты такое надумала? А онъ-съ мени, дѣйствительно, и удивиль!

— Надо, отвѣчаетъ,—разомъ два изданія издавать: одно такъ, а другое иначе.

— Ну, скажите Бога ради, не тонкая ли бестія?—воскликнулъ, подскочивъ, генераль.—Видите выдумаль какой способъ! Теперь ему всѣ будутъ кланяться, вотъ увидите, и заискивать стануть. Не утаю грѣха,—я ему вчера первый поклонился: начнете, молъ, нашего брата солдата въ одномъ изданіи ругать, такъ хоть въ другомъ поддержите. Мы, молъ, за то подписываться станемъ.

— М-да, говорить,—въ другомъ мы поддержимъ.

— Такъ вотъ-съ, сударь,—заговорилъ, выпрямляясь во весь ростъ, генералъ:—вотъ вамъ въ нашъ вѣкъ кто на всѣхъ угодить, кто всѣмъ тонъ задасть и кто прочнѣе всѣхъ на землѣ водворится: это—*безнатурный дуракъ!*

ГЛАВА ВОСЬМИДЕСЯТАЯ.

Это было послѣднее слово, которое я слышалъ отъ генерала въ его домѣ. Затѣмъ, по случаю наступившихъ сумерекъ, старикъ предложилъ мнѣ пройтись, и мы съ нимъ долго ходили, но я не помню, что у насъ за разговоръ шелъ въ то время. Въ памяти у меня оставалось одно пугало: «безнатурный дуракъ», угрожающая которымъ Перловъ говорилъ не только безъ шутки и ироніи, а даже съ яростію, съ непримиримою досадою и съ горькою слезой на рѣсницахъ.

Старикъ проводилъ меня до моей квартиры, и здѣсь, крѣпко сжимая мою руку, еще нѣсколько минутъ на кого-то все жаловался; упоминалъ упавшимъ голосомъ фамиліи нѣкоторыхъ важныхъ лицъ петербургскаго высшаго круга и, въ заключеніе, вздохнувъ и потягивая мою руку книзу, прошепталъ:

— Вотъ такъ-то-съ царскаго слугу и изогнули какъ дугу!—а затѣмъ быстро спросилъ:—вы сейчасъ ляжете спать дома?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я:—я еще поработаю надъ моей запиской.

— А я домой только завтра, а до утра пойду въ дворянскій клубъ спать: я тамъ такимъ манеромъ предводительскаго зятя мучу: я сплю, а онъ дежурить, а у него жена молодая. Но зато штрафъ шельмовскій дорого стѣитъ.

Тягостнѣйшія на меня напали размышленія: фу ты, думаю себѣ, да что же это, въ самомъ дѣлѣ, за потока съ имбиремъ, ничего не разберемъ! Что это за люди и что за странныя у всѣхъ заботы, что за скорби, страсти и волненія? Отчего это все такъ духомъ взмѣшалось, взбуровилось и что, наконецъ, изъ этого всего выйдетъ? Что снимется ибнью, что падеть осадкой на дно и что отстоится и пойдетъ на потребу?

А генерала жалко. Изъ всѣхъ людей, которыхъ я встрѣтилъ въ это время, онъ положительно самый симпатичнѣйшій человекъ. Въ немъ какъ-то все пріятно: и его голосъ,

и его манеры, и его тонъ, въ которомъ не отличишь ироніи и шутки отъ серьезнаго дѣла, и его гнѣвъ при угрозахъ господствомъ «безнатурнаго дурака», и его тихое: «вотъ и царскаго слугу изогнули какъ въ дугу», и даже его не совсемъ мнѣ понятное намѣреніе идти въ дворянскій клубъ спать до свѣта.

Да, онъ положительно симпатичнѣе всѣхъ... кромѣ пристава Васильева. Ахъ, Боже мой: зачѣмъ, однакоже, до сихъ поръ не навѣщу въ сумасшедшемъ домѣ моего бѣднаго философа и богослова? Что-то онъ, какъ тамъ ориентировался? Находитъ ли еще и тамъ свое положеніе сноснымъ и хорошимъ? Это просто даже грѣхъ позабыть такую чистую душу... Рѣшилъ я себѣ, что завтра же непременно къ нему пойду, и съ тѣмъ легъ въ постель.

Записка не пишется, да и чтò писать—самъ не знаю, а ужъ въ умѣ у меня начали зарождаться лукавые замыслы, какъ бы свалить это дѣло съ плечъ долой.

— Не совсемъ это нравственно и благородно, думаю я,—засыпая, ну да что же подѣлаешь, когда ничего иного не умѣешь? Конечно, оно можно бы... да настойчивости и цѣлкости въ насъ нѣтъ... Лѣкарь Отрожденскій правъ: кажется, дѣйствительно, народъ еще можетъ быть предоставленъ пока своей смерти и сойдется съ ней и безъ медицинской помощи... Однако, какъ это безнравственно! Но... но Перловъ «безнатурнымъ дуракомъ» грозитъ... Страшно! Глушость-то такъ со всѣхъ сторонъ и напираетъ, и не ждетъ... Вздоры и раздоры такъ всѣхъ и засасываютъ... И вдругъ, среди сладкой дремоты, завязывающей и путающей эти мои соображенія, я чувствую толчокъ какою-то мягкой и доброю рукой, и тихій голосъ прошепталъ мнѣ надъ ухомъ: «Спи! это все сонъ!.. все это сонъ. Вся жизнь есть сонъ: проснешься, тогда поймешь, зачѣмъ все это путается».

Я узналъ голосъ становаго Васильева и... уснулъ, а утромъ просыпаюсь, и первое, что меня осянило: зачѣмъ же, однако, *мнѣ* поручили составить эту записку?—*мнѣ*, который не знаетъ Россіи, который менѣе всѣхъ ихъ живетъ здѣсь?

— Позвольте, позвольте!—воскликнулъ я вдругъ, хвативъ себя за голову. — Да я въ умѣ ли или нѣтъ? Что же это такое: я вѣдь ужъ не совсемъ понимаю, напримѣръ, что въ словахъ Перлова сказано на смѣхъ, и чтò взаправду

имѣть смыслъ и могло бы стоить вниманія?.. Что-то есть такого и иного!.. Позвольте... позвольте! Они (и у меня уже свои мнѣшескія *они*), они свели меня умышленно съ ума и... кто же это на-смѣхъ подвелъ меня писать записку? Нѣтъ! это не спроста... это...

Я вскочилъ, одѣлся и пообѣжалъ къ Дергальскому.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.

Застаю его дома, отвожу потихоньку въ сторону и секретно спрашиваю: не писалъ ли когда-нибудь кому-нибудь Фортунатовъ, чтобы пригласить меня къ составленію предварительной записки объ учрежденіи врачебной части въ селеніяхъ?

— Позвольте, отвѣчаетъ,—я сейчасъ сплявлюсь.

Юркнулъ куда-то въ шкафъ, покопошился тамъ, пошестилъ бумагами и отвѣчаетъ:

— Есть! писалъ!

И съ этимъ подаетъ мнѣ смятое письмо съ рубцомъ отъ бечевки, которою была стянута пачка.

Это было письмо Фортунатова къ предводителю моего уѣзда. Касающаяся до меня фраза заключалась въ слѣдующемъ: «Кстати, къ вамъ, по сосѣдству, пріѣхалъ помѣщикъ Орестъ Ватажковъ; онъ человѣкъ бывалый за границей и навѣрно близко знаетъ, какъ въ чужихъ краяхъ устраиваютъ врачебную часть въ селеніяхъ. Прихватите-ка и его сюда: дѣло это непременно надо свалить къ чорту съ плечъ».

— Да, вѣдь, предводитель, замѣчаю,—этого письма не получилъ?

— Какъ же... нѣтъ, получилъ.

— Какъ же получилъ, когда оно здѣсь у васъ?

— Да, да, да... онъ, стало-быть, не получилъ.

Я простился и иду домой, и вдругъ узнаю изъ непосредственнаго своего доклада, что я уже самъ путаюсь и сбиваюсь, что я уже полонъ подозрѣній, недоверій, что хожу потихоньку освѣдомляться, кто о чемъ говорилъ и писалъ, что даже самъ *читаю чужія письма*... вообще веду себя скверно, гадко, неблагородно, и имя мнѣ теперь... *интриганъ!*

Я встрепенулся и остолбенѣлъ на мѣстѣ. Я испугался этого ужаснаго, позорнаго имени, тѣмъ болѣе, что самъ не могъ дать себѣ отчета: слышу ли я это слово внутри себя,

или... или я даже изловленъ на интриганствѣ и подвергаюсь позорному обличенію.

Увы! это было такъ: глаза мои сказали мнѣ, что я пойманъ.

Поймалъ меня тотъ шуковатый полицеймейстеръ, котораго я видѣлъ у губернатора. Чортъ его знаетъ, откуда онъ проѣзжалъ мимо квартиры злосчастнаго Дергальскаго и по какому праву онъ, съ самою возмутительною фамильярностью, погрозилъ мнѣ, шутя, пальцемъ и въ силу чего онъ счелъ себя въ правѣ назвать меня интриганомъ. Фуи, неужто же такъ черезчуръ легко запутаться и... даже падать? А вѣдь, какъ хотите, неумѣстная и бессмысленная фамильярность полицеймейстера не что иное, какъ признакъ весьма не высокаго положенія моихъ фондовъ. Когда же я ихъ такъ уронилъ и чѣмъ именно? Это преглуно и предосадно.

Я возвратился домой въ самомъ дурномъ расположеніи духа, но только-что переступилъ порогъ, какъ сейчасъ же утѣшился: у себя я, сверхъ всякаго ожиданія, нашелъ генерала Черлова.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРАЯ.

Старикъ этотъ былъ мнѣ теперь вдвое милъ: я рассказалъ ему всѣ свои недоумѣнія и сюрпризы съ такою полною откровенностью, съ какою можно рассказывать свои дѣла только сердечнѣйшему другу. Онъ все молчалъ и сосалъ янтаръ своего черешневаго чубука, изрѣдка лишь отзываясь самими короткими, но опредѣлительными выраженіями. Губернатора называлъ «свистуномъ», губернаторшу обругалъ нецензурнымъ словомъ, про Дергальскаго сказалъ, что онъ «балалайка безструнная», а Фортунатова похвалилъ: «этотъ, говорить, въ кулакѣ изъ яйца цыпленка выведетъ»; а впрочемъ, обо всѣхъ сказалъ, что «всѣ они вмѣстѣ порядочная сволочь», и предлагалъ ихъ повѣсить. Предводителя я ужъ, разумѣется, и не коснулся, но о полицеймейстерѣ рассказалъ, какъ онъ нагло сейчасъ со мною расфамильярничался.

— Гвардейская привычка-съ, — отвѣчаетъ генералъ. — И ихъ, этихъ господъ, знаю: былъ и со мной такой случай, что ихъ братія пробовали со мной фамильярничать, да вѣдь мнѣ въ кашу не плюнешь. Я еще тогда въ маленькомъ чинѣ

служилъ. Мы не поладили какъ-то за картами. Мнѣ денщикъ ихъ говорить: «не ходите, говорить, къ намъ больше, ваше благородіе, а то наши господа хотятъ васъ бить». Я ему далъ на водку и прихожу и спрашиваю: правда ли, господа, будто вы хотите меня бить?—«Правда»; а ихъ осьмеро, а я одинъ. Ну, какъ же вы меня будете бить, когда васъ осьмеро, а я одинъ?—«А вотъ какъ», отвѣчаетъ самъ хозяинъ, да прямо меня по щекъ. Я очень спокойно говорю: я этому, господа, не вѣрю. Онъ второй разъ. Я опять говорю,—не вѣрю. Онъ въ третій; ну, тогда я взялъ его за ноги, взмахнулъ да и началъ имъ же самимъ дѣйствовать, и всѣхъ ихъ переколотилъ и взялъ изъ-подъ скамьи помойный тазъ, облилъ ихъ, да и ушелъ.

— Вы очень сильны.

— Нѣтъ, пудовъ двѣнадцать я больше теперь не подниму, а былъ силенъ: два француза меня безоружнаго хотѣли въ плѣнъ отвести, такъ я ихъ за вихры взялъ, лобъ объ лобъ толкнулъ и бросилъ,—больше ужъ не вставали. Да русскій человекъ вѣдь, вообще, если его лѣкарствами не портить, такъ онъ очень силенъ.

Ахъ, думаю, вотъ эта рѣчь мнѣ очень на руку, и спрашиваю: лѣчился ли онъ самъ когда-нибудь?

— Какъ же-съ, отвѣчаетъ.—Я въ медицину не вѣрю, даже одного лѣкаря разъ выпоролъ за ошибку, но я вѣдь женатый человекъ, такъ для женскаго спокойствія, когда нездоровится, постоянно лѣчусь, но только гомеопатіей и въ ослабленныхъ приемахъ.

— Ихъ приемы-то и вообще, моль, ужъ ослаблены.

— Ну все-таки, знаете, я нахожу, что еще сильно... все-таки лѣкарство, и внутрь пускать его не хорошо; а, я, какъ принесутъ изъ гомеопатической аптеки скляночку у себя ее на окно за занавѣску ставлю, оно тамъ и стоитъ: этакъ и жена спокойна, и я выздоравливаю. Вотъ вы бы этотъ способъ для народа и порекомендовали,—это ужъ самое безвредное. Ей-Богу!.. Ахъ, да и кстати: записку-то свою бросьте: дворяне ужъ сѣзжаются, и они всѣ будутъ противъ этого, потому что предводитель хочеть. Вотъ и опишите: губернаторъ не хочеть, предводитель хочеть, дворянство не хочеть потому, что предводитель хочеть, а предводитель хочеть потому, что губернаторъ не хочеть... Вотъ опишите это, и будетъ вамъ лучшая повѣсть нашего времени, и от-

дадутъ васъ за нее подъ судъ, а судъ оправдастъ, и тогда публика книжку раскупить. Впрочемъ, я предложу Калатузову, не хочеть ли, я самъ опишу все это въ видѣ романа. Не умѣю, да ничего. Гарибальди пишетъ, и тоже довольно скверно. А теперь поѣдемте, я обѣщаль васъ привезти познакомиться къ четыремъ дворянамъ... Отличные ребята, да вы вѣдь и должны имъ сдѣлать визиты какъ прїѣзжій.

Я поѣхаль и былъ съ его превосходительствомъ не у четырехъ, а у шести «отличныхъ ребятъ», которые какъ въ одно слово ругали предводителя и научили меня стоять на томъ, что при такихъ повсемѣстныхъ разладицахъ ничего предпринимать нельзя и надо все бросить.

— Это все *мои молодцы*,—пояснялъ мнѣ генераль, когда мы ѣхали съ нимъ домой.—Это все анти-предводительская партія, и вы ужъ теперь къ предводительскимъ не ѣдите, а то будетъ худо!

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯ.

Съ этой поры я, милостивые государи, увидѣлъ себя не только помѣшаннымъ, но даже въ силкахъ, отъ которыхъ такъ долго и ревностно отбивался. И пребываль я совсѣмъ стуманенный на засѣданїяхъ, на обѣдахъ, даваемыхъ, по здѣшнему выраженїю, съ «генераломъ Перловымъ»; былъ приглашаемъ «на генерала Перлова» и утромъ, и вечеромъ я слушалъ, какъ онъ жестоко казнилъ все и всѣхъ. Самъ я больше молчалъ и отзывался на все только изрѣдка, но представьте же себѣ, что при всемъ этомъ... меня изъ губернїи выслали. Что, какъ и почему? ничего этого не знаю, но прїѣхаль полицеймейстеръ и попросилъ меня уѣхать. Ходилъ я за объясненїями къ губернатору — не принялъ; ходилъ къ Фортунатову — на нервы жалуется и говорить: «ничего я, братецъ, не знаю»; ходилъ къ Перлову, — тотъ говорить: «повѣсить бы ихъ всѣхъ и больше ничего, но вы, говорить,—погодите: я съ Калатузовымъ поладилъ и романъ ему сочинять буду, тамъ у меня все будетъ описано».

Навѣстилъ въ послѣдній вечеръ становаго Васильева въ сумасшедшемъ домѣ. Онъ спокоенъ какъ нельзя болѣе.

— Какъ же, говорю, — вы это все сноситѣ?

— А что жъ? отвѣчаетъ,—тутъ прекрасно, и знаете ли, я здѣсь даже совершенно успокоился насчетъ многаго.

— Опредѣлились?

— Совершенно опредѣлился. Я христіанство, какъ религію, теперь совсѣмъ отвергаю. Мнѣ въ этомъ очень много помогъ здѣшній прокуроръ; онъ насъ навѣщаетъ и даетъ мнѣ *Revue Spirite*. Я проникся этимъ ученіемъ и, усвоивъ его, могу оставаться членомъ какой угодно церкви; передъ судомъ спиритизма религіозныя различія — это не болѣе, какъ «обычай извѣстной гостини», — не болѣе. А вѣдь въ чужомъ домѣ надо же вести себя такъ, какъ тамъ принято. Внутреннихъ моихъ убѣжденій, *истинной* моей вѣры, я не обязанъ предъавлять и осуждать за иновѣрство тоже нужды не имѣю. У спиритовъ это очень ясно; у нихъ, впрочемъ, все ясно: виноватыхъ нѣтъ, но не абсолютно. Преступленіе воли карается, но кара не вѣчна; она смягчается по мѣрѣ заслугъ и смываетъ преступленія воли. Я очень радъ, что мнѣ назначили этотъ экзаменъ здѣсь.

— Будто, говорю, — ваше спокойствіе нимало не страдаетъ даже отъ здѣшняго общества?

— Я этого не сказала, *мое...* Что *мое*, то, можетъ-быть, немножко и страдаетъ, но вѣдь это кратковременно и потому все это плоды *нашей* цивилизаціи (вы вѣдь, конечно, знаете, что увеличеніе числа помѣшанныхъ находится въ извѣстномъ отношеніи къ цивилизаціи: мужиковъ сумасшедшихъ почти совсѣмъ нѣтъ), а зато я, самъ я (Васильевъ просіялъ радостью), я спокоенъ какъ нельзя болѣе и... вы знаете оду Державина *Безсмертіе души*?

— Наизусть, отвѣчаю, — не помню.

— Тамъ есть такіе стихи:

Отъ безконечной единицы,
Въ комъ всѣхъ существъ вратится кругъ,
Какія бъ ни текли частицы,
Всѣ живы, вѣчны, вѣчень духъ!

Безконечная единица и ея частицы, въ ней же вращающіяся... вы это понимаете?

— Интересуюсь, говорю, — знать отъ васъ, какъ вы это понимаете?

— А это очень ясно, — отвѣчалъ съ безпредѣльнымъ счастіемъ на лицѣ Васильевъ: — частицы здѣсь и въ другихъ областяхъ; онѣ тутъ и тамъ испытываются и совершенствуются и когда освобождаются, входятъ снова въ составъ

единицы и потом снова развиваясь текутъ... Вамъ, я вижу, это непонятно? Мы съ прокуроромъ вчера выразили это чертежами.

Васильевъ вынулъ изъ больничнаго халата бумажку, на которой были начерчены одинъ въ другомъ три круга, начинающіеся на одной чертѣ и затушеванные снизу на равное пространство.

— Видите, все, что темное — это сонъ жизни, или теперешнее наше существованіе, а все свободное теченіе — это настоящее бытіе, безъ кожаной ризы, въ которой мы здѣсь спеленуты. Тѣло душевное бросается въ затушеванной площади, а тѣло духовное, о которомъ говоритъ апостоль Павелъ, течетъ въ сіяніи міровъ. Послѣ каждаго пробужденія кругозоръ все шире, видѣніе все полнѣе, любовь многообъемлюще, прошеніе неограниченнѣе... Какое блаженство! И... зато вы видите: преграды все возвышаются къ его достиженію. Вы знаете, отчего у русскихъ такъ много прославленныхъ святыхъ и тьмы темъ не прославленныхъ? Это все оттого, что здѣсь еще недавно было такъ страшно жить, оттого, что земная жизнь здѣсь для благороднаго духа легко и скоро теряетъ всякую цѣну. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи у насъ и теперь еще довольно благоприятно. Да, да, Россія въ экзаменаціонномъ отношеніи, конечно, и теперь еще, вообще, наилучшее отдѣленіе: здѣсь человѣкъ какъ золото выгораетъ отъ несправедливости; но вотъ намъ дѣлается знакомо правосудіе, расширяется у насъ мало-помалу свобода мысли, вообще становится нѣсколько легче, и я боюсь, не стануть ли и здѣсь люди вѣрить, что тутъ ихъ настоящая жизнь, а не... то, что здѣсь есть на самомъ дѣлѣ...

— То-есть?

— То-есть исправительный карцеръ при сумасшедшемъ домѣ, въ который насъ сажаютъ для обуздыванія нашей злой воли.

— Прощай, думаю, — мудрецъ въ сумасшедшемъ домѣ, — и съ этимъ, пожелавъ ему счастья, уѣхалъ.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Черезъ сутки я былъ уже въ Москвѣ, а на третій день, усаживаясь въ вагонъ петербургской дороги, очутился ностъ

къ носу съ моимъ уѣзднымъ знакомцемъ и рѣшительнымъ посредникомъ Готовцевымъ.

— Батюшка мой! Васъ ли я вижу? — восклицаетъ онъ, окидывая меня величественнымъ взглядомъ.

— Я, говорю, — что, съ своей стороны, могу болѣе подивиться, онъ ли это?

— Отчего же?..

— Да оттого, что вы такъ недавно были заняты службой.

— Полноте, Бога ради; я ужъ совсѣмъ тамъ не служу; меня *они*, бездѣльники, вѣдь подъ судъ отдали.

— За школы?

— Представьте, да, за школы. Прежде воспользовались ими и получили благодарность за устройство, а потомъ... Подлецъ, батюшка, вашъ Фортунатовъ! Губернаторъ чловѣкъ нерѣшительный, но онъ благороднѣе: онъ вспомнилъ меня и сказалъ: «Надо бы и Готовцева къ чему-нибудь представить». А бездѣльникъ Фортунатовъ: «Представить бы, говорить, — его къ ордену *блѣшней собаки!*» Ну, не скотъ ли и не циникъ ли? Пошелъ доказывать, что меня надо... подобрать... а губернаторъ безъ рѣшимости... онъ сейчасъ и согласенъ, и меня не только не наградили, а остановили на половинѣ дѣла; а тутъ еще земство начнетъ дѣйствовать и тоже взялось за меня, и вотъ я подъ судомъ и ѣду въ Петербургъ въ министерство, чтобъ искать опоры; и... буду тамъ служить, но ужъ это чортово земство пропеку-сь! Да-сь, пропеку. Вы какъ?

— Со мной, хвалюсь, — поступили тоже не хуже, чѣмъ съ вами, довольно рѣшительно, — и рассказываю ему, какъ меня выслали.

Готовцевъ сатирически улыбнулся.

— И вы, говорить, — такую всякую мѣру считаете «довольно рѣшительною»?

— А вы нѣтъ?

— Еще бы! Я бы васъ за это не высласть, а къ Макару телятъ гонять послать.

— Но за что же-сь? позвольте узнать.

— А-а! не участвуйте въ комплотахъ. Я вамъ признаюсь, вѣдь все ваше поведеніе для меня было всегда очень подозрительно; я и самъ думалъ, что вы за господинъ таковой, что ко всѣмъ ѣздите и всѣхъ просите: «посовѣтуйте

миѣ, Бога ради», да все твердите: «народъ, села, села, народъ»... Эй вы, вы!..—продолжалъ онъ, взглядывая на меня пронизательно и грозя миѣ пальцемъ предъ самымъ носомъ.—Губернатора вы могли надувать, но ужъ меня-то вы не надули: я сразу понялъ, что въ вашемъ поведеніи что-то есть и (добавилъ онъ въ другомъ тонѣ) вы если проиграли вашу нынѣшнюю ставку, то проиграли ее единственно чрезъ свою нерѣшительность. Почему вы миѣ прямо не высказались?

— Въ чемъ-съ, милостивый государь, въ чемъ?

— Конституціоналистъ вы, или вы радикаль? Выскажитесь вы, и я бы вамъ рискнулъ высказаться, что я самъ готовъ сюда Гамбетту, да-съ, да-съ не Дерби, какъ этотъ губернаторъ желаетъ, а прямо Рошфора сюда и непримиримаго Гамбетту сюда вытребовать... Я самый рѣшительный человекъ въ Россіи!

— Нѣтъ, позвольте ужъ васъ перебить: если на то пошло, такъ я знаю человекъ, который гораздо рѣшительнѣе васъ.

— Это кто?

— Генераль Перловъ; онъ прямо говоритъ, что если бы его воля, то онъ всю Европу бы перепоролъ, а всѣхъ насъ перевѣшалъ бы.

— Да... но вы забываете, что вѣдь между нами съ Перловымъ лежитъ бездна: онъ всѣхъ хочетъ перевѣшать, а я вѣдь противъ смертной казни и, въ случаѣ чего-нибудь, я бы первыхъ такихъ господъ самихъ перевѣшалъ, — отвѣчалъ, отворачиваясь, Готовцевъ.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ПЯТАЯ.

Живу затѣмъ я цѣлое лѣто въ Петербургѣ и жду денегъ изъ деревни. Скука страшная: жара, духота; Излеръ и Бергъ, Альфонсинны и Финеты, танцы въ панталонахъ, но безъ увлеченія, и танцы съ увлеченіемъ, но безъ панталонъ, порицаніе сильныхъ и преклоненіе предъ ними, задоръ и безсиліе, кичливость знаніями и литература, наилучшая наименованіе «орудія невѣжества»... Нѣтъ, нѣтъ. эта страна, можетъ-быть, и дѣйствительно очень хорошее «экзаменаціонное отдѣленіе», но... я слишкомъ слабо приготовленъ; миѣ нужно что-нибудь полегче, *подобразить*,

поспокойнѣе. А пока, дасть Богъ, можно будетъ уѣхать за границу; вспомнилось мнѣ, что я художникъ, и взялся сдѣлать выравкой портретъ Дмитрія Петровича Журавскаго, — человѣка, какъ извѣстно, всю свою жизнь положившаго на то, чтобъ облегчить тяжелую долю крестьянъ, и собиравшаго гроши своего заработка на ихъ выкупъ... Какъ хотите, характеръ первой величины, — какъ его не передать потомству? Сдѣлалъ доску и понесъ ее въ редакцію одного иллюстрированнаго изданія. «Дарю, молъ, вамъ ее, — печатайте».

Благодарятъ: говорятъ, что имъ этого не надо: это-де не интересно.

— Помилуйте, убѣждаю ихъ: — вѣдь это человѣкъ большой воли, человѣкъ *дѣла*, а не фарсовъ, и притомъ человѣкъ, дѣлавшій благое дѣло въ сороковыхъ годахъ, когда почти не было никакихъ средствъ ничего путнаго дѣлать.

— А его, спрашиваютъ, — повѣсили или не повѣсили?

— Нѣтъ, не повѣсили.

— И онъ изъ тюрьмы не уѣжалъ?

— Онъ и въ тюрьмѣ-то вовсе не былъ: онъ дѣйствовалъ законно.

— Ну, такъ ужъ это, отвѣчаютъ, — даже и совсѣмъ не интересно.

Отхожу и, какъ герой сентиментальнаго путешествія Стерна, говорю:

— Нѣтъ, это положительно лучше во Франціи, потому что тамъ даже нашихъ венецкихъ бабъ, Авдотью и Марью, и тѣхъ увѣковѣчили и по сю пору шоколадъ съ ихъ изображеніями продаютъ.

И вотъ-съ дѣла мои идутъ скверно: имѣніе не продается, и я даже зазимовалъ въ Петербургѣ.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТАЯ.

О Рождествѣ меня навѣщаетъ Фортунатовъ: радостный-прерадостный, веселый-превеселый.

— На три дня, говорить, — всего пріѣхалъ, и то тебя разыскалъ. Пошли рассказы: губернатора уже нѣтъ: «Онъ очень мнѣ надокучилъ, — говорить Фортунатовъ, — и, наконецъ, я его даванулъ въ затылокъ, такъ что ему сразу больничку въ губы продернули. Полетѣлъ, сердечный, кверху тормашками!

Теперь посмотрю, каковъ будетъ новый. Только ужъ мнѣ все равно: я по земству служу. Теперь въ открытую играть буду». Генераль Перловъ дошелъ, говорить, до обвинянія, потому что все еще ходитъ въ клубъ спать (такъ какъ предводительскаго зятя опять выбрали старшиною). «Если,—говоритъ упрямый старикъ,—войны не будетъ и романа написать не сумѣю, то мирюсь съ тѣмъ, что не миновать мнѣ долговой тюрьмы». Дергальскій отставленъ и сидитъ въ острогѣ за возмущеніе мѣщанъ противъ полицейскаго десятскаго, а приставъ Васильевъ выпущенъ на свободу, питается акридами и медомъ, поднимался вмѣстѣ съ прокуроромъ на небо по лѣстницѣ, которую видѣлъ во снѣ Іаковъ, и держалъ тамъ дебаты о незаконности наказаній, въ чемъ и духи, и прокуроръ пришли къ полному соглашенію; но какъ господину прокурору нужно получать жалованье, которое ему дается за обвиненія, то онъ увѣренъ, что о невѣроятности съ нимъ говорили или «легкіе», или «шаловливые» духи, которыхъ мнѣніе не авторитетно, и потому онъ спокойно продолжаетъ брать казенное жалованье, говорить о возмутительности вѣчныхъ наказаній за гробомъ и подводить людей подъ возможно тяжкую кару на землѣ.

На этомъ, почтенный читатель, можно бы, кажется, и кончить, но надобно еще одно послѣднее сказанье, чтобъ лѣтопись окончилась моя.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМАЯ.

Вотъ въ чемъ-съ должно заключаться это послѣднее сказанье: затянувшаяся бесѣда наша была внезапно прервана неожиданнымъ появленіемъ дядинаго слуги, который пришелъ извѣстить его, что къ нему заѣзжали два офицера отъ генерала Постельникова.

Занимавшій насъ своими разсказами, дяди мой такъ и затрепеталъ; да, признаюсь вамъ, что мы и всѣ-то сами себя нехорошо почувствовали. Страшно, знаете, не страшно, а все, какъ Гоголь говорилъ,—«трясеніе ощущается».

Пристали мы къ слугѣ: какъ это было; какіе два офицера приходили, и зачѣмъ?

— Ничего, говорить,—не знаю зачѣмъ, а только очень сожалѣли, что не застали, даже за головы хватались: «что

мы, говорятъ, теперь генералу скажемъ?» и съ тѣмъ и уѣхали. Обѣщали завтра рано заѣхать, а я, говоритъ, сюда и побѣжалъ, чтобъ извѣстить.

Добиваемся: не было ли еще чего говорено? Разспрашиваемъ слугу: не замѣтилъ ли онъ чего особеннаго въ этихъ гостяхъ?

Лакей поводитъ глазами и не знаетъ, что сказать, а намъ кажется, что онъ ни въсть что знаетъ да скрываетъ отъ насъ.

А мы его такъ и допрашиваемъ, такъ и шпыняемъ — хуже инквизиторовъ.

Бѣдный малый даже съ толку сбился и залепеталъ:

— Да Господи помилуй: ничего они особеннаго не говорили, а только одинъ говоритъ: — оставимъ въ конвертѣ; а другой говоритъ: — «нѣтъ это нехорошо: онъ прочтетъ, подумается и откажется. Нѣтъ, а мы его сразу, неожиданно, накроемъ!»

Изволите слышать: это называется «ничего особеннаго»!

Дядя всталъ на ноги и зашатался: совсѣмъ вдругъ сталъ боленъ и еле держится.

Уговаривали его успокоиться, просили остаться переночевать,—нѣтъ, и слушать не хочетъ.

Человѣка мы отправили впередъ на извозчикѣ, а сами вдвоемъ пошли пѣшечкомъ.

Идемъ молча,—слово не вяжется, во рту сухо. Чувствую это я и замѣчаю, что и дядя мой чувствуетъ то же самое, и говоритъ:

— У меня, братъ, что-то даже во рту сухо.

Я отвѣчаю, что и у меня тоже.

— Ну, такъ зайдёмъ, говоритъ, — куда-нибудь пропустить... А?

— Что же, пожалуй, говорю,—зайдёмъ.

— То-то; оно это и для храбрости не мѣшаетъ.

— Да, очень радъ, отвѣчаю,—зайдёмъ.

— Только возьмемъ нумерокъ, чтобъ поспокойнѣе... а то я этихъ общихъ комнатъ терпѣть не могу... лакей все такъ тебѣ въ ротъ и смотреть.

Понимаю, думаю себѣ,—любезнѣйшій дядюшка, все понимаю.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВОСЬМАЯ.

Завернули мы въ одинъ изъ ночныхъ кабачковъ... зашли комнату и заказали ужинъ и... насвистались, да такъ насвистались, что мнѣ стало казаться, что уже мы оба и лыка не вяжемъ.

И все это дядя!

— Пей, да пей, другъ мой, пристааетъ. — Наше вѣдь только сегодня, а завтра не наше; да все для храбрости еще да еще...

И сталъ мой дядя веселый, рѣчистый: пошелъ вспоминать про Брюлова, какъ тотъ, уѣзжая изъ Россіи, и платье, и бѣлье, и обувь по сю сторону границы бросилъ; про Нестора Васильевича Кукольника, про Глинку, про актера Соленика и Ивана Ивановича Панаева, какъ они разъ, на Крестовскомъ, варили такую жженку, что у прислуги отъ однихъ паровъ голова кругомъ шла; потомъ про Аполлона Григорьева со Львомъ Меемъ, какъ эти оба поэта, по вдохновенію, одновременно другъ къ другу навстрѣчу на Невскій выходили, и потомъ презрительно отозвался про нынѣшнихъ литераторовъ и художниковъ, которые пить совсѣмъ не умѣютъ.

Тутъ я что-то возразилъ, что тогда былъ вѣкъ романтизма и поэзіи и были и писатели такого характера, а нынче вѣкъ гражданскихъ чувствъ и свободы...

Но только-что я это вымолвилъ, дядя мой такъ и закипѣлъ.

— Ахъ, вы, говоритъ, — чухонцы этакіе: и вы смѣете романтиковъ не уважать? Какія такія у васъ гражданскія чувства? Откуда вамъ свобода возьмется? Да вамъ и вольности-то ваши дворянскія Дмитрій Васильевичъ Волковъ писалъ, запертый на замокъ вмѣстѣ съ датскимъ кобелемъ, а вамъ это любо? Ну, такъ вотъ за то же вамъ кукишъ будетъ подъ носъ изъ всѣхъ этихъ вольностей: людинаекъ у васъ, это, отобрали... Что, вѣдь отобрали?

— Ну, и что жъ такое: мы очень рады.

— Ну, а теперъ въ рекруты пойдете?

— И пойдемъ-съ, и гордимся тѣмъ, что это начинается съ нашего времени.

Но тутъ дядя вдругъ началъ жестоко глумиться надо

всѣмъ нашимъ временемъ и пошелъ, милостивые государи, что же доказывать, что нѣтъ, говорить, у васъ на Руси ни аристократовъ, ни демократовъ, ни патріотовъ, ни измѣнниковъ, а есть только одна деревенская попадья.

Согласитесь, что это Богъ знаетъ что за страннѣйшій выводъ, и съ моей стороны весьма простительно было сказать, что я его даже не понимаю, и думаю, что и самъ-то онъ себя не понимаетъ и говорить это единственно по поводу рюмки желудочной водки, стакана англійскаго пива да бутылки французскаго шампанскаго. Но представьте же себѣ, что вѣдь нѣтъ-съ: онъ еще пошелъ со мной спорить и отстаивать свое обидное сравненіе всего нашего общества съ деревенскою попадьею, и на какомъ же основаніи-съ? Это даже любопытно.

— Ты гляди, говорить, — когда деревенская попадья въ церковь придетъ, она не стоитъ какъ всѣ люди, а все туда-сюда егозитъ, ерзаетъ, да напередъ лѣзетъ, а скажетъ ей добрый человекъ: «чего ты, шальная, егозишь въ Божьемъ храмѣ? молись потихонечку», такъ она еще обижается и обругаетъ: «ишь, дуракъ, моль, какой выдумалъ: какой это Божій храмъ—это наша съ батюшкой церковь». И у васъ, говорить, ужъ нѣтъ ничего Божьяго, а все только «ваше съ батюшкой».

— И за то, говорить, — все, чѣмъ вы расхвастались, можно у васъ назадъ отнять: однихъ крестьянъ назадъ не закрѣпять, а васъ, либераловъ, всѣхъ можно какъ слесаршу Пошлепкину и унтеръ-офицерскую жену на улицѣ выпороть и доложить ревизору, что вы сами себя выпороли.. и сойдеть, какъ на собакѣ присохнетъ, лучше чѣмъ встарь присыхало; а ужъ меня не выпорютъ.

Но тутъ я, милостивые государи, оказался совершенно слабъ и помню только, что дядя какъ будто подсовывалъ мнѣ подъ голову подушку, а самъ, весь красненькій, бурчалъ:

— Нѣтъ-съ: слуга вашъ покорный, а ужъ я удеру, и вамъ меня пороть не придется!

На этомъ мѣстѣ, однако, для меня уже все кончилось, и я нѣсколько минутъ видѣлъ самого моего дядю деревенскою попадьею и хотѣлъ его спросить: зачѣмъ это онъ не молится тихо, а все егозитъ да ерзаетъ, но это оказалось сверхъ моихъ возможностей.

Получилъ я назадъ даръ слова не скоро, и это случилось такимъ образомъ: увидѣлъ я себя въ полумракѣ незнакомой комнаты, началъ припоминать: «гдѣ я и что это такое?»

Кое-какъ припомнилъ вчерашній загулъ и начинаю думать:

«А хорошо ли это? А что сэръ Чаннингъ-то пишетъ? Ну, дядя, ужъ я вамъ за то вычитаю канонъ, что вы меня опоили».

И съ этимъ, знаете, встаю... А гдѣ же дядя? А его и слѣдъ простылъ.

Звоню.

Входитъ лакей.

— Который часъ? любопытствую.

— Восьмой-съ, говоритъ.

— Стало-быть, еще не разсвѣтало?

— Нѣтъ-съ, ужъ это, говоритъ,—опять смерклося.

Представьте себѣ, это я, значить, почти сутки проспалъ.

Стыдно ужасно предъ лакеемъ! Что же это такое—народу проповѣдуемъ о трезвости, а сами...

Достойный примѣръ!

— Дайте, говорю,—поскорѣ мнѣ счетъ.

— Да счетъ, отвѣчаетъ,—еще вчера-съ этотъ господинъ заплатили.

— Какой господинъ?

— А что съ вами-то былъ.

— Да онъ гдѣ же теперь?

— А они, говоритъ,—еще вчера ушли-съ. Заплатили-съ, спросили бумаги, что-то тутъ вамъ написали и ушли.

— Скорѣй давайте мнѣ огня и эту бумагу.

Человѣкъ исполнилъ мою просьбу, и я, поддерживая одною рукою больную голову, а другою листъ сѣрой бумаги, прочелъ:

«Не сердись, что я тебя подпоилъ. Дѣло опасное. Я не хочу, чтобы и тебѣ что-нибудь досталось, а это неминуемо, если ты будешь знать, гдѣ я. Пожалуйста, иди ко мнѣ на квартиру и жди отъ меня извѣстій».

Можете себѣ представить этакой сюрпризъ, да еще на больную голову!

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТАЯ.

Прихожу я на дядину квартиру, — все въ порядкѣ, но человекъ въ большомъ затрудненіи, что дядя не ночевалъ дома, и до сихъ поръ его нѣтъ.

— А два офицера, это, любопытствую, — не приходили?

— Какъ же-съ, говорить, — приходили: они и утромъ два раза приходили, и въ пять часовъ вечера были, и сейчасъ опять только вышли, и снова обѣщали, часовъ въ одиннадцать, быть.

— Тьфу ты, что это за пропастъ такая!

Съ досады и съ немочи вчерашняго кутежа я ткнулся въ мягкій диванъ и ну спать... и спать, спать, спать, перевидавъ во снѣ живыми всѣхъ покойниковъ, и Нестора Кукольника, и Глинку, и Григорьева, и Панаева, и цѣлую Русь деревенскихъ попадей, и — вдругъ слышу: дзынь-дзынь, брызъ-брызъ...

— Встаньте-съ, — говоритъ мнѣ дядинъ слуга: — отбою вѣдь нѣтъ, — вотъ уже и нынче третій разъ приходятъ. «Дядюшки, говорятъ, нѣтъ, такъ хоть племянника буди».

— Вотъ те и разъ! Господи, да я-то имъ на что?

— А ужъ не могу доложить, но только спросили, сочинитель вы или нѣтъ?..

— Ну, а ты же, молъ, что отвѣтилъ?

— Я такъ, говорить, — и отвѣтилъ, что вы сочинитель, и вотъ они васъ ждуть.

— Отцы мои небесные! да что же это за наказаніе такое? — спросилъ я, возведя глаза мои къ милосердому Небу. — Ко мнѣ-то что же за дѣло? Я-то что же такое сочинилъ?.. Меня только всю мою жизнь ругаютъ и ужъ давно доказали и мою отсталость, и неспособность, и даже мою литературную... безчестность... Да, такъ, такъ: нечего конфузиться — именно безчестность. — Гриша, говорю, — голубчикъ мой: поищи тамъ на полкахъ хорошихъ газетъ, гдѣ меня ругаютъ, вынеси этимъ господамъ и скажи, что они не туда попали.

Лакей Гриша съ малороссійской флегмою направился къ полкамъ, а я уже было хотѣлъ уползти и удрать чернымъ ходомъ, какъ вдругъ эти-то канальскія черныя двери пріотворились и изъ-за нихъ высунулась бѣлокурая головка

съ усиками, и нѣжный голосокъ самую музыкальную ноту прозвенѣлъ:

— Excusez-moi, si je ne suis pas venu... съ того хода, гдѣ слѣдовало, но намъ такъ долго не удавалось къ вамъ проникнуть...

— Ничего-съ, отвѣчаю, — сдѣлайте милость, не извиняйтесь.

— Нѣтъ, не извиняться нельзя, но знаете... какъ быть: служба... и не радъ, да готовъ.

— Конечно, говорю, — конечно. Чѣмъ, однако, прикажете служить?

— Вотъ, мой товарищъ, — позвольте вамъ представить, поручикъ, — онъ тутъ назвалъ какую-то фамилію и вытянулъ изъ-за себя здороваго купидона съ краснымъ лицомъ и русыми котелками на вискахъ.

Я поклонился отрекомендованному мнѣ гостю, который при этомъ поправилъ усъ и портупею и положительно крикнулъ, какъ бы заявилъ этимъ, что онъ человекъ не робкаго десятка.

«Да мнѣ-то, думаю, что такое до васъ? По мнѣ, вы какіе ни будьте, я васъ и знать не хочу», и сейчасъ же самъ крикнулъ, и объявилъ имъ, что я здѣсь не хозяинъ и что хозяина самого, дяди моего, нѣту дома.

— Какъ же это такъ? Вы намъ скажите, пожалуйста, гдѣ онъ? Vous n'y perdrez rien, между тѣмъ какъ намъ это очень нужно, — говорилъ, сѣменя, юнѣйшій гость мой, межъ тѣмъ какъ старѣйшій строго молчалъ, опираясь на столъ рукою въ бѣлой замшевой перчаткѣ.

— Нѣтъ, вы, Бога ради, скажите, гдѣ вашъ дядюшка? мы его разыщемъ, — приставалъ младшій.

— Рѣшительно, говорю, — не знаю; что хотите — не знаю. Самъ даже этимъ интересуюсь, но все тщетно.

— Это изумительно.

— А однако это такъ.

— Ну, въ такомъ разѣ позвольте за васъ взяться.

Я смѣшался.

— Что? что такое? какъ за меня взяться?

— А вотъ вы сейчасъ съ этимъ познакомитесь, — отвѣчалъ гость, вытаскивая изъ кармана и предлагая мнѣ конвертъ съ большою печатью.

— Прошу, говорить,—вскрыть.

Нечего дѣлать: принимаю трепещущими руками этотъ конвертъ; вскрываю его; вытаскиваю оттуда листъ веленовой бумаги, на которомъ картинѣйшимъ писарскимъ почеркомъ написано... «Къ ней». Да-съ: ни болѣе, ни менѣе, какъ стихотвореніе, озаглавленное «Къ ней».

ГЛАВА ДЕВЯТИДЕСЯТАЯ.

Протеръ глаза еще разъ, взглянулъ—все то же самое—и вверху надпись «Къ ней»...

Я обидѣлся и разсердился и, не соображая уже никакихъ послѣдствій, спросилъ съ досадою: «это еще что такое?»

— А это, отвѣчаетъ мнѣ младшій изъ моихъ гостей:— на сихъ дняхъ въ балетѣ бенефисъ одной танцовщицы, которая... съ ней очень многія важныя лица знакомы, потому что она не только танцуетъ, но... elle visite les pauvres и...

— Но, позвольте, возражаю, — что же мнѣ до нея за дѣло?

— Совершенно вѣрно, совершенно вѣрно: вамъ нѣтъ до нея никакого дѣла, и она ни для кого никакого прямого значенія не имѣетъ, но... les jeunes gens font foule chez elle... и стараются услугами... совершенно невинными... невинными ей услугами доставить удовольствіе одному... очень почтенному и вліятельному лицу. Онъ человѣкъ уже, конечно, не первой молодости и въ эти годы, знаете, женщина для человѣка много значить и легко приобрѣтаетъ надъ нимъ вліяніе. Согласитесь, что все это вѣрно?

— Отлично-съ, говорю,—но что же мнѣ до этого за дѣло?

Гость обидѣлся.

— Я, говорить,—и не настаиваю, что *вамъ* есть до этого дѣло, но я прошу у васъ помощи и совѣта.

— А, это, молъ, другое совѣмъ дѣло и, успокоенный, прошу гостей садиться.

Офицеры поблагодарили, присѣли и младшій опять началъ:

— Генераль Постельниковъ, именемъ котораго мы рѣшились дѣйствовать, совѣмъ объ этомъ не знаетъ. Да-съ: онъ насъ сюда не посылать, а это мы сами, потому что, встрѣтивъ въ спискахъ фамилию вашего дядюшки и зная, что ваша семья такая литературная...

Ну, ужъ тутъ я, видя, что мой гость затрудняется и не знаетъ, какъ ему выпутаться, не сталъ ему помогать никакими возраженіями, а предоставилъ все собственному его уму и краснорѣчію—пусть, молъ, какъ знаетъ, не спѣша, изъяснитъ. Онъ, бѣднякъ, и изъяснялся, и попотѣлъ-таки, попотѣлъ, пока одолѣлъ мою непонятливость, и зато во всѣхъ подробностяхъ открылся, что онъ желаетъ быть замѣченнымъ генераломъ Постельниковымъ, и потому хочетъ преподнести его танцовщицѣ букетъ и стихи, но что стихи у него вышли очень плохи и онъ проситъ ихъ поправить.

«Такъ вотъ, думаю, чѣмъ весь этотъ переполохъ объясняется! Бѣдный мой дядя: за что же ты гибнешь?» И съ этимъ я вдругъ расхрабрился, кричу: «человѣкъ, чаю намъ!»—Господа, прошу васъ закурить сигары, а я сейчасъ... и, дѣйствительно, я въ ту же минуту присѣлъ и поправилъ, и даже ужъ, самъ не знаю, какъ поправилъ офицерское стихотвореніе «Къ ней», и пожелалъ автору поправиться балетной феѣ и ея покровителю.

— Ахъ, да! я цѣню вашу дружбу,—отвѣчалъ со вздохомъ мой гость:—цѣню и ваше доброе желаніе, но нашъ генералъ, нашъ бѣдный добрый генералъ... онъ теперь въ такомъ положеніи, что *il s'émert d'un rien*, и нельзя поручиться, въ какомъ состояніи онъ будетъ въ этотъ моментъ.

Я полюбопытствовалъ, что же такое отравляетъ драгоценное спокойствіе генерала Постельникова.

— Ахъ, это то же самое-съ, я думаю, что отравляетъ нынче спокойствіе многихъ и многихъ людей въ нашемъ отечествѣ... Это, въ самомъ дѣлѣ, иначе даже не можетъ и быть для истинныхъ европейцевъ: я молодъ, я еще, можно сказать, незначителенъ и не чувствую всего этого такъ близко. Но... но и я... *je déplore les maux de ma patrie*. Но онъ, нашъ генералъ, онъ, который помнить все это въ иномъ видѣ, когда эта «дурная болѣзнь», какъ мы это называемъ, еще робко кралась въ Россію подъ контрабандными знаменами Герцена, но Герценъ, помилуйте... Герцена только забили; онъ былъ зафденъ средою и сталъ рѣзкокъ, но онъ все-таки былъ человѣкъ просвѣщенный и остроумный,—возьмите хоть однѣ его клички «трехполѣнный», трехполѣнный, вѣдь это все острога ума, а теперь...

«Господи!.. что, думаю, за несчастье: еще какой такой Филимонъ угрожаетъ моей робкой родинѣ?» Но оказывается, что этотъ новый злополучный Филимонъ этого новаго, столь прекраснаго и либеральнаго времени есть разыскиваемый въ зародышѣ *Русскій Духъ* или, на бонтонномъ языкѣ современнаго бонтона, «дурная болѣзнь» нашего времени, для залугиванія котораго ее соединяють въ одну семью со всѣми семью язвами Египта.

— Трудное же, говорю,—господа, вамъ дѣло досталось—ловить русскій духъ!

— Чрезвычайно трудное-съ: еще ни одно наше поколѣніе ничего подобнаго не одолѣвало, но зато-съ мы, и только мы, первые, съ сознаниемъ можемъ сказать, что мы уже не прежнія вздорныя незабудки, а мы — сила, мы оппозиція, мы идемъ противъ невѣжества массы и, по теоріи Дарвина, будемъ до истощенія силъ бороться за свое существованіе. *Quoi qu'il arrive*, а мы до новолунія дадимъ генеральное сраженіе этому русскому духу.

— Да, было бы, говорю,—еще гдѣ его искать?

— О, не беспокойтесь: онъ такого свойства, что самъ скажется! Теперь его очень хорошо все понемножку издали по носу, да по носу! это очень тонкая тактика! Онъ этого долго не стерпитъ наконецъ и откуда-нибудь брызнетъ и запахнетъ. *J'espère, que moitié de force, moitié de gré* мы скоро заставимъ его высказаться, и тогда вы увидите, что всеобщее мнѣніе о бесполезности нашего учрежденія есть черная клевета. Благодарю васъ, что поправили мнѣ стихи. Прощайте... Если что-нибудь будетъ нужно... пожалуйста: я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ... что вы смотрите на моего товарища? — не беспокойтесь, онъ нѣмецъ, и ничего не понимаетъ ни по-французски, ни по-русски: я его беру съ собой для того только, чтобы не быть одному, потому что, знаете, про нашихъ немножко нехорошая слава прошла изъ-за одного человѣка, но, впрочемъ, и у нихъ тоже, у господъ нѣмцевъ-то, этотъ Пихлеръ... Ахъ, нехорошо-съ, нехорошо, очень нехорошо: впередъ ручаюсь, его нарочно осудятъ наши мужики! Ну, да чортъ ихъ возьми. Поклонитесь вашему дядюшкѣ и скажите ему, что генераль, еще недавно вспоминая о немъ, говорилъ, что онъ имѣлъ случай представлять о его почтенныхъ трудахъ для этихъ, какъ они... госпиталей или

больницъ и теперь въ самыхъ достойныхъ кружкахъ tout le monde révère sa vertu.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ПЕРВАЯ.

Съ этимъ мы распростились, но я не могъ исполнить порученія моего гостя и передать моему дядѣ уваженія, которымъ tout le monde почтилъ sa vertu, потому что дядя мой не появлялся въ свое жилище. Оказалось, что съ перепугу, что его ловятъ и преслѣдуютъ на суровомъ сѣверѣ, онъ ударился удирать на чужбину черезъ нашъ теплый югъ, но здѣсь съ нимъ тоже случилась маленькая неприятность, не совсѣмъ удобная въ его почтенные годы: на сихъ дняхъ я получилъ увѣдомленіе, что его какой-то армейскій капитанъ везначай выпоролъ на улицѣ, въ Одессѣ, во время недавнихъ сраженій грековъ съ жидами, и добродѣтельный Орестъ Марковичъ Ватажковъ столь удивился этой странной неожиданности, что, возвратясь выпоротый къ себѣ въ номеръ, благополучно скончался «естественною смертью», оставивъ на столѣ билетъ на пароходъ, съ которымъ долженъ былъ уѣхать за границу вечеромъ того самаго дня, когда пѣхотный капитанъ высѣкъ его на тротуарѣ, неподалеку отъ зданія новой судебной палаты.

Впрочемъ, къ гордости всѣхъ русскихъ патріотовъ (если таковые на Руси возможны), я долженъ сказать, что многострадальный дядя мой, несмотря на всѣ свои западническія симпатіи, отошелъ отъ сего міра съ пламенной любовью къ родинѣ и въ доставленномъ мнѣ посмертномъ письмѣ начерталъ слабою рукою: «Извини, любезный другъ и племянникъ, что пишу тебѣ весьма плохо, ибо пишу лежа на животѣ, такъ какъ другой позиціи въ ожиданіи смерти приспособить себѣ не могу, благодаря скорострѣльному капитану, который жестоко зарядилъ меня съ казенной части. Но находясь въ семъ положеніи за жидовъ и грековъ, которыхъ не имѣлъ чести познать до этого пріятнаго случая, я утѣшаюсь хоть тѣмъ, что умираю выпоротый все-таки самими моими соотчичами и тѣмъ кончаю съ милой родиной всѣ мои счеты, между тѣмъ какъ тебя соотечественники еще только предали на судъ онѣмеченныхъ и провинившихся килькой ревельскихъ чухонъ за недостатокъ почтенія къ исключенному за демонстраціи противъ прави-

тельства дерптскому нѣмецкому студенту, предсказывавшему, что наша Россія должна разлетѣться «wie Rauch».

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ВТОРАЯ.

Что же засимъ? — герой этой, долго утомлявшей читателя повѣсти умеръ, и умеръ, какъ жилъ, среди странныхъ неожиданностей русской жизни, такъ незаслуженно несущей покоръ въ однообразіи, — пора кончить и самую повѣсть съ пожеланіемъ вѣзмъ ее прочитавшимъ — силы, терпѣнія и любви къ родинѣ, съ полнымъ унованіемъ, что пусть, по пословицѣ, «велика растеть чужая земля своей похвальбой, а наша крѣпка станеть своею хайкою».

Оглавленіе

XV ТОМА.

СМѢХЪ и горе.

	стр.
Глава первая	5
Глава вторая	7
Глава третья	8
Глава четвертая	12
Глава пятая	16
Глава шестая	18
Глава седьмая	19
Глава восьмая	21
Глава девятая	24
Глава десятая	27
Глава одиннадцатая	28
Глава двѣнадцатая	30
Глава тринадцатая	34
Глава четырнадцатая	34
Глава пятнадцатая	36
Глава шестнадцатая	37
Глава семнадцатая	39
Глава восемнадцатая	40
Глава девятнадцатая	42
Глава двадцатая	44
Глава двадцать первая	46
Глава двадцать вторая	47
Глава двадцать третья	49
Глава двадцать четвертая	50
Глава двадцать пятая	52
Глава двадцать шестая	53

	стр.
Глава двадцать седьмая	54
Глава двадцать восьмая	56
Глава двадцать девятая	57
Глава тридцатая	58
Глава тридцать первая	59
Глава тридцать вторая	60
Глава тридцать третья	63
Глава тридцать четвертая	64
Глава тридцать пятая	65
Глава тридцать шестая	66
Глава тридцать седьмая	69
Глава тридцать восьмая	70
Глава тридцать девятая	72
Глава сороковая	74
Глава сорок первая	75
Глава сорок вторая	75
Глава сорок третья	78
Глава сорок четвертая	80
Глава сорок пятая	81
Глава сорок шестая	84
Глава сорок седьмая	86
Глава сорок восьмая	88
Глава сорок девятая	89
Глава пятидесятая	93
Глава пятьдесят первая	94
Глава пятьдесят вторая	98
Глава пятьдесят третья	102
Глава пятьдесят четвертая	103
Глава пятьдесят пятая	106
Глава пятьдесят шестая	110
Глава пятьдесят седьмая	112
Глава пятьдесят восьмая	113
Глава пятьдесят девятая	115
Глава шестидесятая	116
Глава шестьдесят первая	119
Глава шестьдесят вторая	123
Глава шестьдесят третья	125
Глава шестьдесят четвертая	128
Глава шестьдесят пятая	130
Глава шестьдесят шестая	131

	СТР.
Глава шестьдесят седьмая	133
Глава шестьдесят восьмая	135
Глава шестьдесят девятая	137
Глава семидесятая	139
Глава семьдесят первая	142
Глава семьдесят вторая	143
Глава семьдесят третья	150
Глава семьдесят четвертая	151
Глава семьдесят пятая	156
Глава семьдесят шестая	159
Глава семьдесят седьмая	161
Глава семьдесят восьмая	163
Глава семьдесят девятая	166
Глава восемьдесятая	171
Глава восемьдесят первая	173
Глава восемьдесят вторая	174
Глава восемьдесят третья	176
Глава восемьдесят четвертая	178
Глава восемьдесят пятая	180
Глава восемьдесят шестая	181
Глава восемьдесят седьмая	182
Глава восемьдесят восьмая	184
Глава восемьдесят девятая	187
Глава девяностая	189
Глава девяносто первая	192
Глава девяносто вторая	193

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1903-й ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

НИВА

СО МНОГИМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получают въ теченіе 1903 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года до 2000 столбцовъ текста и 1100 гравюръ, рисунковъ и художественныхъ снимковъ.

40 **ТОМОВЪ** „Сборника Нивы“ (каждый 10—15 листовъ, въ общемъ около 9000 страницъ), содержащихъ:

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ

16 **ТОМАХЪ** **А. ЧЕХОВА**

(цѣна въ отдѣльной продажѣ 17 р. 50 к.), которое будетъ отпечатано на хорошо-глазировав. бумагѣ и будетъ выдано въ теченіе одного 1903 года, и

ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНІЙ

24 **ОСТАЛЬ-НЫХЪ ТОМА** **Н. ЛЪСКОВА**

(цѣна въ отд. продажѣ 17 р.), значительно дополненнаго многими произведеніями, не вошедшими въ прежнія изданія.

12 **КНИГЪ** „ЕЖЕМЕСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПОУЧЕБНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы библиографіи, музыки, смѣси, шахматовъ и шашекъ, спорта, забавъ и разныхъ игръ. До 2000 столбцовъ текста съ иллюстраціями.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ ежемесячно. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на вопросы подписчиковъ.

12 **ЛИСТОВЪ** рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ работъ и для вышиванія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1 „СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1903 г., отпечатанный въ 9 красокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на годовое изданіе журнала «НИВА» со всеми приложеніями: БЕЗЪ ДОСТАВКИ: 1) въ С.-ПЕТЕРБУРГЪ—6 р. 50 к.; 2) въ Москвѣ въ конт. Н. Н. Печковской, Петровск. лин.—7 р. 25 к.; 3) въ Одессѣ въ конт. маг. «Образованіе», Ришельевская ул.—7 р. 50 к. СЪ ДОСТАВКОЙ въ СПБ.—7 р. 50 к. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВО ВСѢ ГОРОДА И МѢСТНОСТИ РОССІИ—8 р. За границу 12 р.

Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1903 г. со всеми приложеніями, еще приложенные при „Нивѣ“ въ 1902 г.

12 **ТОМОВЪ** полнаго собранія сочин. **ЛЪСКОВА**, доплачиваютъ одновременно при подпискѣ: безъ доставки въ СПБ. 1 р. 50 к., въ Москвѣ и Одессѣ 1 р. 75 к.; съ дост. въ СПБ. и съ перес. иносгороднымъ и за границу—2 руб., такъ что для новыхъ подписчиковъ **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА** составитъ: въ СПБ. безъ доставки—8 руб., съ дост. 9 руб. 50 коп. СЪ ПЕРЕСЫЛ. ВО ВСѢ МѢСТА РОССІИ—10 руб. и за границу—14 руб.

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛИОТЕКУ „НИВЫ“,

въ составъ которой входитъ 2-е стереотипное роскошно-иллюстрированное изданіе in quarto:

ИСТОРИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

полная, подробная, въ общедоступномъ изложеніи, составленная

П. И. ПОЛЕВЫМЪ.

„Исторія Русской Словесности“ выйдеть въ свѣтъ въ теченіе 1903 г. въ видѣ 12-ти ежемѣсячныхъ выпусковъ (по одному выпуску въ началѣ каждого мѣсяца), которые составятъ три большихъ тома in quarto, заключающихъ въ себѣ болѣе 2000 страницъ, около 1000 гравюръ на деревѣ и автотипіи, 19 хролодотипграфій, отпечатанныхъ многими красками и золотомъ, и 88 отдѣльныхъ приложеній, исполненныхъ разными способами воспроизведенія.

ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ,

для ознакомленія съ изданіемъ, продается отдѣльно за одинъ рубль съ перес. (можно присылать почтов. марками въ заказныхъ письмахъ). Лица, выписавшія первый выпускъ „Исторіи Русской Словесности“, могутъ подписаться на все изданіе со 2-го выпуска, уплачивая однимъ рублемъ меньше.

Благодаря богатому содержанию, ясности и простотѣ изложенія, общему и разнообразію иллюстрацій и роскошной внѣшности въ отношеніи бумаги и шрифта, при весьма умѣренной цѣнѣ и очень льготныхъ условіяхъ разсрочки. — „Исторія Русской Словесности“ въ нашемъ изданіи должна занять видное мѣсто въ числѣ любимыхъ настольныхъ книгъ русской семьи, въ которую она можетъ внести такъ много важныхъ и поучительныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для каждого образованнаго человѣка.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на все изданіе, выходящее въ 12-ти выпускахъ, по одному выпуску въ мѣсяцъ. Безъ доставки: 1) въ С.-Петербургъ—12 р.; 2) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи), и въ Одессѣ, въ книжн. маг. „Образованіе“ (Ришельевская, № 12),—13 р. Съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ все города и мѣстности Россіи—14 р. Съ перес. за границу—16 руб.

Разсрочка допускается въ 2, 3, 4 и 6 сроковъ.

Для подписчиковъ имѣются въ продажѣ три изданныхъ и прочныхъ переплета изъ лучшаго англійскаго колленора, съ коняными корешками, цѣною въ 3 руб., съ перес.—4 руб.

Желающіе могутъ получить сразу все изданіе (12 выпусковъ), безъ переплетовъ или въ 3-хъ колленоровыхъ переплетахъ, уплативъ сразу стоимость изданія по цѣнѣ 12 руб., съ пересылкою 14 руб.; въ 3-хъ переплетахъ 16 руб., съ пересылкою въ Европейской Россіи 19 руб., а въ Азіатскую Россію—по разстоянію за 30 фунтовъ.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ на „НИВУ“ и „ИСТОРИЮ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ“ высылается бесплатно по первому требованію.

Требованія адресовать въ Главную Контору журнала „НИВА“, С.-Петербургъ, улица Гоголя (бывш. Малая Морская), 22.

ВОЗЗВАНІЕ

Православные христіане великой землѣ

24.124/15

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ своей неустанной отеческой заботѣ о благоденствіи своихъ вѣроподданныхъ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ соизволилъ въ 24-й день Августа 1902 года на открытіе повсемѣстно по Имперіи сбора пожертвованій на сооруженіе православнаго Каедральнаго Собора въ Ташкентѣ.

Городъ Ташкентъ, какъ административный центръ Туркестанскаго Генераль-Губернаторства, состоящаго изъ пяти обширныхъ областей, быстро развивается во всѣхъ отношеніяхъ и въ зависимости отъ этого прогрессивно увеличивается православное вѣроисповѣданіе, достигшее въ настоящее время до 25 тысячъ человекъ православнаго вѣроисповѣданія, не считая войскъ. Между тѣмъ въ городѣ имѣется всего три православныхъ храма, изъ которыхъ самый обширный принадлежитъ военному вѣдомству, а остальные два приходскихъ храма съ трудомъ могутъ вмѣстѣ вмѣстѣ около 1500 прихожанъ, вслѣдствіе чего значительное большинство православныхъ горожанъ лишено возможности присутствовать на богослуженіи и слушать слово Божіе. Для истинно православнаго христіанина вообще тяжело быть лишеннымъ нравственнаго успокоенія и утѣшенія въ Божественной службѣ и въ церковной молитвѣ, но тяжесть эта особенно ощущается здѣсь въ Средней Азій, въ дали отъ родины, среди чуждаго намъ по вѣрѣ многочисленнаго мусульманскаго населенія. Тяжело и обидно для національнаго чувства такое положеніе, въ которомъ находятся нынѣ православные христіане въ Ташкентѣ, ибо въ то время какъ Ташкентскіе мусульмане имѣютъ множество своего духовенства, мечетей и молитвенныхъ домовъ — православные жители этого города, исповѣдывающіе господствующую въ Русскомъ Государствѣ религію, лишены, по недостатку храмовъ Божіихъ и соотвѣстнаго числа священнослужителей, возможности удовлетворить свои религиозно-нравственныя потребности.

Святѣйшій Синодъ уже давно обратилъ вниманіе на столь ненормальное положеніе и еще въ 1898 году призналъ необходимымъ перенести въ Ташкентъ изъ Вѣрховаго Епископскую каедру. Столь благаа мысль, задержавшаяся неизмѣнимъ средствъ въ настоящее время близка уже къ осуществленію, — благодаря чему Ташкентскаго епархіальнаго наместника будетъ скоро имѣть здѣсь Епископа съ полнымъ Архіерейскимъ клиромъ, что несомнѣнно въ сильной степени будетъ способствовать славію и величію православія. Воспослѣдовавшее нынѣ высокомилоостивое соизволеніе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА на открытіе подлиски на сооруженіе здѣсь Каедральнаго Собора еще болѣе укрѣпитъ доброе сердце каждаго русскаго человека дѣло православія на мусульманской окраинѣ Имперіи, давъ возможность горсти русскихъ людей, несущихъ здѣсь Царскую службу возносить Всевышнему горячія молитвы за своего МОНАРХА и за дорогую всѣмъ намъ родину.

Православный русскій народъ искони отличался ревностью въ устройствѣ и благоустройствѣ храмовъ Божіихъ, а потому Комитетъ по сбору пожертвованій на постройку Собора глубоко вѣритъ, что истинно русскіе люди всѣхъ сословій, состояній и общественныхъ положеній — откликнутся сочувственно на настоящее воззваніе и помогутъ своими посильными лептами постройкѣ Ташкентскаго Каедральнаго Собора, который своимъ виднѣшимъ видомъ и благоустройствомъ соотвѣтствовалъ бы могуществу Россіи и величію православной вѣры.

Пожертвованія могутъ присылаться или непосредственно на мое имя, или вноситься во всѣ мѣстныя Казначейства, или же препровождаться въ тѣ редакціи газетъ, которыя изъявляютъ на то согласіе и опубликуютъ о семъ печатно.

Подписные листы прошу возвращать на мое имя для составленія общаго списка жертвователей и для сведенія расчета пожертвованныхъ суммъ.

Отчетъ о поступившихъ пожертвованіяхъ будетъ публиковаться періодически въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ.

Предсѣдатель Комитета, Туркестанскій Генераль-Губернаторъ

Генераль-Лейтенантъ Ивановъ.

<http://sin.org.pl>

F

24 12.4/
145